

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗ.

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ — ИЮНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

3

1980

<i>Молок Ф. А.</i> Издание трудов В. И. Ленина в Чехословакии	3
<i>Лаврик Э. Г., Покивайлова Т. А.</i> К вопросу о складывании многостороннего экономического сотрудничества европейских социалистических стран	11
<i>Шинкарев А.</i> КПЮ и Независимые профсоюзы в Югославии (1921—1929)	25
<i>Димитрис Лулес</i> (Греция). Образование Греческого государства и Россия (1824—1832)	37
<i>Кореневская Н.</i> Образ времени в поэзии Десанки Максимович	53
<i>Мартыненко Г. Я.</i> Грамматико-лексическое поле и типовое значение заместителей (на материале указательных местоимений болгарского языка)	67

Сообщения

<i>Бобрик М. Н.</i> Борьба ПНР за созыв общеевропейского совещания (1964—1972)	79
--	----

Из истории славяноведения

<i>Досталь М. Ю.</i> И. И. Срезневский как славист (1812—1880)	90
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Белякевич И. И.</i> Ценная книга по истории борьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость	106
<i>Антонюк С. М., Васильева Л. Д., Макар Ю. И.</i> Очерки истории советско-польских отношений 1917—1977	108

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Кржанз М. Г.</i> Мурашко Г. П. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	110
<i>Мизайленко В. И.</i> Книга о боевых действиях войск фашистской Италии против Югославии (1941—1943)	112
<i>Кудрявцева Н. И.</i> Stefan Turlej. Konserpcje ustrojowe obozu londyńskiego	114
<i>Иванова Ю. В.</i> Хозяйство и общество на Балканах в средние века	115
<i>Лозинский И. Н.</i> Н. Ф. Копыстьянская. Жанровые модификации в чешской литературе	117
<i>Федорук А.</i> Генезис и развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (от истоков до 1917 года)	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е. П.</i> В специализированном Совете при Институте славяноведения и балканистики АН СССР (по всеобщей истории)	122
<i>Белякевич И. И.</i> Научная конференция, посвященная 35-летию Польской Народной Республики	122
<i>Воробьева И. Г.</i> Научный симпозиум по проблемам аграрной истории развитого феодализма в Ижевске	124
<i>И. К.</i> Научная сессия в Катовицах	125
<i>Норман Б. Ю.</i> Научная конференция белорусских и болгарских языковедов	125
<i>Р. С.</i> Новые книги	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДЬЯКОВ, В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

Ф. А. МОЛОК

ИЗДАНИЕ ТРУДОВ В. И. ЛЕНИНА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Крупнейшим событием в истории чехословацкого революционного рабочего движения было создание Коммунистической партии Чехословакии на Объединительном съезде, собравшемся 30 октября 1921 г. в пригороде Праги Смихове. И в ходе подготовки всех революционных сил к организационному и идейному объединению, и, особенно, после создания КПЧ, в борьбе партии с оппортунизмом и центризмом, левацкими тенденциями и сектантством, за чистоту марксистско-ленинского учения и его творческое применение в чехословацких условиях выдающееся значение имело распространение трудов В. И. Ленина в переводах на чешский и словацкий языки¹.

Первые издания трудов В. И. Ленина на чешском языке были предприняты за пределами Чехословакии, их осуществили в 1919 г. чехословацкие коммунисты в Советской России и революционная организация чехословацких эмигрантов в Чикаго — «Рабочий кружок»². В том же 1919 г. ленинские работы начали систематически публиковать газеты и журналы левых социал-демократов и социалистов, что способствовало более широкому ознакомлению с ними прогрессивной чехословацкой общественности. Так, газета «Свобода» (Кладно) опубликовала отрывки из книги В. И. Ленина «Государство и революция», изложение его работы «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Выдержки из работы «Государство и революция» были также напечатаны в газетах «Дельницки денник» (Брно) и «Социальни демократ» (Прага) и в пражском журнале анархо-коммунистов «Червень». Эти же органы социалистической печати опубликовали тезисы и доклад В. И. Ленина о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре. В 1920 г. полный перевод книги В. И. Ленина «Государство и революция» вышел в издательствах «Червень» и «Социальни демократ»³, а также в серии книг, издававшихся журналом «Кмен», которым руководил известный пролетарский поэт С. К. Нейман⁴.

Глубокий анализ, данный Лениным в этой работе системе взглядов Маркса и Энгельса на государство, произвел огромное впечатление на

¹ В настоящем сообщении мы рассматриваем переводы произведений В. И. Ленина лишь на эти языки. Между тем «с работами В. И. Ленина общественность Чехословакии знакомилась в переводах на чешский, словацкий, немецкий, венгерский, польский языки, а также на языке оригинала» (А. Х. К л е в а н с к и й. В. И. Ленин и создание Коммунистической партии Чехословакии. В кн. В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973, с. 126).

² J. V o b r. Knižni dilo V. I. Lenina vydané v Československu v letech 1919—1945. Brno, 1974, s. 8, 10, 11.

³ Ibid., s. 10.

⁴ Z. N e j e d l ý. Lenin. Díl II. Praha, 1950, s. 477—478.

молодого рабочего Клемент Готвальда, только еще начинавшего свою революционную деятельность. Много лет спустя, он писал: «Я сейчас помню, что происходило во мне, когда я читал первую книгу Ленина. Это была „Государство и революция“. Эта книга была для меня в полном смысле откровением: мне казалось, что предо мной открывается новый мир...»⁵. «Статьи и книги Ленина, — вспоминал позднее руководитель немецких социал-демократов Чехословакии К. Крейбих, — воздействовали тогда на нас, как в молодости первое чтение сочинений Маркса и Энгельса. Для нас как бы еще раз возродился революционный марксизм»⁶.

Ученый и известный деятель чехословацкой компартии Л. Штолл считал, что «ленинская работа „Государство и революция“ оказала большое влияние на создание чехословацкой компартии, на развитие чешской социалистической культуры»⁷. Крупный чешский поэт и переводчик советской литературы И. Тауфер писал, что эта ленинская книга помогла ему связать свой путь с революционными рабочими, «а отсюда прямая дорога вела в коммунистическое движение»⁸.

На словацком языке ленинский труд «Государство и революция» был издан в 1923 г. О популярности этой работы В. И. Ленина в Чехословакии свидетельствует и тот факт, что в начале 1934 г. «Государство и революция» в чешском переводе вышла в коммунистическом издательстве К. Борецкого уже третьим изданием⁹.

После образования КПЧ издание ленинских работ в Чехословакии осуществлялось систематически и планомерно. Так, по решению ЦК Чехословацкой компартии с 1924 по 1929 г. в Праге в коммунистическом издательстве К. Борецкого вышла в свет девятитомная «Ленинская библиотека»¹⁰. Пять томов этого издания составляли такие труды Ленина как «Империализм, как высшая стадия капитализма», сборник «Революция 1917» (в этот том вошли статьи, написанные в 1917 г.), «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», «Пролетарская революция и ренегат Каутский». В это же издание вошли три тома «Капитала» К. Маркса. Кроме того, в одном томе «Ленинской библиотеки» была опубликована работа И. В. Сталина «Вопросы ленинизма»¹¹.

В 1925 г. по решению ЦК КПЧ была основана «Малая библиотека ленинизма», в которую, кроме ленинских произведений (в основном, печатавшихся в «Ленинской библиотеке»), сборника статей В. И. Ленина о Толстом, вошли также работы К. Маркса «Критика Готской программы», «Наемный труд и капитал» и ряд книг Р. Люксембург. Это издание продолжалось до конца 1938 г., всего было выпущено восемь томов¹².

В начале 30-х годов в Чехословакии предпринимается трехтомное издание трудов В. И. Ленина. Активное участие в этой работе принимал Б. Шмераль — выдающийся деятель чехословацкой компартии, один из авторитетных знатоков ленинского наследия. Шефство над этим изданием, получившим широкое распространение среди прогрессивной общест-

⁵ К. Готвальд. Рабочим — социал-демократам о теории Ленина. Избранные произведения, т. I. М., 1957, с. 394.

⁶ Цит. по: А. Х. Клеванский. Там же, с. 127.

⁷ L. Stoll. Tricet let bojů za českou socialistickou poesii. Praha, 1950, s. 29.

⁸ «Анкета „Иностранной литературы“» (ответ Иржи Тауфера). М., 1970, № 4, с. 234—236.

⁹ J. Pilař. Lenin. «Stát a revoluce». «Tvorba», 1934, № 6, с. 87.

¹⁰ J. Prohazka. Nad českým příkladem Leninova díla. «Praha—Moskva», 1958, № 4, с. 299.

¹¹ О составе «Ленинской библиотеки» см. «Ke studiu marxismu a leninismu». «Tvorba», 1931, № 48, с. 768.

¹² К. Вогеску. Mala knihovna leninismu. «Tvorba», 1929, № 25/26, с. 400; J. Prohazka. Ibid., с. 300.

венности, взяли профессора Пражского университета Эд. Нееды, Ф. Крейчи и Ф. Шальза¹³.

Тогда же ЦК КПЧ принял решение готовить первое 20-томное Собрание сочинений В. И. Ленина на чешском языке. По поручению чехословацкой компартии это собрание начал готовить в Москве в Издательском товариществе иностранных рабочих в СССР известный переводчик ленинских работ чешский коммунист Я. Прохазка. Вскоре к Прохазке присоединились опытные чешские литераторы-коммунисты В. Прокупек и Л. Штолл¹⁴. За основу для чешского издания они взяли второе издание Собрания сочинений В. И. Ленина, вышедшее в Советском Союзе¹⁵.

В первом томе этого издания, вышедшего в Праге в 1933 г.¹⁶ под названием «Борьба за большевизацию партии», были помещены ленинские работы «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», ленинские материалы и письма, посвященные II съезду РСДРП и расколу в редакции «Искры» в 1904 г.¹⁷

Отдельными томами были изданы труды В. И. Ленина о революции 1905—1907 гг.¹⁸, «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция»¹⁹.

В 1937 г. вышел в свет 6-й том под названием «Социально-экономические основы новой русской революции», куда вошли работы: «Развитие капитализма в России» и «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» со вступительной статьей известного советского исследователя В. Адоратского — «Ленинизм и его международное значение»²⁰.

В 1938 г., как вспоминал много лет спустя Я. Прохазка, «... мы уже полностью подготовили к печати 7-й и 8-й тома Ленина, в полном разгаре была работа над следующим. Но тут пришел Мюнхен. Коммунистическую партию в республике запретили»²¹. Последующие тома Собрания сочинений Ленина на чешском и словацком языках уже готовились в Чехословакии после окончания второй мировой войны²².

Большим вниманием в конце 20-х и в 30-е годы пользовались в Чехословакии в кругах прогрессивной творческой интеллигенции работы В. И. Ленина, посвященные проблемам культуры. Так, в связи со 100-летием со дня рождения Л. Н. Толстого в 1928 г. отдельным изданием в Праге на чешском языке были выпущены статьи В. И. Ленина, глубоко вскрывающие социальные корни творчества Толстого. Этому изданию была предпослана статья Ю. Фучика «Ленин — литературный критик»²³.

Публиковались в эти годы в коммунистическом литературном еженедельнике «Творба» и статьи, посвященные отношению В. И. Ленина к использованию пролетариатом культурного наследия прошлого. В частности, была опубликована статья старого большевика В. Карпинского «Ленин о культурной революции»²⁴. Отношению В. И. Ленина к кино

¹³ Ф. М о л о к. Распространение ленинских работ в Чехословакии в 20—30-е годы. «История СССР», 1970, № 5, с. 224.

¹⁴ Г. У с т и н о в. Высокое призвание. «Известия», 1977, 24 октября.

¹⁵ J. P r o h a z k a. Ibid., s. 300.

¹⁶ Г. У с т и н о в. Там же.

¹⁷ J. P r o h a z k a. Ibid., s. 300.

¹⁸ Сообщение о выходе тома с работами В. И. Ленина см. «Творба», 1936, № 7, с. 111.

¹⁹ «Творба», 1937, № 4, с. 64.

²⁰ Ibid., s. 301.

²¹ Г. У с т и н о в. Там же.

²² Там же.

²³ Ю. Ф у ч и к. Ленин — литературный критик. В сб. Юлиус Фучик о театре и литературе. Л.—М., 1964, с. 152—155.

²⁴ «Творба», 1930, № 6, с. 75.

как самому массовому виду искусства посвятил свою статью «Ленин и кино» известный чехословацкий марксистский критик Л. Лингарт²⁵.

В 30-е годы в прогрессивных и коммунистических издательствах Чехословакии продолжали выходить отдельные сборники статей В. И. Ленина: «Марксизм», «О религии» и др.²⁶ В 1933 г. почти одновременно в двух издательствах Чехословакии «Наши цesty» (Кладно) и «Лева фронта» (Прага) впервые был издан на чешском языке труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в переводе Л. Свободы (псевдоним братьев-коммунистов В. и Я. Прохазка). Издание этой важнейшей философской работы вызвало благожелательный отклик в Чехословакии, в прогрессивной печати были опубликованы, в частности, рецензия Л. Штоллы и заметка В. Незвала, посвященные этой ленинской работе²⁷.

Дополнительно отметим, что как в 20-е, так и в 30-е годы наряду с книжными изданиями ленинских сочинений большое распространение получила публикация статей Ленина в коммунистической периодической печати — в газетах «Руде право», «Правда», в еженедельнике «Творба», журнале «Дав» и др. Особенно часто публикации работ В. И. Ленина в периодической печати приурочивались к датам его жизни и деятельности. Нередко ленинские материалы выбрасывались цензурой из периодических изданий. Так, был конфискован номер «Руде право» от 27 января 1924 г., целиком посвященный памяти В. И. Ленина²⁸. Цензура полностью вырезала и текст ленинской статьи «Советы постороннего», опубликованной в конце 20-х годов в журнале «Творба», оставив лишь фотографию Ленина и дату написания статьи²⁹.

В январе 1930 г. в коммунистической прессе Чехословакии были напечатаны две ленинские статьи: «Как организовать соревнование?»³⁰ (в сокращенном виде) и «Письмо к товарищу о наших организационных задачах»³¹. Публиковались в 1935 г. и выдержки из книги В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»³². В этом же номере еженедельника была помещена статья Н. П. Горбунова, посвященная работе В. И. Ленина на посту председателя Совнаркома³³.

Большой интерес представлял составленный из материалов коммунистической печати Чехословакии и специальный четвертый номер еженедельника «Творба», вышедший в январе 1937 г. После передовицы и статьи, посвященной памяти В. И. Ленина, в этом же номере была помещена статья А. Барбюса — «Ленин — революционер по призванию». Кроме того, читатель мог ознакомиться со стихами В. Незвала и С. К. Неймана о В. И. Ленине.

Особенно важное значение имела публикация ленинских трудов в словацких коммунистических периодических изданиях, так как на этом языке в эти годы была издана лишь работа «Государство и революция». В связи с ростом забастовочного движения в газете словацких коммунистов «Правда» 23 января 1930 г. был напечатан отрывок из ленинской статьи «Экономическая и политическая стачка». Некоторые из ленинских работ публиковались в 30-е годы в прогрессивном общественно-литературном журнале «Дав». Так, в 1932 г. в нем был помещен обзор ленинских высказываний под заголовком «Этапы и условия большевистской револю-

²⁵ «Tvorba», 1931, № 2, s. 26.

²⁶ J. P r o h a z k a. Ibid., s. 300.

²⁷ Ibid.

²⁸ «Rudé právo», 27 I 1924.

²⁹ Ibid.

³⁰ «Rudé právo», 21 I 1930.

³¹ «Tvorba», 1930, № 2, s. 21.

³² «Tvorba», 1935, № 3, s. 39.

³³ Ibid., s. 36—38.

ции»³⁴. Дважды, в 1933 и в 1935 гг. в журнале «Дав» печатались отрывки из работы Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский»³⁵.

Изучение ленинского наследия оказало большое влияние на научную и литературную деятельность целого ряда чехословацких марксистов — деятелей культуры и литературы, таких, как З. Неедлы, Ю. Фучик, К. Конрад, Л. Штолл, Б. Вацлавек, Э. Уркс, П. Илемницкий, Л. Новомеский, В. и Я. Прохазка и др.

Вскоре после написания, еще в 1924 г., были переведены на чешский язык воспоминания А. М. Горького о В. И. Ленине, подготовленные писателем к печати во время его пребывания в Марианских Лазнях³⁶. Позже эти воспоминания Горького многократно переиздавались в Чехословакии, особенно в 30-е годы³⁷.

С начала 30-х годов в коммунистической печати Чехословакии начали публиковаться материалы и воспоминания Н. К. Крупской, посвященные В. И. Ленину. Так, в январе 1930 г. в «Творбе» была помещена речь Н. К. Крупской «Стойте под ленинским знаменем», произнесенная ею на траурном заседании Второго съезда Советов СССР в январе 1924 г., посвященном В. И. Ленину³⁸.

В 1932 г. в еженедельном приложении к «Руде право» под заголовком «Владимир Ильич в Октябрьские дни» был напечатан большой фрагмент из «Воспоминаний о Ленине» Н. К. Крупской³⁹.

В середине 30-х годов «Воспоминания» Н. К. Крупской были полностью изданы на чешском языке прогрессивным пражским издательством «Одеон». Первая часть воспоминаний была опубликована в 1934 г., вторая и третья — в 1935 г. В журнале «Творба» были напечатаны заметки о книге Крупской⁴⁰. Воспоминания Крупской помогли передовым чехословацким рабочим и прогрессивной общественности лучше представить себе, каким скромным человеком в жизни был величайший вождь международного пролетариата В. И. Ленин.

Нам представляется важным сказать и о работе З. Неедлы, посвященной В. И. Ленину. Будучи летом 1935 г. в Москве, З. Неедлы делился с Ю. Фучиком своими планами написания книги о Ленине. «Уже давно, — говорил он, — у меня появилось страстное желание написать книгу о величайшем человеке, который известен в истории, о Ленине». Свою мысль Неедлы заканчивал следующими словами: «Не могу без этого продолжать работу (имеется в виду работа над другими книгами, в частности, о Сметане. — Ф. М.). Теперь для меня это — жизненная необходимость»⁴¹.

Неедлы придавал большое агитационное значение своей работе над биографией В. И. Ленина. Он был убежден, что «живой материал, построенный на биографии великого человека, быстро нашел бы большой круг читателей»⁴².

В 1937 г. к 20-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в прогрессивном издательстве Яна Фромека был издан в Праге первый том монографии З. Неедлы о Ленине⁴³, где автор показал жизнь

³⁴ «Dav», 1932, № 9, s. 126—127.

³⁵ «Dav», 1933, № 5, s. 68—69; 1935, № 4, s. 52.

³⁶ J. P r o h a z k a. Ibid., s. 301.

³⁷ «Leva fronta», Praha, 1937.

³⁸ «Tvorba», 1930, № 2, s. 17.

³⁹ «Rudé právo», 6 XI 1932 («Nedělní příloha», s. 5).

⁴⁰ «Tvorba», 1934, № 31, s. 486; 1935, № 15, s. 236.

⁴¹ J. F u č i k. Profesor Nejedlý píše knihu o Leninovi. (Rozhovor se Z. Nejedlým v noci na ulicích Moskvy.) «Rudé právo», 3 VII 1935.

⁴² ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 9, д. 202, л. 52, ежедневные информационные сводки ВОКС за март 1935 г. Из письма уполномоченного ВОКС в Чехословакии.

⁴³ J. H e ř t o v a. Leninská monografie. In: «Zdenek Nejedlý a Sovětský Svaz». Praha, 1977, s. 12—15.

и революционную деятельность Ленина до его отъезда в 1900 г. за границу для осуществления издания газеты «Искра»⁴⁴. В конце 1938 г. в Чехословакии вышел в свет второй том, отражавший деятельность Ленина в первой эмиграции (1900—1905)⁴⁵. Третий том монографии Неедлы сдал в печать почти накануне захвата Чехословакии гитлеровцами весной 1939 г.⁴⁶ В своей монографии Неедлы рисует многогранный образ В. И. Ленина — революционера, мыслителя и человека, стремится ответить на вопрос, почему Ленин стал революционером, вождем русского и мирового пролетариата⁴⁷.

Говоря об этой фундаментальной работе З. Неедлы нельзя не вспомнить слова известного советского ученого, академика Б. Д. Грекова, который отмечал, «что Неедлы свою двухтомную монографию о Ленине писал с глубоким убеждением в том, что русский Ленин принадлежит всему миру, и его биографию должен знать каждый чех...». Далее Греков продолжал: «Уже тогда Зденек Неедлы предвидел, что его родина, которая дала миру Гуса, пойдет по тому же пути, по которому Ленин вел Россию»⁴⁸.

З. Неедлы выступал не только как биограф Ленина, но и как активный популяризатор его наследия. Так, в коммунистической газете «Халло-новины» была напечатана его статья «Читайте Ленина!», в которой давался краткий обзор ленинских работ: «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов» и «Что делать?»⁴⁹. В периодическом издании прогрессивного объединения чехословацких писателей «У — Блок» была опубликована статья З. Неедлы «Ленин о литературе»⁵⁰.

Издание книг и статей В. И. Ленина в переводе на чешский и словацкий языки в 20-е и 30-е годы имело большое политическое значение. Труды В. И. Ленина способствовали идейно-политической закалке КПЧ, помогали чехословацким коммунистам вырабатывать правильную тактику классовой борьбы рабочего класса, особенно в годы мирового экономического кризиса. Ленинские указания о необходимости объединения всех демократических сил, создания единого рабочего фронта борьбы против реакции и фашизма направляли чехословацких коммунистов на борьбу за создание в стране самого широкого фронта всех антифашистских сил⁵¹.

Книги и статьи В. И. Ленина помогали чехословацкой прогрессивной общественности лучше понять и глубже осмыслить основные этапы строительства социализма в Советском Союзе. Большое значение для этих кругов имело знакомство с ленинскими статьями, посвященными отношению к культурному наследию прошлого. Это помогло, в частности, руководству чехословацкой компартии, особенно после V съезда КПЧ, выработать позитивный взгляд на прогрессивные традиции чешской и словацкой культуры и четко ориентироваться в различных течениях и явлениях современной чехословацкой культуры.

Знакомство с ленинскими произведениями помогало чехословацким деятелям культуры лучше понять идейную направленность советских ли-

⁴⁴ «Tvorba», 1937, № 42, s. 670.

⁴⁵ Z. Nejedlý. Spisy, sv. 9, díl II. Praha, 1950.

⁴⁶ Б. М. Р у к о л ь. Зденек Неедлы в Московском университете. В кн. Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый М., 1964, с. 219.

⁴⁷ J. Heřtová. Ibid., s. 12.

⁴⁸ B. Grekov. Veliký český vědec. In: «Zdenek Nejedlý ve vzpomínkách svých sovětských žáků a spolupracovníků». Praha, 1978, s. 65.

⁴⁹ «Halo-noviny», 12 I 1938.

⁵⁰ «U-Blok», sv. 4. 5 I 1938.

⁵¹ Č. A m o r t. Československo-sovětské vztahy v dobi 1934—1939. In: «Československo-sovětské vztahy», sv. II. Praha, 1973, s. 96.

тературных, музыкальных и театральных произведений, которые получили широкое распространение в Чехословакии в 30-е годы.

Интересно отметить, что в конце января 1941 г. в выходявшей тогда нелегально газете чехословацких коммунистов «Руде право» (в последнем номере, который выпустил первый подпольный ЦК КПЧ) была опубликована статья «17 лет без Ленина — по ленинскому пути»⁵², автором которой был, по-видимому, пламенный коммунистический публицист, руководитель коммунистов—подпольщиков Эдуард Уркс⁵³.

Другая статья в нелегальной «Руде право», посвященная В. И. Ленину, была опубликована в январе 1942 г. в № 2 под заголовком «Под знаменем Ленина, Либкнехта, Люксембург». Автором этой статьи был Ю. Фучик. Вместе со статьей в этом номере газеты был помещен портрет Ленина с подписью «Ленин умер; жив ленинизм», являвшейся лейтмотивом фучиковской статьи.

В этой статье Фучика подчеркивалось, что вся огромная идейно-политическая и организаторская работа, которая проводилась Лениным и большевистской партией по воспитанию советского народа, поможет ему одержать окончательную победу над гитлеровскими захватчиками; говорилось в этой статье и о том, какое большое значение для коммунистических партий в их борьбе с силами реакции и фашизма имели традиции революционной борьбы, традиции В. И. Ленина, К. Либкнехта и Р. Люксембург⁵⁴.

В заключение кратко остановимся на издании ленинских трудов в народно-демократической и социалистической Чехословакии. Так, с 1946 г. началось издание произведений В. И. Ленина массовым тиражом на чешском языке в Праге центральным издательством КПЧ «Свобода» и на словацком языке партийным издательством «Правда» в Братиславе. В 1950 г. в связи с 80-летием со дня рождения В. И. Ленина ЦК КПЧ принял постановление об издании Собрания сочинений В. И. Ленина на чешском и словацком языках на основе советского Собрания сочинений В. И. Ленина (изд. 4). На чешском языке это издание в количестве 45 томов общим тиражом 1 555 850 экземпляров было закончено весной 1970 г.⁵⁵, и последний том этого издания получил премию за лучшее оформление на Международной книжной выставке, состоявшейся в Москве в том же году. Собрание сочинений В. И. Ленина на словацком языке в 45 томах общим тиражом 644 тыс. экземпляров⁵⁶ было закончено в 1972 г. В последующие годы как на чешском, так и на словацком языках издательства «Свобода» и «Правда» выпустили ряд отдельных изданий ленинских трудов. Приведем лишь несколько примеров. Так, в издательстве «Свобода» в серии «Библиотека марксизма-ленинизма» (выходит с 1971 г.) вышла в свет работа В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад», в «Малой серии работ классиков» (выходит с 1973 г.) — тематический сборник ленинских работ «О социалистической демократии», кроме того, вне серии вышел сборник «В. И. Ленин и КПСС о работе партийного и государственного аппарата»⁵⁷.

В настоящее время это издательство приступило к выпуску второго издания на чешском языке Полного собрания сочинений В. И. Ленина в 55 томах, которое переводится по Полному собранию сочинений В. И. Ле-

⁵² «Rudé právo 1939—1945». Praha, 1971, s. 154—156.

⁵³ Ibid., s. 12.

⁵⁴ Ibid., s. 267—272.

⁵⁵ «Lenin 1870—1970». Praha, 1970, s. 21.

⁵⁶ Ibid., s. 33.

⁵⁷ Издательство «Свобода» (каталог). Прага, 1979, с. 4—6.

нина. Уже вышел первый том этого издания, в котором содержатся работы В. И. Ленина, относящиеся к 1893—1894 гг.⁵⁸

Большую работу по изданию трудов В. И. Ленина проводит словацкое издательство «Правда». Так, в 1973 г. оно издало пятитомник избранных произведений В. И. Ленина, составленный по хронологическому принципу, каждый том — тиражом 30 тыс. экземпляров⁵⁹. При этом в первый том вошли работы, написанные В. И. Лениным с 1894 по май 1904 г., во второй — с 1905 по сентябрь 1916 г., в третий — с марта 1917 по март 1918 г., в четвертый — с апреля 1918 г. по апрель 1920 г., в пятый — с апреля 1920 г. по 1923 г. В настоящее время закончен новый выпуск уже указанных избранных сочинений В. И. Ленина.

Осуществляется в настоящее время и Полное собрание сочинений В. И. Ленина на словацком языке, состоящее из 55 томов. В канун 62-й годовщины Великого Октября в Словакии вышел второй том этого издания ленинских работ. Вот что писал о значении ленинских трудов для современного этапа строительства социализма в Чехословакии и для прогрессивных сил мира в связи с выходом в свет этого тома секретарь ЦК Коммунистической партии Словакии, член Президиума ЦК КПЧ Л. Пезлар: «Труды В. И. Ленина служат неоценимым руководством в наших нынешних созидательных усилиях, направленных на построение развитого социалистического общества. Издание первых двух томов является крупнейшим событием в общественной жизни Чехословакии. Весь прошлый и настоящий исторический опыт КПЧ неопровержимо подтверждает значение ленинизма как источника вдохновения для коммунистов и всех прогрессивных людей на свете»⁶⁰. В настоящее время вышел в свет четвертый том этого издания⁶¹.

В 70-е годы этим же издательством был выпущен на словацком языке ряд отдельных ленинских работ и сборников. Назовем некоторые из них: В. И. Ленин. «Философские тетради», изд. 2; В. И. Ленин. «К годовщине Октябрьской революции»; В. И. Ленин. «Избранные экономические произведения»; В. И. Ленин. «Первые шаги Советской власти» (сборник — библиографический справочник первых документов Советской власти, написанных В. И. Лениным в 1917 г.⁶² Таковы некоторые данные об изданиях произведений В. И. Ленина в Чехословакии в последние годы.

Большую плодотворную работу по ознакомлению миллионов граждан страны с основными трудами В. И. Ленина проводит коммунистическая партия. Глубокое изучение народами Чехословакии важнейших произведений В. И. Ленина помогает компартии воспитывать их в духе социалистического патриотизма и братской дружбы с родиной ленинизма — Советским Союзом.

⁵⁸ Там же, с. 4.

⁵⁹ V. I. L e n i n. Vybrané spisy v piatich zväzkoch. Bratislava, 1973.

⁶⁰ L. P e z l a r. Spolahlivý kompas pre orientáciu v dnešnom svete. «Pravda», 31 X 1979, s. 3.

⁶¹ «Nove knihy», № 52. Praha, 27 XII 1979.

⁶² «Тематический план изд-ва „Правда“». Братислава, 1977, с. 3—5.

Э. Г. ЛАВРИК, Т. А. ПОКИВАЙЛОВА

К ВОПРОСУ О СКЛАДЫВАНИИ МНОГОСТОРОННЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

После второй мировой войны произошло коренное изменение политических сил на мировой арене, социализм вышел за рамки одной страны, «...родилась не только целая группа социалистических государств. Зародилось и то, что мы называем социалистическим содружеством. Это совершенно новое, невиданное в прошлом явление. Речь шла не об обычном союзе государств, а о союзе социалистическом, основанном на общности идеологии и целей, на международной солидарности трудящихся, о союзе, ведущей силой которого впервые выступили рабочий класс и его испытанный авангард — коммунистические и рабочие партии»¹. Становление этого содружества представляло тесную взаимосвязь двух процессов: строительство социализма в отдельных странах, с одной стороны, и развитие экономического, политического, культурного сотрудничества, сближение социалистических стран, формирование нового типа отношений между социалистическими странами, с другой².

Исследование проблемы складывания многостороннего экономического сотрудничества, анализ опыта, накопленного в первые послевоенные годы странами Центральной и Юго-Восточной Европы представляет значительный научный и политический интерес.

В советской исторической литературе имеется ряд работ о строительстве социализма в отдельных странах, об общих закономерностях развития мировой системы социализма, об экономическом сотрудничестве европейских социалистических стран и образовании СЭВ³. Значительно менее освещен вопрос о взаимосвязи между процессами строительства основ социализма и развития экономического сотрудничества стран — членов

¹ Л. И. Брежнев. Мир социализма — торжество великих идей. М., 1978, с. 454.

² «Формирование и развитие содружества социалистических стран. Материалы VI заседания комиссии историков СССР и ЧССР в Минске 23—26 сентября 1975 г.». М., 1976, с. 28, 37.

³ Н. Я. Бромлей, Е. М. Жуков, Л. Н. Лисицына. Мировая социалистическая система. Некоторые вопросы теории и истории становления социализма. М., 1973; Н. В. Фаддеев. Совет Экономической Взаимопомощи. 1949—1974. М., 1974; Л. И. Лукин. Первое десятилетие Совета Экономической Взаимопомощи. «Вопросы истории», 1974, № 4; И. В. Дудинский. Социалистическое содружество. Основные тенденции развития. М., 1976; «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977; «Исторический опыт КПСС в борьбе за укрепление мира и дружбы между народами. Материалы Всесоюзной научно-теоретической конференции в Алма-Ате 1—3 июня 1977 г.». Алма-Ата, 1978.

СЭВ, разработке коммунистическими и рабочими партиями концепции многостороннего экономического сотрудничества.

Формирование многостороннего экономического сотрудничества европейских социалистических стран явилось объективным процессом, определявшимся переходом после второй мировой войны ряда стран к построению основ социализма и складыванием содружества социалистических государств. Следует отметить, что В. И. Ленин указывал на объективно существующую между народами тенденцию к хозяйственному сближению, на необходимость тесного экономического союза освобожденных от угнетения народов, «тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме»⁴.

К строительству основ социализма большинство стран Центральной и Юго-Восточной Европы приступило со сравнительно низким уровнем развития производительных сил. Накануне второй мировой войны в странах, где сельское хозяйство было ведущим или важным сектором народного хозяйства (Болгария, Польша, Румыния), промышленное производство давало около $\frac{1}{5}$ части национального дохода. В Венгрии доля промышленности в национальном доходе немногим превышала $\frac{1}{3}$ ⁵. Исключением являлась Чехословакия, где удельный вес промышленности составлял более 50%⁶. Экономика ГДР характеризовалась резкими диспропорциями, вызванными расколом страны на две части. В 1936 г. на территорию современной ГДР приходилось лишь 5% общегерманской добычи железной руды, 2—выплавки чугуна, 3—добычи каменного угля, 8 — проката, 17 — цемента, 8% — фосфатных удобрений⁷. Вместе с тем здесь были развиты такие отрасли промышленности, как машиностроительная, электротехническая, химическая, оптико-механическая и др. На эту территорию приходилось 33% продукции легкого машиностроения, 48,7% станкостроения⁸. Однако оторванность ГДР от угольно-металлургической базы создавала серьезное препятствие для дальнейшего развития энергетической, машиностроительной и других отраслей промышленности.

Характерной особенностью довоенной структуры экономики рассматриваемых стран являлся экспорт сельскохозяйственной продукции и импорт готовых промышленных изделий. Так, в 1939 г. в экспорте Болгарии продукция сельского хозяйства занимала 91%, в экспорте Польши — около 40, леса и лесоматериалов — 15,5, угля — 15%. В Венгрии продукция сельского хозяйства в вывозе составляла 65,5, а добывающей и обрабатывающей промышленности — 34,5%. В экспорте Румынии нефть, лес и продукция сельского хозяйства составляли 98,4%. Исключение составляла Чехословакия, экспорт которой отражал высокий уровень развития промышленности, главным образом легкой. В 1937 г. промышленные товары широкого потребления составляли в экспорте Чехословакии 36,8%, топливо, сырье, горючее — 47, продовольственные товары, включая полуфабрикаты — 9,8%. Удельный вес машин и оборудования в экс-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 164.

⁵ И. Т. Беренд, Д. Раяки. Экономический рост и изменения экономической структуры в социалистических странах Восточной Европы после второй мировой войны. Будапешт, 1970, с. 595.

⁶ «Вопросы строительства социалистической Чехословакии». М., 1957, с. 50.

⁷ «Bilanz unserer Erfolge. 20 Jahre DDR in Zahlen und Fakten». Berlin, 1969, S. 18.

⁸ В. П. Комиссаров, А. Н. Попов. Международные экономические отношения ГДР. М., 1963, с. 25.

порте буржуазной Чехословакии составлял всего около 7%⁹. Общим для этих стран являлось отсутствие сколько-нибудь значительной торговли между собой, а также с СССР. Так, доля Чехословакии в польской внешней торговле не превышала 3,4%, а доля Польши в чехословацком внешнеторговом обороте составляла 2,5%¹⁰. Торговый оборот с Румынией в 1937 г. составлял около 5% чехословацкого внешнеторгового оборота¹¹. Весьма ограниченными были и внешнеторговые связи Венгрии и Чехословакии. В 1938 г. доля Чехословакии в общем объеме венгерского импорта равнялась 6,7%, а доля экспорта в Чехословакию — около 4% от общего объема венгерского экспорта¹². В целом же в 1938 г. на капиталистические государства Западной Европы приходилось 86% внешнеторгового оборота Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии, в то время как на взаимную торговлю — 12—13%, а на торговлю с Советским Союзом — только 1%¹³.

Таким образом, в межвоенный период экономика этих стран, а следовательно, и их внешняя торговля не развивались в направлении дополнения друг друга, что явилось причиной определенных трудностей в послевоенный период. По существу указанные страны должны были коренным образом менять структуру внешнеэкономических связей.

Важным этапом в этом направлении явилась система двусторонних договоров между странами народной демократии и СССР на завершающем этапе второй мировой войны и сразу же после ее окончания, в период глубоких социальных и политических преобразований в этих странах. Межгосударственные отношения, закрепленные в договорах о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, определяли основные направления, формы и цели складывавшихся межгосударственных отношений нового типа. Эти договоры имели большое значение для восстановления и развития послевоенной экономики европейских стран народной демократии. Так, оценивая значение договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Польшей и СССР, министр иностранных дел Польской Республики З. Модзелевский отметил, что этот договор «стал основой для широкого развития сотрудничества на международной арене, в экономической, технической и культурной областях, приобретая все большее значение как надежный фактор мира и коллективной безопасности»¹⁴.

К концу 40-х годов коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы определили задачи социалистического строительства в своих странах. Эти задачи нашли конкретное выражение в долгосрочных планах развития народных хозяйств этих стран. Предусматривалось создание материально-технической базы народного хозяйства путем индустриализации, социалистическое преобразование сельского хозяйства и культурная революция. Практика строительства социалистического общества в европейских социалистических странах полностью подтвердила непреходящее международное значение советского

⁹ «Внешняя торговля СССР. 1946—1963». М., 1964; И. Штепанек. Чехословакия и экономическое сотрудничество со странами — членами СЭВ. М., 1974, с. 25; Т. Кишш. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1963, с. 440.

¹⁰ A. R o l o w. Polska. Czechosłowacja. Gospodarka. Współpraca. Warszawa, 1971, s. 201.

¹¹ Státní Ústřední Archiv. Praha, f. Ministerstvo zahraničních věcí. Vystřížkový Archiv (далее SÚA, Praha, f. MZV—VA), krab. č. 721, sl. 1—71(20).

¹² И. Штепанек. Там же, с. 143.

¹³ П. М. Алампиев, О. Т. Богомолов, Ю. С. Ширяев. Экономическая интеграция — объективная потребность развития мирового социализма. М., 1971, с. 8.

¹⁴ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. IX. М., 1976, с. 403.

опыта строительства социализма. В то же время своеобразие экономической структуры общества, соотношение классовых сил, социально-политические и национальные условия развития той или иной страны определили особенности перехода европейских социалистических стран к построению основ социализма.

Одной из особенностей этого перехода явилось то, что страны Центральной и Юго-Восточной Европы могли строить социализм не в одиночку, им не угрожала международная изоляция. Военная мощь Советского Союза была для них надежным гарантом мирного строительства нового общества. Народы этих стран могли опираться на богатый опыт социалистических преобразований в СССР, на тесное экономическое и политическое сотрудничество с Советским Союзом и другими странами, вставшими на путь социалистического строительства, всемерную помощь советского народа. Необходимо подчеркнуть, что основным фактором преодоления трудностей восстановительного периода, перехода к социалистическому строительству явилась экономическая и политическая поддержка СССР. Советский Союз, несмотря на большие трудности восстановления своей экономики в послевоенные годы, оказывал большую помощь народам стран Центральной и Юго-Восточной Европы, поставляя им продовольствие, сырье, уголь, а затем оборудование, машины, руды черных и цветных металлов, нефть, нефтепродукты и др.¹⁵ Несмотря на острый дефицит зерна, вызванный неурожаем 1946—1947 гг., Советский Союз, в частности, на основе договоров от 8 февраля 1946 г., 7 августа 1947 г. и 26 января 1948 г. обеспечил Польше поставки (200 тыс., 300 тыс., 200 тыс. *т*) зерна в кредит¹⁶. В 1947 г., когда неурожай постиг Чехословакию, Советский Союз поставил ей вместо 400 тыс., предусмотренных соглашением, 600 тыс. *т* зерна¹⁷. В 1945 г., помогая румынскому народу, Советский Союз поставил Румынии 15 тыс. вагонов пшеницы и столько же вагонов кукурузы¹⁸. В 1946—1947 гг. в Румынию было отправлено еще 370 тыс. *т* зерна¹⁹.

Разрабатывая перспективные планы своего экономического развития, СССР учитывал в них необходимость оказания помощи европейским социалистическим странам и расширения экономического сотрудничества с ними, учитывал пропорции развития их промышленности. Так, уже в первом послевоенном плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. важная роль отводилась развитию экономических связей Советского Союза со странами, вставшими на путь социалистического строительства. В проектах планов экономического развития СССР уже в этот период учитывались насущные нужды и потребности капитального строительства, подготовки инженерно-технических кадров в этих странах. Советские поставки топлива, сырья и материалов приобретали особое значение для нормального функционирования и развития экономики европейских социалистических стран. Коммунистические и рабочие партии европейских социалистических стран, определяя перспективы развития народного хозяйства в своих странах, опирались на

¹⁵ А. И. Л и т в и н ч у к. Экономическое сотрудничество СССР с европейскими странами народной демократии в годы четвертой пятилетки. «История СССР», 1978, № 1, с. 111—123.

¹⁶ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», с. 23—24, 215—216, 249—250.

¹⁷ «Советско-чехословацкие отношения, 1945—1960. Документы и материалы». М., 1972, с. 115, 123—124.

¹⁸ М. Н о р о в и т з. Lupta PMR pentru dezvoltarea relațiilor economice romîno-sovietice. «Studii», 1961, № 2, p. 429.

¹⁹ Gh. G. M a r i n. Ajutorul economic al URSS în construirea socialismului în țara noastră. «Probleme economice», 1957, № 10, p. 121.

помощь и поддержку Советского Союза. Выступая на торжественном митинге в Праге 6 ноября 1947 г. К. Готвальд заявил: «Благодаря тому, что мы опираемся на Советский Союз и на его могучее социалистическое хозяйство, мы могли приступить к национализации нашей промышленности, к плановому хозяйству и не должны продавать тело и душу заграничным монополистам»²⁰. Министр судоходства и внешней торговли Польской Республики С. Ендриховский подчеркивал, что «...с точки зрения огромного экономического потенциала Советского Союза хозяйственная помощь СССР имеет решающее значение для восстановления и экономического развития Польши»²¹.

Нужно учитывать, что экономика рассматриваемых стран развивалась в сложных условиях, когда США и их западноевропейские союзники взяли курс на полное свертывание экономических отношений со странами, начавшими строительство нового общества. В результате торговля капиталистических держав с народно-демократическими странами резко сократилась. Так, по подсчетам экономической комиссии ООН импорт западноевропейских государств из СССР и стран народной демократии в 1952 г. лишь немногим превышал одну четверть довоенного уровня²². О политическом характере ограничений, вводимых капиталистическими державами, свидетельствовал тот факт, что, например, США уже в 1948 г. фактически запретили ввоз в Чехословакию оборудования для сушки молока и для фармацевтического производства, отказали в поставке плавильной печи для Государственного монетного двора в Кремнице и ряда других товаров, которые не относились к числу дефицитных или стратегических²³.

Западные империалистические державы рассчитывали на то, что экономическая блокада подорвет экономику стран Центральной и Юго-Восточной Европы, приведет их к краху под тяжестью задач такого масштаба, как восстановление разрушенного войной хозяйства, индустриализация и др. Однако «холодная война» и экономическая блокада, нарушив традиционную систему внешнеэкономических связей и вызвав значительные трудности в развитии экономики социалистических стран, не смогли задержать развития и подъема их экономики. Члены так называемой комиссии Рэндолла, изучавшей условия для проведения американской торговой политики, вынуждены были признать, что «контроль торговли между Востоком и Западом лишь укрепил независимость восточноевропейского рынка от экономики других стран (т. е. капиталистических. — Авторы) тем, что помог выявить слабые места и преодолеть их»²⁴.

Политика эмбарго потребовала более быстрой и разносторонней мобилизации ресурсов европейских социалистических стран, максимального использования возможностей их взаимного экономического сотрудничества.

Перед коммунистическими и рабочими партиями стран, приступивших к построению основ социализма, встала задача укрепления и расширения экономических связей с СССР и между собой, придания народному хозяйству такого направления в его развитии, которое максимально сочетало бы национальные хозяйственные интересы с интересами развития экономики других братских стран. Необходимо было связать важнейшие формы экономического сотрудничества с процессами, происходившими в народном хозяйстве европейских социалистических стран, определить место своих

²⁰ «Советско-чехословацкие отношения...», с. 115.

²¹ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», с. 273.

²² «Правда», 1954, 9 января.

²³ «Внешняя торговля», 1949, № 3, с. 7.

²⁴ «Внешняя торговля и производство народно-демократической Чехословакии». М., 1956, с. 6.

стран в складывавшемся новом международном социалистическом разделении труда. Разрабатывая национальные программы социалистического строительства, коммунистические и рабочие партии ориентировались на создание такой экономики в своих странах, чтобы многосторонние экономические связи стран Центральной и Юго-Восточной Европы стали действенным инструментом в построении материально-технической базы социализма, нового социалистического общества.

В документах, принятых в первые послевоенные годы, руководители коммунистических и рабочих партий указывали на необходимость развития прочных экономических связей между народно-демократическими государствами. Так, в Декларации Венгерского народного фронта независимости, опубликованной 1 февраля 1949 г., речь шла о «последовательном соблюдении договоров о дружбе и взаимной помощи, заключенных Советским Союзом... и государствами народной демократии, углублении политических, экономических и культурных связей с дружественными странами»²⁵. В политическом отчете БКП на V съезде партии 19 декабря 1948 г. Г. Димитров отметил, что важнейшим фактором строительства основ социализма в Болгарии является «братская помощь СССР и тесное экономическое сотрудничество со странами народной демократии, что обеспечивает и значительно ускоряет социалистическое развитие нашей страны»²⁶. Выступая на IX съезде КПЧ, А. Запотоцкий подчеркивал, что Чехословакия «не может ориентироваться на капиталистическую прибыль, получение которой основано на эксплуатации индустриально отсталых стран и на стремлении как можно дольше удерживать эти страны в состоянии промышленной отсталости. Мы должны поддерживать развитие промышленности в этих странах и поставлять им не только потребительские товары, но прежде всего машины, комплектное оборудование для промышленных предприятий, электростанций, сахарных заводов, локомотивы и т. д. В связи с этим огромное значение имеет наше сотрудничество со странами народной демократии. Взамен капиталистического девиза — удерживать своих союзников в состоянии промышленной отсталости и зависимости — мы провозглашаем лозунг: помочь им в развитии промышленности, сознавая, что такое развитие укрепит наше сотрудничество, а взаимные поставки этих стран и возможности их товарооборота с нами тем самым возрастут. При такой ориентации нашей внешней торговли к ней должна быть приспособлена и ориентация нашего производства»²⁷. Одним из определяющих факторов преимущественного развития тяжелой промышленности, прежде всего тяжелого машиностроения, явилась в Чехословакии ее переориентация на потребности европейских социалистических стран. В объяснительной записке к закону о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Чехословакии (1949—1953) отмечалось: «...только намеченные развитие и реконструкция промышленности сделают возможным экспорт таких товаров, на которые имеется постоянный спрос в других странах и особенно в странах, ведущих плановое хозяйство, и, таким образом, обеспечат необходимый по объему импорт»²⁸. Польская объединенная рабочая партия также увязывала экономическое развитие своей страны с потребностями развития других европейских социалистических стран. В Декларации ПОРП, принятой на Объединительном съезде 21 декабря 1948 г., подчеркивалось, что построение основ социализ-

²⁵ «Информационный бюллетень международного отдела Центрального Комитета Венгерской партии труда». Будапешт, 1949, № 12, с. 3.

²⁶ Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения. М., 1969, т. II, с. 771.

²⁷ «Protokol IX řádného sjezdu KSČ. 1949». Praha, 1949, s. 192.

²⁸ «Первый пятилетний план развития народного хозяйства Чехословакии». М., 1950, с. 42.

ма в Польше возможно только в самом тесном союзе и содружестве с Советским Союзом и странами народной демократии²⁹. О необходимости развития, наряду с индустриализацией Польши, отечественной сырьевой базы как составной части хозяйственного потенциала европейских социалистических стран говорил член ЦК ПОРП Г. Минц в докладе на V пленуме ЦК ПОРП в июле 1950 г.³⁰ Стабильность экономического развития Германской Демократической Республики, — подчеркивал В. Ульбрихт, — обеспечивалась долгосрочными торговыми соглашениями с Советским Союзом, Польшей, Чехословакией, Венгрией³¹.

В вырабатывающейся в те годы братскими партиями концепции многостороннего экономического сотрудничества можно проследить понимание необходимости не только развития экономических связей между европейскими социалистическими странами, но, что особенно важно, и увязки перестройки на социалистических началах народного хозяйства с потребностями складывавшегося международного социалистического рынка, согласования внутреннего экономического развития, прежде всего проведение индустриализации, с экономическим сотрудничеством между социалистическими странами, координации внешнеэкономических связей с целью более эффективного использования складывавшегося международного социалистического разделения труда для строительства социализма.

Анализ партийных документов, выступлений руководителей братских партий показывает, что в те годы шли поиски наиболее рациональных форм, путей и вариантов решений, предпринимались попытки определить место своих стран в системе складывавшегося международного социалистического разделения труда.

Большое значение для приобретения и накопления опыта, выработки принципиально новых форм экономического сотрудничества между европейскими социалистическими странами, а также между ними и СССР имела система двусторонних экономических связей, сложившаяся к концу 40-х годов. Значительную роль в углублении и расширении экономического сотрудничества сыграли созданные в 1947—1948 гг. комиссии двустороннего экономического и научно-технического сотрудничества (советско-польская, польско-венгерская и польско-румынская), а также польско-чехословацкий Совет экономического сотрудничества³². Ряд комиссий наряду с развитием традиционных форм экономических связей приступил в конце 40-х годов к согласованию на двусторонней основе планов в сфере производства³³.

Следует отметить, что уже в этот период, в процессе развития двусторонних отношений, в концепциях внешнеэкономических связей коммунистических и рабочих партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы выкристаллизовывались элементы многостороннего экономического сотрудничества. Именно в эти годы появляется мысль о взаимодополняемости народнохозяйственных структур стран Центральной и Юго-Восточной Европы³⁴. Наиболее отчетливо эта идея прослеживается на примере складывания и развития польско-чехословацкого экономического сотрудничества. Так, необходимость взаимной дополняемости промышленных структур настоятельно подчеркивалась на заседании Совета экономиче-

²⁹ «Nowe Drogi», 1949, № 1, с. 18—19.

³⁰ «Планирование народного хозяйства Польши. Сборник материалов». М., 1950, с. 37.

³¹ «За прочный мир, за народную демократию», 1950, 1 сентября.

³² Э. Гайдя. Внешняя политика ПНР (1944—1975). М., 1977, с. 66—67.

³³ «Великий Октябрь и революции 40-х годов...», с. 506—510.

³⁴ M. B a r n o v s k ý. K otázke hospodárskej spolupráce Československa s európskymi socialistickými krajinami. 1945—1953. «Slovenské štúdie», XV, 1973, s. 169.

ского сотрудничества Польши и Чехословакии 22—24 марта 1948 г. в Праге³⁵. Уже в то время предусматривалась разработка конкретных мер для выполнения этой задачи, прежде всего разделение производственных программ между промышленностью обеих стран, «то есть, — уточняла чехословацкая сторона, — разделение по видам изделий, типам и качеству с целью специализации, увеличение производственных серий с целью более широкого производства и тем самым его удешевления»³⁶. Кроме этого разрабатывались проекты строительства совместных объектов, в частности, электростанции в Новых Дворах и других промышленных объектов³⁷. Совместное польско-чехословацкое строительство промышленных объектов, а также планировавшееся совместное их использование получило высокую оценку руководителей министерств и ведомств Чехословакии³⁸. Необходимость и в дальнейшем «учиться друг у друга, оказывать помощь друг другу в достижении общей цели народов двух стран — построения основ социализма» подчеркивалась на конференции в Посольстве Чехословакии в Варшаве, посвященной годовщине Февральских событий³⁹. Оценивая значение польско-чехословацкого экономического сотрудничества, чехословацкая сторона подчеркивала: «Особенно успешно наше сотрудничество с Польшей развивается в промышленности, где были налажены связи между родственными отраслями и где, кроме этого, вкладываются некоторые совместные инвестиции»⁴⁰.

В складывавшуюся концепцию экономического сотрудничества европейских социалистических стран в качестве неотъемлемого компонента с середины 40-х годов вводится элемент координации их экономического развития в целом и планов промышленного производства, в частности. Вопрос о координации народнохозяйственных планов стран народной демократии обсуждался на заседании комиссии ЦК КПЧ в марте 1946 г. и нашел отражение в выступлениях руководителей чехословацкой промышленности, настоятельно рекомендовавших приступить к согласованному планированию⁴¹. На состоявшейся в апреле 1948 г. в Лодзи конференции представителей польской и чехословацкой текстильной промышленности шла речь о необходимости более тесного сотрудничества обеих стран на основе обмена опытом и координации производства⁴². Координация развития отдельных отраслей промышленности предусматривалась и в соглашении об экономическом сотрудничестве, подписанном Венгрией и Чехословакией в 1947 г.⁴³

Определенный опыт в осуществлении координации производства на двусторонней основе был накоплен в результате деятельности польско-чехословацкого Совета экономического сотрудничества. Заседание Совета 4—7 августа 1948 г. в Варшаве подчеркнуло значение Совета как высшего координационного органа, направляющего, осуществляющего и регулирующего польско-чехословацкое экономическое сотрудничество⁴⁴. Развитие экономического сотрудничества европейских социалистических

³⁵ «Zahraniční obchod», 1948, № 8, s. 225—227; см. также «Великий Октябрь и революции 40-х годов...», с. 506—508.

³⁶ SÚA, Praha, f. MZV—VA, krab. č. 716, sl. 1—51 b (20).

³⁷ Ibid., krab. č. 717, sl. 1—51, u 94; «Nowe Drogi», 1950, № 5, s. 180; «Zahraniční obchod», 1948, № 8, s. 226.

³⁸ SÚA, Praha, f. MZV — VA, krab. č. 716, sl. 1—51 (20).

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid., s. 4.

⁴¹ M. B a r n o v s k ý. Ibid., s. 169.

⁴² «Zahraniční obchod», 1948, № 9, s. 274.

⁴³ Л. И. Л у к и н. Первое десятилетие Совета Экономической Взаимопомощи. «Вопросы истории», 1974, № 4, с. 42.

⁴⁴ «Zahraniční obchod», 1948, № 16—17, s. 450.

стран,— как отмечал Г. Минц,— создавало реальные возможности для расширения координации планирования в масштабах нескольких государств⁴⁵. Пожелание координации народнохозяйственных планов европейских социалистических стран высказывалось руководящими деятелями и других стран⁴⁶.

Таким образом, в концепцию экономического сотрудничества европейских социалистических стран на многосторонней основе из опыта двусторонних экономических связей вносились такие элементы, как необходимость взаимодополняемости экономических структур, координирования внешнеэкономических связей стран, приступивших к социалистическому строительству. Высоко оценивая развитие двусторонних экономических связей, член ЦК ПОРП Э. Шир отметил: «Не подлежит сомнению, что на базе этого опыта возникнут новые, более высокие формы международного экономического сотрудничества между СССР и странами народной демократии. Эти формы будет характеризовать, очевидно, кроме нынешних двусторонних договоров и соглашений также многостороннее соглашение (выделено нами.— *Авторы*) между странами народной демократии и СССР с целью совместного разрешения экономических проблем, борьбы с дискриминационной политикой империалистического лагеря, правильной разработки направлений инвестиционного строительства, более рационального использования естественных богатств...»⁴⁷.

Система двусторонних экономических связей между странами народной демократии, а также между ними и СССР способствовала консолидации экономики стран Центральной и Юго-Восточной Европы, созданию материальных и организационных основ для будущего сближения хозяйств европейских социалистических стран, формированию в перспективе взаимосвязанного хозяйственного комплекса этих государств. Система двусторонних экономических связей явилась предпосылкой перехода к более сложным многосторонним отношениям. Вместе с тем переход к сотрудничеству на многосторонней основе не исключал развития и совершенствования двусторонних связей, получивших свое дальнейшее развитие в рамках созданного в январе 1949 г. Совета Экономической Взаимопомощи.

Развитие многостороннего экономического сотрудничества обуславливалось общими задачами, вставшими перед странами Центральной и Юго-Восточной Европы в связи с переходом к социалистическому строительству: созданию социалистического хозяйства, социалистических производственных отношений. В то же время система многосторонних экономических связей стала средством эффективного воздействия на развитие экономики социалистических стран лишь в период построения основ социализма, когда задачи социалистического строительства требовали постоянных многосторонних контактов по согласованию их экономической политики.

В свое время Советский Союз был единственной страной, приступившей к строительству основ социализма. В силу объективных факторов (огромные, разносторонние сырьевые и трудовые ресурсы, обширная территория) СССР развивался как самообеспечивающийся комплекс. В иных условиях строили основы социализма европейские социалистические страны. Это был период выхода социализма за рамки одной страны и складывания социалистического содружества, что давало возможность более целесообразно развивать те отрасли экономики, для которых имелись наиболее благоприятные условия. Задача достижения высокой степени экономической самообеспеченности приобретала в этом случае не национальный,

⁴⁵ «За прочный мир, за народную демократию», 1949, 18 ноября.

⁴⁶ SCA, Praha, f. MZV — VA, krah. č. 721, sl. 1—71(20).

⁴⁷ «За прочный мир, за народную демократию», 1949, 1 февраля.

а коллективный характер, как задача всего социалистического содружества⁴⁸.

Однако в начальный период социалистического строительства в условиях обострения международной обстановки в ряде стран появилась тенденция развить на базе индустриализации все или основные отрасли промышленности. Считалось, что в каждой стране нужно обеспечить приоритет всех отраслей тяжелой промышленности. В целом же в период создания социалистической экономики в европейских социалистических странах, как считают венгерские исследователи И. Т. Беренд и Д. Ранки, нельзя говорить о какой-либо абсолютной автаркии, о фактическом осуществлении экономического самоснабжения, даже имея в виду тенденции в некоторых странах всесторонне развить структуру производства без достаточного учета международного социалистического разделения труда⁴⁹. Для европейских социалистических стран характерна высокая доля внешней торговли в формировании национального дохода и быстрые темпы ее роста. Так, в Венгрии, например, с 1950 по 1965 г. на 1% роста национального дохода приходился рост внешнеторгового оборота в размере 1,25%⁵⁰. Выступая 10 января 1949 г. в Сейме, премьер-министр Польской Республики Ю. Циранкевич подчеркивал: «Нам чужды автаркические тенденции. Мы защищаем принципы международного обмена и тесного экономического сотрудничества стран народной демократии и Советского Союза, основанного на дружбе и взаимной помощи»⁵¹.

К моменту перехода к построению основ социализма развитие экономического сотрудничества европейских социалистических стран на многосторонней основе стало насущной необходимостью. Появились сложные проблемы, в успешном, наиболее рациональном решении которых были заинтересованы все социалистические страны. Существовали общие проблемы, связанные с дальнейшим развитием экономики на базе социалистических отношений. Для стран с ограниченными сырьевыми ресурсами особое значение приобретал вопрос экономического сотрудничества, прежде всего с Советским Союзом. Важное значение имело решение вопросов об обеспечении европейских социалистических стран железной рудой, нефтепродуктами, черными и цветными металлами и др. Территориальная близость стран, вставших на путь строительства основ социализма, также явилась предпосылкой, содействовавшей укреплению, развитию и углублению их сотрудничества⁵². Большую роль в преодолении различий в уровнях экономического развития отдельных стран, построении социалистической экономики играло экономическое сотрудничество между ними. Как уже указывалось, дискриминационные мероприятия западных держав требовали быстрой переориентации на развитие сотрудничества между социалистическими странами, прежде всего с Советским Союзом, главным фактором в системе складывавшегося социалистического содружества. Таким образом, здесь проявилась глубочайшая взаимосвязь двух факторов: внутреннего и международного.

С расширением экономических связей, упрочением системы государственного планирования возникли условия для перехода к осуществлению на практике концепции многостороннего экономического сотрудничества. Появилась необходимость в более полном его использовании для строительства социализма, а также в использовании преимуществ социалисти-

⁴⁸ Н. П. Шмелев. Автаркична ли социалистическая экономика. «Вопросы экономики», 1976, № 4, с. 90.

⁴⁹ И. Т. Беренд, Д. Ранки. Там же, с. 610.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См. Э. Гайда. Там же, с. 80—81.

⁵² Н. В. Фаддеев. Совет Экономической Взаимопомощи 1949—1974, с. 34.

ческого строя для дальнейшего совершенствования системы экономических связей стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Сложные задачи социалистического строительства требовали многостороннего согласования важнейших направлений хозяйственного развития, регулирования планового развития экономики и взаимодополняемости экономических структур, развития координирования и специализации.

В конце 40-х годов, когда успешно были выполнены первые краткосрочные планы восстановления и развития хозяйств большинства европейских социалистических стран и разработаны перспективные народнохозяйственные планы, стало насущной необходимостью планомерное сотрудничество и координация развития народного хозяйства и экономических связей. Следует отметить также и то, что объединение усилий в экономической области, а также взаимная научно-техническая помощь в период выполнения планов восстановления хозяйств (1945—1948 гг.) обусловили и подготовили переход к многосторонним экономическим связям. Возникает идея организационного оформления экономического сотрудничества, создания специального координационного органа, ведающего вопросами развития и совершенствования механизма экономического сотрудничества. Известно, например, что в марте 1948 г. народнохозяйственная комиссия ЦК КПЧ передала в Центральный Комитет партии тезисы экономического сотрудничества государств с плановой экономикой⁵³. Проекты, предусматривавшие углубление экономического сотрудничества стран Центральной и Юго-Восточной Европы, разрабатывались в СССР и других социалистических странах⁵⁴.

5—8 января 1949 г. в Москве состоялось совещание представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии. Были отмечены значительные успехи в развитии экономических отношений между странами народной демократии и СССР, благодаря чему они получили возможность ускорить восстановление и развитие своего народного хозяйства. Обсуждался также вопрос о возможности организации более широкого экономического сотрудничества стран, принявших участие в совещании, и признано необходимым «...создать Совет Экономической Взаимопомощи из представителей стран—участниц совещания на основе равноправного представительства с задачей обмена хозяйственным опытом, оказания друг другу технической помощи, оказания взаимной помощи сырьем, продовольствием, машинами, оборудованием и т. п.»⁵⁵.

Главной целью Совета Экономической Взаимопомощи явилась организация всестороннего и планомерного экономического сотрудничества путем последовательного осуществления международного социалистического разделения труда в интересах построения социализма и коммунизма в странах — членах СЭВ. Совет Экономической Взаимопомощи явился первой организацией многостороннего экономического и научно-технического сотрудничества социалистических стран, деятельность которого основывалась на принципах пролетарского интернационализма, равноправия и уважении национального суверенитета каждой страны. Задачи, цели и принципы Совета, его функции и структура определялись Уставом СЭВ, который был принят на XII сессии СЭВ 10—14 декабря 1959 г. в Софии и вступил в силу в апреле 1960 г. после его ратификации.

Было создано постоянно действующее бюро, в состав которого вошли по одному представителю от каждой страны, а также принято решение о проведении периодических заседаний Совета поочередно в столицах

⁵³ М. Вагновскý. Ibid., s. 170.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ «Многостороннее экономическое сотрудничество социалистических государств». Сборник документов. М., 1972, с. 121—122.

стран — участниц под председательством представителя той страны, в столице которой проходит заседание⁵⁶.

СЭВ является открытой организацией, в которую могут войти и другие страны Европы, разделяющие принципы СЭВ и желающие участвовать в широком экономическом сотрудничестве со странами-учредителями. Впоследствии к СЭВ присоединились: в 1949 г. Албания (в настоящее время не принимает участия в работе СЭВ), в ноябре 1950 г. — ГДР, в 1962 г. — Монголия, в июле 1972 г. — Куба. В работе некоторых органов СЭВ с 1964 г. принимает активное участие Югославия.

Экономическое сотрудничество, позволяющее использовать сырьевые запасы, взаимно дополнять экономические структуры хозяйства, должно было содействовать ускорению развития производительных сил, темпов социалистического строительства, повышению жизненного уровня народов.

Газета «Работническое дело» отмечала: «Наши народы знают, что построение социализма возможно лишь при условии объединения усилий стран народной демократии, при поддержке Советского Союза, его социалистической экономики... С созданием Совета Экономической Взаимопомощи появились благоприятные возможности для расширения экономического сотрудничества между странами народной демократии и Советским Союзом»⁵⁷. Чехословацкая пресса также связывала с образованием СЭВ появление более широких возможностей для развития сотрудничества между европейскими социалистическими странами⁵⁸.

Выработанные в конце 40-х годов элементы концепции многостороннего экономического сотрудничества европейских социалистических стран, после создания СЭВ получили практическое воплощение и дальнейшее развитие в деятельности этой организации, стали той теоретической основой, которая обогащалась коллективной творческой мыслью коммунистических и рабочих партий братских стран в процессе социалистического строительства.

Создание Совета Экономической Взаимопомощи и развивающееся в его рамках многостороннее сотрудничество играло важную роль в осуществлении задач социалистического строительства. Многостороннее сотрудничество самым непосредственным образом влияло на создание материально-технической базы социализма, развитие социалистической экономики, прежде всего на проведение индустриализации. Создание и укрепление материально-технической базы в европейских социалистических странах проходило неодинаково. Социалистическая индустриализация аграрных и аграрно-индустриальных стран (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния) в основном решала те же задачи, которые стояли перед Советским Союзом в период построения основ социализма: преодоление технико-экономической отсталости, создание мощных производительных сил, соответствующих новому прогрессивному строю. Основной задачей в строительстве социалистической экономики в индустриальных странах (ГДР, Чехословакия) являлось не осуществление индустриализации в ее классическом представлении, а проведение социалистической реконструкции производительных сил на базе новейшей техники.

Для создания и развития мощной индустрии необходимы были огромные капиталовложения, поэтому вопрос социалистического накопления являлся одним из важнейших. Наряду с внутренними резервами социалистические страны имели новый фактор — материально-техническую и финансовую помощь СССР и сотрудничество между собой. Долгосрочные

⁵⁶ Н. В. Фаддеев. Совет Экономической Взаимопомощи, с. 35.

⁵⁷ «Работническое дело», 9 IV 1949.

⁵⁸ SÚA, Praha, f. MZV — VA, krab. č. 785, sl. 51, c. 4.

кредиты, поставки машин, оборудования, сырья и материалов сыграли существенную роль в индустриализации стран, в ускорении темпов строительства основ социализма⁵⁹. Сотрудничество оказало непосредственное влияние на капитальные вложения в народное хозяйство, их объем и направление.

В годы выполнения первых пятилетних (шестилетнего — в ПНР) планов в европейских социалистических странах были достигнуты высокие темпы индустриализации, в чем большая роль принадлежит экономическому сотрудничеству. Машины, станки, оборудование для отраслей тяжелой промышленности уже в восстановительный период заняли значительное место в импорте европейских социалистических стран, но особенно увеличился их удельный вес в период развертывания социалистической индустриализации. Если в Польше в 1948 г. он составлял в общей стоимости импорта 6%, то в 1953 г. он возрос до 35, в Болгарии с 25 в 1948 г. до 40 в 1952 г.⁶⁰ Поставки машин и оборудования в СССР и европейские социалистические страны, составлявшие в 1948 г. 27% всего чехословацкого экспорта, в последующие годы систематически увеличивались, достигнув в 1953 г. 50,8%⁶¹. В годы первых пятилеток (1949—1957) из стран — членов СЭВ в Болгарию ввозилось около $\frac{9}{10}$ машин и оборудования, в том числе свыше 46% — из СССР, более 21 — из Чехословакии, 11% — из ГДР⁶². Поставки машин, станков, оборудования новейших конструкций из Советского Союза в страны народной демократии, — отмечалось в материалах XIX съезда КПСС, — выросли в 1952 г. в 10 раз по сравнению с 1948 г.⁶³

Особенностью индустриализации ряда европейских социалистических стран явилась большая зависимость развития важнейших отраслей промышленности от ввоза сырья⁶⁴. И эта сложная задача решалась коллективными усилиями социалистических стран.

Коммунистические и рабочие партии социалистических стран высоко оценивали значение помощи Советского Союза и взаимное сотрудничество стран — членов СЭВ в построении основ социализма в своих странах. В передовой статье газеты «За прочный мир, за народную демократию» подчеркивалось, что успехи европейских социалистических стран в построении основ социализма стали возможны «благодаря усилению социалистической плановости в народном хозяйстве, творческой активности трудящихся, стремящихся ускорить строительство социализма и укрепить лагерь мира и демократии, благодаря огромной неоценимой помощи Советского Союза, а также благодаря взаимному сотрудничеству самих стран народной демократии»⁶⁵. «Благодаря советской помощи, — указывалось в Манифесте Центрального совета фронта народной демократии Румынии 30 октября 1952 г., — мы можем производить в нашей стране необходимое нефтеоборудование, шарикоподшипники, машины и установки, которые мы никогда до сих пор не производили у нас в стране»⁶⁶.

Экономическое сотрудничество сыграло важную роль в развитии тяжелой промышленности, признававшейся основой индустриализации во всех

⁵⁹ См. Т. А. Покивайлова, Р. С. Шароватова. О некоторых чертах социалистических преобразований в европейских социалистических странах (на опыте Чехословакии, Венгрии и Румынии). «Советское славяноведение», 1973, № 2.

⁶⁰ «Внешняя торговля стран народной демократии». М., 1961, с. 18.

⁶¹ «Внешняя торговля и производство народно-демократической Чехословакии». М., 1956, с. 13.

⁶² «Внешнеэкономические связи социалистических стран». М., 1974, с. 40.

⁶³ «Правда», 1952, 12 октября.

⁶⁴ «Внешняя торговля стран народной демократии». М., 1961, с. 19.

⁶⁵ «За прочный мир, за народную демократию», 1951, 9 февраля.

⁶⁶ «Scinteia», I XI 1952.

европейских социалистических странах. Вместе с тем уже в самом начале 50-х годов отмечалась необходимость специализации производства в рамках этой области и нецелесообразность развития всех отраслей промышленности в каждой стране. Помощь Советского Союза, располагающего мощной индустриальной базой, сотрудничество европейских социалистических стран создавало объективную основу для проведения первых мероприятий по специализации производства. СССР оказал необходимую техническую помощь в проектировании и строительстве шарикоподшипниковых заводов, а также в освоении производства шарикоподшипников на новых заводах Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии⁶⁷. В ряде случаев страны — члены СЭВ совместно определяли размеры выпуска тех или иных видов изделий в зависимости от наличия сырьевых ресурсов, кооперировались с целью налаживания и расширения массового выпуска продукции⁶⁸.

Следует, однако, отметить, что в начальный период социалистического строительства, когда Совет Экономической Взаимопомощи только приступал к разработке и осуществлению первых мероприятий по специализации и кооперированию производства, создание и развитие ряда отраслей, особенно обрабатывающей промышленности, происходило без достаточного учета складывавшегося международного социалистического разделения труда и вело к параллелизму и дублированию некоторых производств, что объясняется прежде всего напряженным периодом интенсивного капитального строительства. В этих условиях особое значение имел переход к таким формам сотрудничества, как согласование народнохозяйственных планов, их координация, переход к специализации и кооперированию производства.

Таким образом, уже на начальном этапе строительства основ социализма коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы подходили к пониманию объективной необходимости перехода к многостороннему экономическому сотрудничеству. Опираясь на учение марксизма-ленинизма, учитывая опыт внутрисюзовных экономических связей СССР и опыт сложившихся к концу 40-х годов двусторонних экономических связей европейских социалистических стран между собой и Советским Союзом коммунистические и рабочие партии братских стран творчески разрабатывали концепцию многостороннего экономического сотрудничества. Вместе с тем следует отметить, что в начальный период социалистического строительства ещё не могли быть решены сложнейшие проблемы многостороннего экономического сотрудничества, но шел поиск путей, возможностей и форм их реализации. В последующие после создания СЭВ годы наблюдалось постоянное углубление и расширение сотрудничества европейских социалистических стран на многосторонней основе.

Накопленный опыт сотрудничества позволил перейти к осуществлению на практике в конце 50-х — начале 60-х годов таких важных форм многостороннего сотрудничества, как согласование народнохозяйственных планов, координация и специализация производства, продиктованных требованиями развития производительных сил и производственных отношений.

В конце 60-х — начале 70-х годов экономические связи и многостороннее сотрудничество приобрели качественно новое содержание, что нашло свое отражение в разработке и осуществлении Комплексной программы социалистической интеграции, принятой в 1971 г.

⁶⁷ См. подробно Н. В. Фаддеев. Совет Экономической Взаимопомощи — коллективный орган сотрудничества социалистических стран. «Вопросы истории», 1971, № 8, с. 8.

⁶⁸ Л. И. Лукин. Там же, с. 47.

А. ШИНКАРЕВ

КПЮ И НЕЗАВИСИМЫЕ ПРОФСОЮЗЫ В ЮГОСЛАВИИ (1921—1929)

Компартия Югославии уделяла большое внимание развитию профсоюзного движения в стране. В 1921 г. была создана революционная профорганизация. Эта организация, по конспиративным соображениям носившая имя Независимые профсоюзы, существовала до 1929 г., когда ее деятельность была запрещена пришедшей к власти военно-монархической диктатурой. Под руководством компартии Независимые профсоюзы превратились в наиболее активную и боевую профсоюзную организацию Югославии. Являясь секцией Красного Интернационала профсоюзов (Профинтерна), они были тесно связаны с международным профсоюзным движением. Эти вопросы в исторической литературе еще не получили всестороннего освещения.

В декабре 1920 г. правящие круги Королевства сербов, хорватов, словенцев издали специальное постановление «Обзнана», запретившее коммунистическую партию и профсоюзы. Перед молодой и неокрепшей Компартией Югославии встал целый ряд проблем, охватывающих все области ее политики, в том числе профсоюзную работу.

Положение, сложившееся в югославском рабочем движении, рассматривалось в начале 1921 г. на заседаниях руководства Коминтерна и Международного Совета профессиональных союзов (Межсовпрофа). Исполком Коминтерна и Исполбюро Межсовпрофа приняли специальные воззвания, которые призывали международный пролетариат к солидарности с рабочим классом Югославии¹.

Для дальнейшего развития рабочего движения Югославии серьезное значение имело участие югославских коммунистов в работе III конгресса Коминтерна (июнь 1921 г.). При обсуждении на конгрессе профсоюзного вопроса была затронута и профсоюзная работа КПЮ. В выступлениях отдельных делегатов критически оценивалась пассивная тактика югославских коммунистов в борьбе за легализацию профдвижения в Югославии². Результатом обсуждения проблем профсоюзной политики на конгрессе явились тезисы «Коммунистический Интернационал и Красный Интернационал профессиональных союзов», в которых подчеркивалось: «Главной задачей всех коммунистов в ближайшую эпоху является настойчивое, энергичное, упорное стремление завоевать большинство профессионально-организованных рабочих, нисколько не падая духом вследствие царящих в настоящее время в профессиональных союзах реакционных настроений,

¹ «Russische Rundschau», 1921, № 25, s. 3.

² «III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». Пг., 1922, с. 399.

но стараясь путем самого активного участия в их повседневной работе привести их вопреки всем сопротивлениям в ряды коммунизма»³. Конгресс выдвинул перед компартиями целый комплекс задач в области профсоюзной работы на ближайшее время, в том числе: переход к организации производственных профсоюзов, создание коммунистических фракций в профорганизациях, борьба против милитаризации предприятий и т. д.⁴

Решения III конгресса Коминтерна по профсоюзному вопросу конкретизировались на I конгрессе Красного Интернационала профсоюзов (июнь 1921 г.), оказавшем серьезное влияние на деятельность профсоюзов Югославии, которые были представлены на конгрессе делегацией в составе 11 человек⁵.

Югославские делегаты приняли активное участие в работе по созданию международных комитетов пропаганды (МКП). МКП были образованы при Профинтерне с целью объединить профсоюзы по профессиям в международном масштабе. Одним из первых был образован (в июле 1921 г.) МКП деревообделочников, в числе основателей которого был югославский Союз деревообделочников. Член югославской делегации на I конгрессе Профинтерна Г. Преоевич участвовал в работе совещания, на котором был учрежден МКП деревообделочников, и сделал доклад о профсоюзном движении Югославии. Совещание назначило Г. Преоевича представителем МКП на Балканах⁶. В связи с решением секретариата Интернационального Союза деревообделочников, примыкавшего к Амстердамскому интернационалу, не допустить на съезд (ноябрь 1921 г.) представителя советских профсоюзов делегаты Союза деревообделочников Югославии выступили с протестом, в котором говорилось: «Наш Союз всегда стоял и теперь стоит на точке зрения необходимости единого интернационального фронта деревообделочников и поэтому придерживается того мнения, что решение Исполнительного Комитета Интернационального Союза деревообделочников только разрушает единство нашего интернационального фронта, в то время как присутствие делегатов Всероссийского союза деревообделочников на международном съезде было бы большим шагом в направлении упрочения так желанного единства»⁷. Югославские профсоюзы принимали участие в деятельности МКП кожевников, металлистов, транспортников, пищевиков, портных и др.⁸

В июне 1921 г. пленум Центрального партийного веча КПЮ разработал инструкцию по созданию нелегальных партийных организаций, в которой подчеркивалась необходимость немедленной организации коммунистических фракций в профсоюзах⁹. С сентября 1921 г. революционные профсоюзы Югославии возобновили свою деятельность.

Югославскому пролетариату в его тяжелой борьбе оказывал поддержку Исполком Коминтерна. 13 августа 1921 г. ИККИ совместно с Исполбюро Профинтерна и Исполкомом КИМа в связи с массовым террором в Югославии обратился с воззванием «К пролетариату Югославии». «Революционный пролетариат Югославии переживает тяжелые дни, — говорилось в воззвании, — но Коммунистический Интернационал убежден, что революционный пролетариат Югославии, закаленный в трудной борьбе,

³ «Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932». М., 1933, с. 235.

⁴ Там же, с. 238—240.

⁵ «I международный конгресс революционных профессиональных и производственных союзов», бюллетень 1. М., 1921, с. 2.

⁶ «I международный конгресс...», бюллетень 17, с. 28.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 5, д. 14, л. 25.

⁸ «I международный конгресс...», бюллетень 17, с. 28, 36, 49; «RGB», 1923, № 3, с. 14; «Революционный транспортник», 1924, № 4, с. 10.

⁹ Arhiv SK SKJ, f. KI, 1921/9.

сможет отразить совместное нападение буржуазии и предателей социализма. В этой жестокой борьбе пролетариат Югославии будет иметь не только симпатии, но также постоянную помощь Коммунистического Интернационала»¹⁰.

На заседании Исполбюро Профинтерна 11 октября 1921 г., рассмотревшем положение в югославском профдвижении, были проанализированы конкретные задачи, стоявшие перед Независимыми профсоюзами¹¹.

КПЮ и Независимые профсоюзы приняли активное участие в кампании помощи голодающим Поволжья, организованной Коммунистическим Интернационалом и Профинтерном. Независимые профсоюзы взяли на себя основную работу в стране по организации комитетов помощи, сбору и пересылке средств. Большое значение в этом отношении имел центральный орган Независимых профсоюзов «Организовани радник». Газета собрала в 1922 г. 100 тыс. динаров для передачи в фонд помощи голодающим¹². КПЮ и Независимые профсоюзы стремились превратить помощь голодающим в широкую политическую кампанию в защиту Советской России. Они старались привлечь к этой кампании самые широкие слои трудящихся, чтобы связать ее с развертывавшейся в тот период борьбой за единый пролетарский фронт.

Представитель КПЮ К. Новакович, выступая на первом расширенном пленуме ИККИ (февраль 1922 г.), заявил о твердой поддержке югославскими коммунистами тактики единого пролетарского фронта¹³. Пленум включил югославского представителя в состав делегации Коминтерна на берлинской конференции трех Интернационалов¹⁴. Практическое осуществление тактики единого фронта КПЮ начала сразу же после берлинской конференции (апрель 1922 г.), действуя, в первую очередь, через Независимые профсоюзы. Центральный руководящий орган Независимых профсоюзов — Межсоюзный профсоюзный комитет (МПК) обсудил результаты берлинской конференции и принял специальную резолюцию, в которой говорилось: «МПК с радостью приветствует хотя и скромные результаты берлинской конференции трех интернационалов. В то же время он осуждает представителей II Интернационала, которые, продолжая служить интересам своих империалистических правительств, помешали уже в этом месяце провести общий международный рабочий конгресс. МПК считает, что создание единого пролетарского фронта против наступления капитала, которое особенно проявляется в снижении заработной платы, удлинении рабочего дня и терроре против пролетариата, является настоятельной необходимостью рабочего класса каждой страны и в международном масштабе»¹⁵. Далее в резолюции излагалась программа объединения пролетариата Югославии. Поддерживая призыв берлинской конференции о совместном праздновании 1 Мая, руководство Независимых профсоюзов начало переговоры с представителями реформистских профобъединений об организации такого первомайского выступления¹⁶.

Вопросы дальнейшего развития тактики единого фронта и профсоюзного движения Югославии были рассмотрены на I конференции КПЮ (июль 1922 г.), в работе которой приняли участие представители Испол-

¹⁰ «Die Tätigkeit der Exekutive und des Präsidiums des EK der Kommunistischen Internationale vom 13. Juli 1921 bis I. Februar 1922». Пр., 1922, с. 74.

¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 3, д. 9, л. 129.

¹² М. Р а л и ć. Radnički pokret u Vojvodini 1921—1929. Novi Sad, 1973, s. 250.

¹³ «Правда», 1922, 28 февраля.

¹⁴ Там же, 1922, 3 апреля.

¹⁵ «Организовани радник», 16 IV 1922.

¹⁶ Там же, 20 IV 1922.

кома Коминтерна ¹⁷: «Расширенный пленум КПЮ,— говорилось в резолюции конференции „О едином фронте“,— полностью одобряет тактику единого фронта, сформулированную последним расширенным пленумом ИККИ, и вопреки всем трудностям будет применять ее в Югославии» ¹⁸. В резолюции по профсоюзному вопросу подчеркивалось, что профсоюзы — основное орудие единого фронта, и была намечена программа объединения профсоюзного движения Югославии. После I конференции КПЮ Независимые профсоюзы взяли курс на организацию совместных акций с профсоюзами других направлений. Члены различных профобъединений участвовали в совместных забастовках горняков Трбовля и Загорья, рабочих деревообрабатывающей промышленности в Нише и Вуковаре, вагоностроителей в Славонском Броде ¹⁹. Осенью 1922 г. Независимые профсоюзы организовали по всей стране массовые выступления в защиту рабочего Керошевича, приговоренного за участие в стачке к смертной казни. Эту кампанию поддержали Коминтерн и Профинтерн, организовав выступления в защиту Керошевича в Австрии, Болгарии, Германии и во Франции ²⁰.

Югославские коммунисты и профсоюзные деятели приняли участие в работе IV конгресса Коминтерна и II конгресса Профинтерна (конец 1922 г.), на которых были рассмотрены вопросы дальнейшего развития тактики единого фронта. Решения IV конгресса Коминтерна и II конгресса Профинтерна получили отражение в резолюциях I конференции Независимых профсоюзов Югославии (январь 1923 г.). Присутствовавший на конференции в качестве представителя Профинтерна Г. Димитров отмечал, что в основу всех решений и резолюций форума Независимых профсоюзов положена программа и тактика Красного Интернационала профсоюзов ²¹. Исполбюро Профинтерна направило приветствие конференции, в котором говорилось: «С глубоким волнением и вниманием следит Красный Интернационал профессиональных союзов за героической борьбой, которую ведет югославский пролетариат за свое освобождение... Мы, революционные рабочие всех стран, чувствуем биение вашего сердца и свою глубокую пролетарскую солидарность с вами» ²².

Большое внимание профсоюзной работе было уделено и на II конференции КПЮ (май 1923 г.). Конференция подчеркнула, что дальнейшее развитие профсоюзного движения в Югославии возможно только в соответствии с профсоюзной политикой Коминтерна. «Особое внимание необходимо уделить работе в профсоюзах по созданию и укреплению организационного единства профорганизаций и применению лозунга единого фронта, руководствуясь при этом решениями IV конгресса КИ»,— отмечалось в резолюции «О политическом положении и непосредственных задачах КПЮ» ²³. В резолюции конференции по профсоюзному вопросу указывалось на необходимость создания единого фронта прежде всего снизу, через совместные акции. Решения II конференции КПЮ значительно активизировали деятельность югославских коммунистов по объединению профдвижения. Исполком Независимых профсоюзов начал переговоры с руководством реформистских профсоюзов по вопросам единства. Коммунисты стремились повлиять на результаты переговоров организацией единого фронта снизу. Большим успехом в политике единства можно считать про-

¹⁷ «Преглед историје Савеза комуниста Југославије». Београд, 1963, с. 98.

¹⁸ Arhiv CK SKJ, f. KI, 1922/16.

¹⁹ J. S a z i. Nezavisni sindikati, knj. 2. Zagreb, 1964, s. 210—220.

²⁰ «Организовани радник», 30 XI 1922.

²¹ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 4, д. 64, л. 58.

²² Там же, оп. 6, д. 198, л. 3.

²³ Arhiv CK SKJ, f. KI, 1923/29.

ведение в 1923 г. трех всеобщих стачек с участием профсоюзов различных направлений²⁴.

За развитием кампании единства профдвижения в Югославии внимательно следили в Профинтерне. В письме генерального секретаря Профинтерна А. Лозовского в Среднеевропейское бюро Красного Интернационала профсоюзов от 16 июля 1923 г. сообщалось, что в Исполбюро широко обсуждается вопрос о слиянии существующих в Югославии параллельных профорганизаций. Объединение поддерживают все, но «спор идет о формах и методах этого слияния, причем на этот счет существуют разногласия...»²⁵. В июле 1923 г. Исполбюро Профинтерна направило Исполкому Независимых профсоюзов письмо, где подчеркивалось: «Красные профсоюзы должны использовать все возможности, чтобы осуществить полное профсоюзное единство. Позиция наших профсоюзов в этом вопросе во всех странах, где профсоюзная бюрократия расколола профсоюзы, должна быть примером как для их сторонников, так и для членов реформистских профсоюзов»²⁶.

В связи с тем, что в сентябре 1923 г. реформисты отказались от дальнейших переговоров с революционными профсоюзами, кампания по объединению профсоюзов в Югославии значительно ослабла. Требовалось серьезное обсуждение проблем дальнейшей деятельности Независимых профсоюзов Югославии в борьбе за единый фронт. С этой целью в Исполбюро Профинтерна была создана специальная комиссия. В резолюции о профсоюзной тактике в Югославии, принятой Исполбюро 18 октября 1923 г., подчеркивалась необходимость гибкости и осторожности в политике единства: «При проведении тактики объединения необходимо действовать с большой предусмотрительностью и искусством в вопросах, связанных с присоединением к Интернационалу. Необходимо сделать все, что в наших силах, во время предварительных переговоров и на самом конгрессе единства, прежде чем поставить решение вопроса о присоединении к Интернационалу на повестке дня. Если реформисты не желают уступать, необходимо согласиться на дискуссию и если будет решено присоединиться к Амстердаму (реформистскому профсоюзному интернационалу. — А. Ш.), необходимо подчиниться, оставаясь внутри центрального объединения. Наши сторонники должны будут использовать этот случай, чтобы продемонстрировать наше стремление к единству»²⁷.

Важным шагом на пути к объединению югославского пролетариата явилось создание в 1923 г. мопрвской организации в стране. Дальнейшее развитие югославской Красной помощи было связано с прибытием в страну в 1923 г. болгарских политэмигрантов, вынужденных покинуть родину из-за кровавого режима Цанкова. Важную роль в кампании помощи болгарским политэмигрантам играли Независимые профсоюзы. Исполком Независимых профсоюзов выпустил специальное воззвание «Поможем товарищам из Болгарии»²⁸. Через профсоюзную печать по всей стране были проведены сборы средств, что позволило открыть для болгарских беженцев специальные лагеря, столовые и больницы²⁹.

Таким образом, в 1921—1923 гг. КПЮ и Независимые профсоюзы добились определенных успехов в своей работе.

Отсутствие единства в КПЮ привело в 1924 г. к кризису в отношениях между руководством компартии и Исполкомом Независимых профсоюзов.

²⁴ «Преглед историје...», с. 110.

²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 4, д. 46, л. 125.

²⁶ Там же, оп. 6, д. 198, л. 9.

²⁷ Там же, оп. 3, д. 47, л. 19.

²⁸ «Организовани радник», 18 X 1923.

²⁹ «МОПР», 1926, № 3, с. 54.

На III конференции КШЮ (январь 1924 г.) фракционные столкновения происходили по всем вопросам политики компартии. Группа, объединявшая сторонников С. Марковича, носившая название «меньшинство», «коппозиция», затем фракция «правых», имела сильные позиции в Независимых профсоюзах. Это значительно осложняло отношения между компартией и революционным профобъединением.

Положение в рабочем движении Югославии вызывало серьезную озабоченность Исполкома Коминтерна. Этот вопрос многократно рассматривался в органах Коминтерна и в Балканской Коммунистической федерации³⁰.

Особое значение для развития югославского рабочего движения имел V конгресс Коминтерна (июнь—июль 1924 г.), на котором была принята резолюция по югославскому вопросу³¹. Резолюция касалась, в первую очередь, национального вопроса, однако решения конгресса оказали также серьезное влияние на работу югославской компартии в профсоюзах. В составе югославской делегации на конгрессе находились два члена Исполкома Независимых профсоюзов³². Один из них, Л. Стефанович, участвовал в работе профсоюзной комиссии конгресса³³. Выработанные этой комиссией тезисы «Тактика в профессиональном движении» содержали в себе программу борьбы за единство профсоюзов с учетом новых условий в мировом рабочем движении³⁴. Особое внимание положению в югославском профдвижении уделяло Исполбюро Профинтерна³⁵. Большую работу по укреплению связей Профинтерна с югославскими профсоюзами проделал Г. Димитров, являвшийся в то время представителем Исполбюро Красного Интернационала профсоюзов на Балканах. Он готовил доклады о положении в югославском профдвижении, неоднократно встречался с руководителями Независимых профсоюзов, участвовал в совещаниях, подготовленных Профинтерном совместно с югославскими представителями³⁶. Одновременно Г. Димитров выступал на страницах профинтерновской печати с анализом проблем балканского и югославского профдвижения³⁷.

Представители Независимых профсоюзов приняли участие в работе III конгресса Профинтерна и его комиссии (июль 1924 г.)³⁸. Л. Стефанович был избран на конгрессе в состав Исполбюро Профинтерна³⁹. Во время работы конгресса из Югославии пришло сообщение о запрещении деятельности Независимых профсоюзов. Конгресс принял воззвание протеста, в котором призывал: «Рабочие всех стран! Покажите свою солидарность испытанным бойцам, революционным рабочим Югославии, которые борются против контрреволюционного капиталистического правительства»⁴⁰.

Работа III конгресса Профинтерна вызвала интерес в Югославии. «Так как результаты работы этого конгресса, как и его решения очень важны, то необходимо о них информировать, хотя бы кратко, членов на-

³⁰ «Два года борьбы и работы». М., 1924, с. 42, 126.

³¹ «Историјски архив Комунистичке партије Југославије». т. II. Београд, 1949, с. 420—421.

³² «Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», ч. II. М., 1925, с. 295.

³³ Там же, с. 250.

³⁴ Там же, с. 109—115.

³⁵ «Международное профдвижение 1923—1924 гг.». М., 1924, с. 88, 301.

³⁶ Н. Д и м о в. Профинтернът и балканското профсъюзно движение. София, 1976, с. 81—82.

³⁷ «Красный Интернационал профсоюзов», 1924, № 2.

³⁸ «III конгресс Красного Интернационала профсоюзов. 8—22 июля 1924 г.». М., 1924, с. 12.

³⁹ Там же, с. 323.

⁴⁰ Там же, с. 400.

ших Независимых профсоюзов», — писала «Организовани радник»⁴¹. Газета напечатала практически все резолюции и ряд докладов III конгресса Красного Интернационала профсоюзов⁴².

Выполняя решения III конгресса Профинтерна, международные комитеты пропаганды выступили в защиту запрещенных Независимых профсоюзов. На заседании секретариата МКП революционных кожевников 28 июля 1924 г. было решено обратиться ко всем национальным организациям с целью проведения общей кампании протеста и создания комитетов помощи югославским революционным профсоюзам⁴³. Учитывая условия Югославии и интересы единства профдвижения, руководство МКП рекомендовало Союзу рабочих кожевенной промышленности Югославии: «Связь с Профинтерном и международными союзами всего мира вы можете вполне сохранить путем переписки с нами и участием в наших совещаниях и конференциях от имени революционной фракции, ибо, если вы будете открыто декларировать вашу связь с Профинтерном и МКП, это, с одной стороны, вызовет репрессии со стороны правительства, а с другой, это может быть причиной непринятия вашего союза в Нюрнбергский Интернационал»⁴⁴.

Пленум ЦК КПЮ (ноябрь 1924 г.) высоко оценил значение решений V конгресса Коминтерна и III конгресса Профинтерна для развития югославского рабочего движения. В принятой резолюции «О постановлениях V конгресса КИ» отмечалось, что пленум: «1. Заявляет свое полное согласие с постановлениями V конгресса. 2. Приветствует постановления V конгресса относительно акций для достижения международного профсоюзного единства. 3. Подчеркивает, что все организации и члены партии обязаны работать по точному выполнению решений V конгресса и что ЦК обязан принять меры к их популяризации среди членов партии»⁴⁵. На пленуме подчеркивалось, что, только опираясь на политику Коминтерна, можно покончить с разногласиями в партии. «Единственно правильная политика для ликвидации внутривнутрипартийного кризиса может быть разработана в духе принципов V конгресса Коммунистического Интернационала», — говорилось в резолюции о спорах в партии⁴⁶.

По просьбе югославских коммунистов осенью 1924 г. Коминтерн и Профинтерн направили своих представителей в Югославию. Одновременно Исполбюро Профинтерна подготовило обращение к членам Независимых профсоюзов, в котором анализировалась деятельность революционных профорганизаций Югославии и рассматривались проблемы их дальнейшего развития⁴⁷. Содержание обращения показывает, что руководство Профинтерна считало возможным урегулировать конфликт и достичь соглашения между фракциями в КПЮ. Представители Коминтерна и Профинтерна в октябре — ноябре 1924 г. провели ряд встреч с представителями обеих фракций в КПЮ. Благодаря этому было достигнуто соглашение между «левой» и «правой» фракциями, которое давало возможность для достижения единства в партии⁴⁸. Однако «левая» фракция решила урегулировать конфликт в партии иным путем. Пленум ЦК КПЮ (ноябрь 1924 г.) возложил всю ответственность за последствия фракционной борьбы на «оппозицию». Один из лидеров «правых» Ж. Милойкович был

⁴¹ «Организовани радник», 14 VIII 1924.

⁴² Там же, IX—XII 1924.

⁴³ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 5, д. 49, л. 86.

⁴⁴ Arhiv CK SKJ, f. Sindikati 10.

⁴⁵ Ibid., f. KI 1924/74.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 6, д. 198, л. 47.

⁴⁸ M. Milenković. Sindikalni pokret u Srbiji, na Kosovu i Makedoniji 1918—1929 godine. Beograd, 1977, s. 452.

исключен из партии. В ответ на это «оппозиция» вышла из компартии. Этот шаг «оппозиции» наносил серьезный удар по отношениям между партией и профсоюзами, поскольку среди вышедших из компартии были все члены Исполкома Независимых профсоюзов. После этого ЦК КПЮ обратился в Исполком Коминтерна с просьбой помочь в ликвидации внутрипартийного кризиса ⁴⁹.

В начале 1925 г. Президиум БКФ провел ряд заседаний, на которых обсуждались возможности для возвращения в КПЮ ранее вышедших из партии, принципиального разрешения спорных вопросов и немедленного урегулирования отношений между компартией и Независимыми профсоюзами ⁵⁰.

Югославский вопрос был внесен в повестку дня V расширенного пленума ИККИ (март — апрель 1925 г.). Югославская делегация была широко представлена, поскольку Исполком пригласил представителей обеих фракций в КПЮ, чтобы выяснить разногласия и помочь ликвидировать кризис в югославской компартии. В югославскую комиссию вошли видные деятели международного рабочего движения Г. Димитров, А. Грамши, Б. Шмераль и др. ⁵¹, кроме того на заседаниях югославской комиссии выступили ряд руководителей Коминтерна ⁵². Председатель югославской комиссии В. Коларов в докладе на пленуме отметил особую опасность разногласий в КПЮ для профсоюзного движения в Югославии: «В профсоюзной политике и практике тоже обнаружили разногласия. Но здесь фракционная борьба приняла очень опасный характер, так как руководители профсоюзов оказались в лагере оппозиции и использовали профсоюзы в целях борьбы с центральным комитетом партии» ⁵³.

Выступавшие на пленуме югославские делегаты высоко оценили помощь Коминтерна югославской компартии. Они выражали уверенность, что пленум поможет оздоровить обстановку в партии: «... мы, югославские коммунисты, всегда питали и питаем полнейшее доверие к руководящему органу Коммунистического Интернационала. Поэтому мы убеждены, что решение, которое должно быть принято в Президиуме Коммунистического Интернационала, будет всецело отвечать интересам Коммунистической партии Югославии и Коммунистического Интернационала» ⁵⁴.

В принятой пленумом резолюции по югославскому вопросу значительное внимание отводилось профсоюзной работе КПЮ. Критике была подвергнута профсоюзная политика обеих фракций в руководстве компартии Югославии: «Отношения между партийным центром и одной группой членов партии в профсоюзах уже долгое время развивались в направлении взаимного отчуждения и острых столкновений. До этого дошло не без вины каждой из двух сторон. С одной стороны, необходимо констатировать, что партийный центр не уделил достаточного внимания развитию и укреплению профсоюзного движения. С другой стороны, руководящие товарищи некоторых профсоюзов отделились от партии и создали фракционную оппозицию против линии партийного руководства. Это, само собой разумеется, обострило отношения между партией и профсоюзным движением и подогрело сепаратистские тенденции к расколу между партией и профсоюзами» ⁵⁵.

⁴⁹ «Преглед историје...», с. 132.

⁵⁰ «Balkan-korrespondenz», № 1, 6 I 1925; № 8, 1 II 1925.

⁵¹ «Расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала». М. — Л., 1925, с. 29.

⁵² «Internationale Presse Korrespondenz», 1925, № 64, s. 861—863; № 76, s. 1013—1014.

⁵³ «Расширенный пленум...», с. 477.

⁵⁴ Там же, с. 479.

⁵⁵ «Историјски архив...», т. II, с. 439—440.

Подчеркивая опасность фракционной борьбы, резолюция, вместе с тем, осуждала крайние меры, которые применил ЦК КПЮ против оппозиции, и требовала беречь для партии каждого ее члена⁵⁶. В резолюции был намечен целый комплекс мероприятий для улучшения профсоюзной политики КПЮ⁵⁷. На первом месте стояла деятельность по объединению профдвижения. Это было связано с новым этапом в борьбе за единство в международном рабочем движении, начало которому положило основание в апреле 1925 г. Англо-русского комитета единства. Поэтому пленум ИККИ рекомендовал коммунистам в Югославии «сразу же начать среди всех профсоюзных организаций решительную и широкую кампанию за единство профсоюзного движения в стране и за присоединение к международному Англо-русскому комитету единства»⁵⁸.

В связи с активизацией кампании за единство в КПЮ возвратилась большая часть вышедшей из партии оппозиции, в том числе три члена Исполкома Независимых профсоюзов Л. Стефанович, М. Калевич, М. Мапойлович, которые возглавили борьбу с оппортунистами в руководстве революционных профсоюзов. Опасность перехода Независимых профсоюзов на реформистские позиции вынудила фракции в КПЮ выступать совместно, что положительно сказалось на отношениях между компартией и революционными профсоюзами. Оппортунисты были исключены из Исполкома Независимых профсоюзов. Однако фракционная борьба в КПЮ не была полностью ликвидирована.

В начале 1926 г. югославские власти обрушили новую волну террора на рабочее движение Югославии. Накануне намеченного съезда Независимых профсоюзов было арестовано свыше 300 активистов революционных профорганизаций⁵⁹. В кампании протеста против массовых арестов в Югославии, руководимой Коминтерном, Профинтерном и МОПР, приняли участие профсоюзные организации многих стран Европы⁶⁰ и комитеты по борьбе с террором на Балканах, создаваемые в это время во Франции, Бельгии, Швейцарии, Чехословакии, Англии, Австрии⁶¹. Под давлением столь широких выступлений югославские власти были вынуждены освободить арестованных.

III съезд КПЮ (май 1926 г.) значительно активизировал деятельность коммунистов по объединению профсоюзного движения Югославии.

Опираясь на резолюцию Президиума ИККИ по югославскому вопросу, съезд принял развернутую программу борьбы за объединение профдвижения Югославии: «Считая вопрос профсоюзного единства жизненной потребностью рабочего класса в его борьбе против наступления капитала, партия должна наибольшее внимание посвятить работе в профсоюзах»⁶². Обращалось внимание на необходимость вовлечения левых элементов во всех профорганизациях в кампанию единства. Для данного периода характерно, что наряду с Независимыми профсоюзами в борьбу за объединение профдвижения Югославии активно включились автономные профсоюзы⁶³. Это было связано с усилением в этих профорганизациях влияния коммунистов. Красный Интернационал профсоюзов наряду с Независимыми профсоюзами поддерживал связь с революционной оппозицией в других проф-

⁵⁶ Там же, с. 440.

⁵⁷ Там же, с. 439—441.

⁵⁸ Там же, с. 441.

⁵⁹ «МОПР», 1926, № 3, с. 39.

⁶⁰ «Informations-bulletin des Balkan — Büros der J. R. Н.», II, 1926, S. 14.

⁶¹ «МОПР», 1926, № 1, с. 29.

⁶² «Историјски архив...», т. II, с. 117.

⁶³ К автономным или нейтральным профсоюзам примыкали союз полиграфистов и союзы служащих. В отличие от других профсоюзов они не были связаны ни с какой политической партией, однако были близки к Социалистической партии Югославии.

организациях Югославии. Помощь Профинтерна Союзу полиграфистов Югославии во время всеобщей забастовки укрепила авторитет коммунистов в этом профсоюзе. «Ваша помощь, оказанная во-время, значительно повлияла на наших руководителей, которые до этого лавировали, и во многом облегчила нашу деятельность в Союзе на будущее», — говорилось в письме секретаря комфракции Союза полиграфистов Д. Марьяновича к Международному комитету пропаганды (МКП) полиграфистов от 6 февраля 1926 г.⁶⁴

В ходе кампании за единство профсоюзов были организованы совместные выступления солидарности с бастующими английскими шахтерами, в защиту Сакко и Ванцетти, в ряде мест были созданы из представителей разных профсоюзов комитеты единства, по стране прокатилась волна совместных забастовок. В сентябре 1926 г. была создана Лига защиты гражданских прав и помощи жертвам реакции⁶⁵. В правление Лиги наряду с коммунистами, среди которых был секретарь Исполкома Независимых профсоюзов, вошли социалисты, радикалы, демократы, представители Хорватской крестьянской партии и видные общественные деятели⁶⁶.

Кампания единства, проходившая в Югославии в 1926 г., получила в Профинтерне положительную оценку. Бюллетень Красного Интернационала профсоюзов писал: «Независимые профсоюзы за истекший год направили на верный путь борьбу за единство профдвижения в Югославии и связали ее с борьбой за единство профдвижения во всем мире»⁶⁷.

Однако продолжавшаяся в руководстве КПЮ фракционная борьба осложняла деятельность профсоюзов. На Съезде Независимых профсоюзов (июнь 1927 г.) «правая» фракция в КПЮ открыто противостояла партийной линии, в результате чего вновь возникла опасность разрыва между компартией и революционными профсоюзами⁶⁸. В этот период в рабочем движении Югославии начинается новый этап борьбы с фракционными разногласиями в КПЮ. Ее возглавили коммунисты из промышленных областей страны, где действовали наиболее крепкие партийные и профсоюзные организации. Они связывали надежды на ликвидацию внутрипартийного кризиса с Коминтерном⁶⁹.

В апреле 1928 г. состоялось совещание югославских коммунистов с представителями ИККИ. В совещании приняли участие и руководители Независимых профсоюзов, прибывшие на IV конгресс Профинтерна⁷⁰. На совещании выступили В. Коларов, Б. Шмераль, Г. Димитров и другие видные представители международного коммунистического движения, которые подчеркивали, что «без помощи революционных рабочих в самой стране мы не можем много сделать»⁷¹. Именно с расчетом на силу местных парторганизаций и сознательность рядовых коммунистов Исполком Коминтерна подготовил «Открытое письмо к членам КПЮ», принятое на совещании. В нем критически анализировалась деятельность КПЮ, в том числе ее профсоюзная политика, вскрывались корни фракционной борьбы, указывались пути к выходу из многолетнего партийного кризиса⁷². Открытое письмо было принято с воодушевлением коммунистами Югославии. Новое временное руководство КПЮ организовало обсуждение письма

⁶⁴ Архив СК СКЈ, ф. СSI — 105.

⁶⁵ «МОПР», 1925, № 6, с. 55.

⁶⁶ «Статут Лиге за заштиту права грађанина и помагање жртава реакције». Београд, 1926, с. 3.

⁶⁷ «Международное рабочее движение», 1927, № 11, с. 7.

⁶⁸ «Историјски архив...», т. II, с. 450.

⁶⁹ Архив СК СКЈ, ф. KI 1927/24.

⁷⁰ «Борба», 3 III 1978.

⁷¹ Там же, 4 III 1978.

⁷² «Историјски архив...», т. II, с. 447—453.

ИККИ во всех партийных организациях. «Не должно быть ни одного члена партии и СКМЮ (Союза коммунистической молодежи Югославии.— А. Ш.), ни одной ячейки, которая бы не познакомилась с директивами Коминтерна, с Открытым письмом и не предприняла мер для практического решения задач, поставленных перед нами Коминтерном»,—говорилось в Обращении Бюро ЦК КПЮ и ЦК СКМЮ к членам КПЮ⁷³. Ход обсуждения Открытого письма показал полное доверие югославского пролетариата к политике Коминтерна. «Курс ИККИ означает новый этап в развитии нашей партии, поэтому как конференция, так и съезд КПЮ должны пройти под знаком борьбы за единство пролетарского руководства, за партию, против фракций, за политику Коммунистического Интернационала»,—подчеркивал в своей резолюции местный комитет КПЮ в Сплите⁷⁴. Аналогичные резолюции были приняты почти всеми организациями КПЮ⁷⁵.

IV съезд КПЮ (ноябрь 1928 г.) высоко оценил деятельность Коминтерна и Профинтерна по преодолению кризиса в рабочем движении Югославии⁷⁶. «Открытое письмо значительно ускорило распад обеих фракций, внесло оживление в деятельность организаций и вовлекло широкие слои членов партии в обсуждение внутрипартийных вопросов»,—говорилось в резолюции о внутрипартийных отношениях⁷⁷. Резолюция по профсоюзному вопросу подчеркивала: «Съезд полностью принимает решения IV конгресса Красного Интернационала профсоюзов, резолюцию Исполбюро Профинтерна о работе в профсоюзах Югославии и обязует всех коммунистов проводить их в жизнь»⁷⁸. На съезде была принята резолюция «по докладу о VI конгрессе КИ», где давалась высокая оценка работе и итогам прошедшего конгресса Коминтерна и намечались конкретные меры по популяризации документов конгресса среди югославских коммунистов⁷⁹. Решения IV съезда КПЮ имели важное значение для развития рабочего движения Югославии.

С установлением в январе 1929 г. военно-монархического режима усилился террор против рабочего класса Югославии. Независимые профсоюзы были запрещены. Профсоюзные работники наряду с коммунистами подвергались жестоким преследованиям со стороны властей. Международное коммунистическое движение организовало в защиту югославского пролетариата массовую кампанию солидарности. С воззваниями протеста против беззакония югославского правительства выступили Исполкомы Коминтерна, КИМа, МОПРа и Исполбюро Профинтерна⁸⁰. Сотни митингов солидарности с югославским пролетариатом состоялись в СССР, Германии, Франции, Австрии, Чехословакии, Бельгии, Греции, США и других странах. МОПР организовал широкие мероприятия по сбору средств для югославских политзаключенных, в которых самое активное участие приняли советские профсоюзы⁸¹. В Австралии и США были образованы комитеты борьбы против белого террора в Югославии⁸². Активно участвовала в кампании протеста коммунистическая, профинтерновская и мопровская печать. Солидарность международного пролетарского движения явилась для

⁷³ «Билтен ЦК КПЈ и ЦК СКОЈ», 1928, № VI.

⁷⁴ «Историјски архив...», т. II, с. 459.

⁷⁵ Там же, с. 454—459.

⁷⁶ Arhiv SK SKJ, f. CSI — 170.

⁷⁷ «Историјски архив...», т. II, с. 179.

⁷⁸ Там же, с. 207.

⁷⁹ Там же, с. 209—212.

⁸⁰ «Internationale Presse—Korrespondenz», 1929, № 7, S. 125; № 11, S. 201.

⁸¹ ЦГАОР СССР, ф. 8265, оп. 1, д. 667, л. 13.

⁸² «МОПР», 1929, № 12, с. 25.

югославских коммунистов значительной поддержкой в их борьбе против кровавого террора югославской буржуазии.

После запрещения Независимых профсоюзов югославское профдвижение переживало свой наиболее тяжелый период. Это обуславливалось прежде всего террором властей. В то же время на рубеже двадцатых и тридцатых годов в международном коммунистическом движении проявились тенденции к ужесточению политики в отношении к социал-демократам. В профсоюзной деятельности это выразилось в отказе коммунистов работать в реформистских профсоюзах. Эти сектантские явления получили широкое распространение в профсоюзной политике КПЮ. Югославские коммунисты все силы бросили на создание нелегальных Независимых профсоюзов, игнорируя работу в существовавших реформистских профобъединениях. XII пленум ИККИ (август — сентябрь 1932 г.) подверг критике левацкий лозунг о реакционности реформистских профсоюзов⁸³. В резолюции Исполкома Коминтерна «О политическом положении и задачах КПЮ» формулировались задачи югославских коммунистов по объединению пролетариата в Югославии⁸⁴. Руководство КПЮ в конце 1932 г. издало директиву о вступлении коммунистов в реформистские профсоюзы⁸⁵. После этого началось массовое вступление бывших членов Независимых профсоюзов в реформистское профобъединение, что значительно укрепляло влияние коммунистов во всем югославском рабочем движении. Особенно активизировалась деятельность югославских коммунистов после VII конгресса Коминтерна, на котором рассматривалась и борьба за единый фронт в Югославии. Значительно возросло количество членов Объединенного рабочего профессионального союза (УРСС): 1936 г. — 54 тыс., 1938 г. — 100, 1940 г. — 150 тыс.⁸⁶ К концу тридцатых годов практически все профорганизации находились под влиянием коммунистов. Югославские коммунисты к этому времени накопили значительный опыт работы в массовых пролетарских организациях, создали себе надежную опору в рабочем движении в лице Независимых профсоюзов.

⁸³ «XII пленум ИККИ», т. III. М., 1933, с. 171.

⁸⁴ «Преглед историје...», с. 185.

⁸⁵ Там же, с. 186.

⁸⁶ Там же, с. 220, 300.

ДИМИТРИС ЛУЛЕС

ОБРАЗОВАНИЕ ГРЕЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА И РОССИЯ (1821—1832)

В феврале 1980 г. исполнилось 150 лет со времени создания Греческого государства. Юбилейная дата заставляет вспомнить о важной роли, которую сыграла Россия в национальном освобождении греческого народа. В историографии, посвященной международным отношениям в Европе в 1820—1830-х годах, в трудах по истории Греции эта тема, конечно, освещалась не раз. Но возможности ее исследования с привлечением новых архивных материалов далеко не исчерпаны.

Греческая революция началась в 1821 г. в очень неблагоприятной международной обстановке. Священный союз — этот «трех-юнион монархов»¹ — противостоял всему, что угрожало существующей «законности», «порядку» и социальному статус-кво. Известие о национально-освободительном восстании в Греции вызвало враждебную реакцию европейских правительств. Вскоре стало очевидным, что султан не в состоянии справиться с силами революции и восстановить свое господство в южной части Балканского полуострова. Формирование там нового «порядка вещей» превратилось в реальную перспективу. Все это вызвало сильный интерес, а позднее и активное вмешательство в греко-турецкий конфликт великих европейских держав.

Несмотря на то, что правительство России было одним из наиболее реакционных в Европе, его внешняя политика благоприятствовала делу греков. Если западноевропейские державы были заинтересованы в политической стабильности в Восточном Средиземноморье, то Россия добивалась кардинального решения так называемого восточного вопроса.

Русская буржуазия, еще политически слабая, давно стремилась к освоению свободных рынков Средиземноморья. Однако все попытки в этом направлении обычно кончались неудачей, так как в Османской империи не было благоприятных условий для развития торговли. Прочный мир в Южных Балканах и Восточном Средиземноморье был необходим, как для нормального развития экономики России, так и для безопасности ее южных границ. Установление свободы торговли и безопасности морских путей через Эгейское и Средиземное моря имело огромное значение для хозяйственного прогресса южных районов России². С начала греко-турецкой войны общий объем торговли через порты Черного моря значительно

¹ Н. Темперлеу. The Foreign Policy of Canning. London, 1925, p. 332.

² О русско-греческих экономических и политических связях до начала греческого восстания см. Г. Л. А р ш. Этеристское движение в России. М., 1970.

уменьшился. Особенно резко сократился экспорт зерна (в 1824 г. на 50 % по сравнению с 1820 г.)³.

Конфликт на Балканах наносил ущерб и экономике Великобритании, в меньшей мере Франции. Политическое и экономическое влияние последней на Османскую империю значительно ослабло после окончания наполеоновских войн. Понимая это, французская буржуазия стремилась обеспечить создание нового свободного рынка в средиземноморском регионе, чему способствовало бы независимое греческое государство. В противоположность этому Великобритания надеялась, что сохранение турецкого господства в Южных Балканах ограничит «присутствие» России в Средиземноморье и позволит английскому капиталу беспрепятственно эксплуатировать османский рынок. Поэтому в первые годы греческой революции правящие круги Великобритании единодушно одобряли протурецкий курс сент-джеймского кабинета. Положение несколько изменилось в 1823 г., когда министром иностранных дел стал Джорж Каннинг. Этот дальновидный государственный деятель очень скоро осознал, что образование нового греческого государства является лишь вопросом времени. Он считал необходимым установление контроля за развитием революции путем поддержки ее лидеров, что обеспечивало влияние Великобритании на политику будущего правительства Греции, независимо от того, станет ли она автономным или полностью независимым государством.

Греческие повстанцы с самого начала стремились освободить от турецкой власти как можно большую территорию и особенно те области, где преобладало христианское население.

Ближайшим к Стамбулу местом, где велись вооруженные акции, был Халкидонский полуостров. Вскоре, однако, большая часть революционных выступлений на севере Греции была подавлена⁴. Театр военных действий сузился и охватывал только полуостров Пелопоннес (Морею), часть континентальной Греции (Румелию), несколько прилегающих к ней островов. На о. Крит велась партизанская война. Среди греческих лидеров лишь меньшинство отстаивало демократические принципы государственного устройства освобожденных земель⁵, большая часть политических и военных деятелей выступала за установление монархии.

В июле 1821 г. Россия прервала дипломатические отношения с Портой, отказавшейся удовлетворить ее требования. Но петербургский двор, рассчитывавший на согласованные действия в восточном конфликте членов Священного союза и Великобритании, вскоре понял, что находится в изоляции, что западные державы и особенно Великобритания и Австрия займут резко отрицательную позицию в отношении России в случае ее войны с Османской империей⁶.

В октябре 1823 г. Россия предложила созвать конференцию представителей держав, единственной целью которой было бы решение греческого вопроса и «умиротворение в Леванте». Каннинг заявил об отказе Великобритании от участия в такой конференции, Франция, Австрия и Пруссия решили послать в Петербург своих представителей. В связи с предстоявшими переговорами русское правительство неофициально представило европейским кабинетам план мирного урегулирования греческой проблемы. Оно предложило создать три автономных княжества в греческих землях. В первое из них должны были войти Фессалия, восточная часть

³ Н. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958, с. 55—56.

⁴ Δ. Κόκκινος. Η ελληνική επανάσταση. Αθήνα, 1960, τ. 1.

⁵ «Morning post», 2 II 1822; «Morning chronicle», 25 VI 1824.

⁶ И. С. Достяв. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972, с. 201—212.

Румелии, Аттика и Беотия; во второе — Эпир и остальная часть Румелии; в третье — Пелопоннес и Крит. Предполагалось также, что Кикладские острова сохранят свою автономию⁷.

По русскому плану Греция не получала государственной независимости и политически раздроблялась. Но зато автономию получали и области, в которых революционное движение не могло победить. К тому же в случае принятия русского предложения искусственный раздел страны скорее всего надолго не сохранился бы.

Опубликование русского предложения относительно создания трех греческих автономных княжеств во французской газете «*Constitutionnel*» вызвало бурную реакцию в Греции⁸. В письме Дж. Каннингу министр иностранных дел временного (проанглийского) правительства Греции П. Родос решительно протестовал против такого плана, составленного без учета мнения греков, и обращался с просьбой к английскому правительству признать греческую революцию. В ответном письме, написанном в декабре 1824 г., Каннинг признал греков «воюющей стороной» и заявил, что они имеют все основания участвовать в подготовке плана мирного урегулирования. Он добавил, однако, что предложение России содержит элементы, которые могут послужить основой для мирного договора, ставящего целью примирение «крайностей», ибо не допускает полной независимости Греции — с одной стороны, и сохранения оттоманской власти — с другой⁹. Позднее Каннинг заявил, что если Греции потребуется посредничество Великобритании, она с удовольствием исполнит эту миссию только в «союзе с другими великими державами».

Английское влияние в Греции заметно укреплялось. Страну наводнили британские агенты, в основном выходцы из Ионических островов, находившихся под английским протекторатом¹⁰. По их инициативе появился пресловутый «Акт повиновения», согласно которому греческая нация вверяла Великобритании защиту «своей свободы, национальной независимости и политических интересов»¹¹. Ответом греческой общественности на этот «Акт» была петиция, направленная русскому царю в апреле 1825 г., в которой содержалась просьба о посредничестве с целью скорейшего окончания войны с Турцией.

К этому времени определились важные перемены в политике России в Восточном кризисе, ибо она окончательно убедилась в бесплодности переговоров с великими державами. Встречи в Петербурге в июне 1824 г., а затем в феврале — мае 1825 г. ни к чему не привели главным образом из-за противодействия Австрии. Все предложения Александра I об оказании неофициального посредничества воюющим сторонам остались безрезультатными. Разногласия между великими державами были выгодны Османской империи, которая, используя политическую ситуацию, чинила все большие препятствия русской торговле. Впервые эмбарго на русскую торговлю было наложено 22 сентября 1823 г., как предполагают, не без участия лорда Стренгфорда, тогда посла в Константинополе¹². Царскому правительству стало ясно, что необходимо прекратить дальнейшие переговоры и действовать самостоятельно. В конце 1825 г. новый посол Великобритании в Петербурге сообщал о готовности царя объявить войну

⁷ A. Prokesch-Osten. *Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche*. Wien, 1867, Bd. 4, S. 63—73; см. также «*The Times*», 15 VI 1824.

⁸ H. Templey. *Ibid.*, p. 322.

⁹ «*Morning Post*», 18 IV 1825; «*Allgemeine Zeitung*», 9 IV 1825.

¹⁰ О засылке агентов см. «*Courier*», 13 IV 1825; «*Edinburgh Advertiser*», 28 III 1822 и др. По сообщению «*Morning Post*» (26 VIII 1825) два агента были приговорены к смертной казни в г. Месолонгионе.

¹¹ «Акт повиновения», направленный в Лондон, не был там официально принят.

¹² H. Templey. *Ibid.*, p. 334.

Османской империи, если мирные инициативы России будут оставлены без внимания¹³.

Как признался Стренгфорду Александр I, общественное мнение и армия России были настроены на немедленное объявление войны Турции¹⁴. Внезапная кончина царя и восстание декабристов лишь на время отвлекли внимание России от восточных дел. Новый царь, Николай I, усилил военные приготовления, что вскоре заметили в западных столицах¹⁵. Английское правительство первым разгадало намерение Николая I вступить в войну с Турцией, не заручившись согласием великих держав. Поэтому в январе 1826 г. облеченный особыми полномочиями герцог А. Веллингтон срочно выехал в Петербург, как было объявлено, для поздравления Николая I с восшествием на престол, в действительности же, чтобы выяснить позицию России в восточном конфликте¹⁶. После непродолжительных переговоров был подписан петербургский протокол 4 апреля (26 марта) 1826 г. относительно решения греческого вопроса. Стороны сочли, что султан должен предоставить грекам полную внутреннюю автономию при уплате определенной дани. На таких условиях Великобритания с согласия России должна была предложить свое посредничество в примирении воюющих сторон. Вопрос о государственном управлении и границах Греции должен был решаться в дальнейших переговорах¹⁷.

Как полагало царское правительство, протокол был подписан по ряду причин политического и экономического характера. Россия издавна считалась естественной защитницей Греции, с которой ее связывали религиозные и культурные узы. С начала XIX в. греки были наиболее надежными посредниками России в черноморской торговле, и если бы греко-турецкая война приняла затяжной характер, «торговля в этом районе была бы парализована, а в случае победы Турции совсем прекратилась бы»¹⁸.

Петербургский протокол был важной победой русской дипломатии: в решении греческого вопроса Англия оказалась связанной с Россией. Это тотчас понял Дж. Каннинг, не замедливший упрекнуть Веллингтона в превышении полномочий. Несколько месяцев спустя — 7 октября 1826 г. — между Россией и Турцией была подписана Аккерманская конвенция как дополнение к Бухарестскому мирному договору 1812 г. Дипломатические отношения между Россией и Турцией после этого были восстановлены, и новый русский посланник А. И. Рибошьер прибыл в Стамбул.

Так как с содержанием петербургского протокола было решено ознакомить другие державы, в октябре 1826 г. Дж. Каннинг выехал в Париж с целью убедить тюильрийский кабинет присоединиться к англо-русскому соглашению. Не желая оставаться в стороне от решения греческого вопроса, Франция приняла это предложение, и, более того, представила проект нового договора, полагая, что к нему могли бы также присоединиться другие великие державы. Однако Австрия отказалась участвовать в соглашении, а Пруссия объявила себя нейтральной, не присоединяясь к протоколу¹⁹. Австрия и Пруссия предложили свои «добрые услуги», если таковые потребуются.

¹³ Foreign Office. 65/149. Russia. Письмо Стренгфорда Дж. Каннингу 22 ноября 1825 г.

¹⁴ Н. Темплеу. Ibid., p. 302, 346.

¹⁵ «Всгупление Николая I на престол является предпосылкой спасения Греции», — писала «Morning Post» 29 II 1825 г.

¹⁶ «The Times», 28 I 1826; «Morning Post», 30 I 1826.

¹⁷ Текст протокола в кн. Ф. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XI. СПб., 1895, с. 341—343.

¹⁸ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12961. Записка Х. А. Ливена 20 февраля 1828 г.

¹⁹ Там же, д. 12692. 20 февраля 1828 г.

После того как в апреле 1827 г. премьер-министром Великобритании стал Дж. Каннинг переговоры велись в Лондоне более энергично. Каждая из участниц представила свой план мирного урегулирования греко-турецкого конфликта. 6 июля (24 июня) полномочные представители России, Великобритании и Франции — Х. А. Ливен, лорд Дадли и Ж. Полиньяк — подписали лондонский договор, в основном повторявший условия петербургского протокола. Но в специальной секретной статье нового договора, включенной по настоянию России, оговаривались, — правда, в неопределенной форме — принудительные меры для его исполнения²⁰.

Подписание лондонского договора было с удовлетворением встречено в Петербурге. Французское правительство, присоединяясь к соглашению, надеялось ограничить русское влияние в новом греческом государстве. Как признавался английский король Георг IV австрийскому послу в Лондоне, Великобритания подписала соглашение из опасения, что Россия выступит самостоятельно. Иоанн Каподистрия, избранный в апреле 1827 г. Третьим Национальным собранием Греции временным правителем (президентом), был близок к истине, когда сказал, что «отношения недоверия и соперничества между Россией и Великобританией привели к подписанию петербургского протокола, а французский эгоизм превратил протокол в тройственное соглашение»²¹. Несмотря на то, что лондонский договор был порожден антагонизмом между великими державами и имел отрицательные стороны, его можно считать важным шагом к окончанию греко-турецкой войны, которая в начале 1827 г. вступила в критическую для восставших греков стадию. Но военно-политическая ситуация могла теперь быстро измениться, так как к берегам Греции союзники решили направить свои эскадры, которые должны были воспрепятствовать высадке там египетских и турецких войск.

Послы трех держав, подписавших договор, предлагая свое посредничество, сделали в Константинополе ряд коллективных представлений, которые были отвергнуты Портой. Согласно секретной статье союзники могли вмешаться с целью добиться прекращения неприятельских акций между воюющими сторонами «без применения силы». Общая инструкция, данная трем адмиралам — Э. Кодрингтону, де Риньи и А. П. Гейдену позволяла им проявлять некоторую инициативу, поскольку в ней не были предусмотрены все возможные случаи²². Неясность инструкций привела к прямому вмешательству союзного флота в ход военных действий. 20 октября 1827 г. турецко-египетский флот был наголову разбит в исторической Наваринской битве. Весть об этом была с полным удовлетворением встречена в Петербурге, вызвала замешательство в Париже и плохо скрываемое раздражение в Лондоне. Там сочли разгром турецко-египетского флота досадной случайностью («несчастливым случаем»)²³.

Наваринская битва спасла греческую революцию в тот момент, когда она была на грани поражения, но не «убедила» Порту признать лондонский договор. Тем временем решено было продолжить переговоры в Лондоне по двум наиболее важным вопросам: о принципах управления в Греции и о границах нового государства. Предварительно предполагалось предоставить Греции автономию при сохранении сюзеренитета султана, пере-

²⁰ Текст лондонского договора см. Ф. Ф. Мартенс. Там же, т. XI, с. 355—362. Дополнительная, секретная статья была опубликована одновременно с текстом договора (см. «Times», 13 VII 1827).

²¹ С. F l e m i n g. John Capodistrias and the Conference of London Thessaloniki, 1970, p. 175.

²² «Memoires of the Life of Sir E. Codrington». London, 1878, p. 102.

²³ ЦГАМФ (Ленинград), ф. 170, оп. 1, д. 115. Доклад адмирала Л. П. Гейдена генеральному штабу адмиралтейства 25 октября 1827 г.; С. М. W o o d h a u s e. The Battle of Navarino. London, 1965.

дав управление страной наследственному монарху. Более сложным оказался вопрос о границах. Союзные эскадры должны были блокировать побережье Пелопоннеса и большей части Румелии по линии залива Волос на востоке и Артского залива на западе и активизировать свои действия в районе о. Самос, не затрагивая Крита²⁴. Окончательные решения по этим вопросам должна была принять Лондонская конференция, начавшаяся в июне 1827 г. и длившаяся до мая 1832 г., когда королем Греции стал Баварский принц Оттон. В работе конференции участвовали министры иностранных дел Великобритании, послы России и Франции в Лондоне.

Чтобы постоянно быть в курсе происходивших в Греции событий, Лондонская конференция срочно направила туда специальную комиссию, выводы которой должны были иметь консультативный характер. В нее вошли послы трех держав в Турции, покинувшие Стамбул после провала попытки посредничества²⁵. Заседания комиссии должны были начаться осенью 1828 г. на о. Порос.

Разногласия между Россией и Великобританией в греческом вопросе неуклонно обострялись, особенно в отношении определения границ будущего государства. Английская сторона считала, что предоставление автономии Пелопоннесу и прилегающим островам послужит гарантией сохранения мира в этом регионе. Русская дипломатия доказывала, что положения лондонского договора можно выполнить лишь в том случае, если Греции будет предоставлена достаточно обширная территория, обеспечивающая ее существование как самостоятельного государства²⁶.

По мнению сент-джеймского кабинета, основной задачей лондонского договора было «обеспечение Греции более стабильного и безопасного существования под управлением Порты»²⁷. Министр иностранных дел Великобритании лорд Дадли заявил Ливену, что «было бы политически нецелесообразным и несправедливым рисковать падением Османской империи ради улучшения жизни ее бывших подданных»²⁸. Правительство Николая I, отвергая план ограничения территории Греции Пелопоннесом, полагало, что союзники должны выслушать мнение греков, которые имеют право участвовать во всех переговорах, их касающихся²⁹. В письме Ливену Нессельроде подчеркивал, что Россия придает особое значение вопросу о границах, полагая, что решение не может быть достигнуто без согласия греков³⁰.

Тем временем началась русско-турецкая война, которую западные державы тщетно пытались предотвратить. 26 (14) апреля были изданы манифест о начале войны и декларация, в которой говорилось, в частности, что Россия будет добиваться выполнения постановлений лондонского договора. Заявлялось также об отсутствии каких-либо территориальных претензий к Турции.

Такого рода заверения не могли успокоить западные державы, в особенности Великобританию. Последняя ясно выразила неудовольствие самостоятельными действиями России, что поставило союзников перед выбо-

²⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12960. Ч. Стретфорд Кодрингтону 8 сентября 1827 г.

²⁵ Там же. Рибошьер Нессельроде 11 декабря 1827 г.; Нессельроде Ливену 6 января 1828 г.

²⁶ Там же. Нессельроде Ливену 9 января 1827 г. В начале 1828 г. Нессельроде общал Каподистрии, что русское правительство предложит установить северную границу Греции по линии Арта — Волос (АВПР, ф. Канцелярия, д. 2127. Нессельроде Каподистрии 7 января 1828 г.)

²⁷ Там же, д. 12961. Меморандум от февраля 1828 г.

²⁸ Там же, Дадли Ливену 25 марта 1828 г.

²⁹ Там же. Меморандум русского правительства правительству Великобритании от 2 апреля 1828 г.

³⁰ Там же. Нессельроде Ливену 29 апреля 1828 г.

ром: присоединиться к России или остаться в бездействии³¹. Реакция Франции была спокойнее: она признавала за Россией право самостоятельно улаживать спорные вопросы с Турцией, если они не касались Греции. Чтобы развеять опасения Великобритании, Франция предложила послать англо-французские войска на Пелопоннес для разгрома египетской армии, все еще оставшейся на полуострове³². Этот план поддерживала Россия несмотря на противодействие Великобритании, отказавшейся от участия в военных операциях³³. В августе 1828 г. французские войска — 6000 человек под командованием генерала Мезона — высадились на Пелопоннесе, вскоре после этого египтяне оставили занятые территории.

С начала войны русское правительство, пытаясь сделать Грецию «настоящей союзницей России»³⁴, заявило Турции, что не подпишет мирного договора, пока та не признает лондонских соглашений. В письме Каподистрии, который в январе 1828 г. прибыл в Грецию, Нессельроде отмечал, что только положительный исход войны может служить гарантией выполнения условий соглашения, которое все еще не вступило в силу из-за препятствий, чинимых английской стороной³⁵.

В меморандуме, направленном российскому министерству иностранных дел 19 мая 1828 г., Каподистрия обращал внимание на отсутствие в лондонском договоре статьи, определяющей границы греческого государства. Этот вопрос, по его мнению, необходимо было решить в пользу греков, ибо новое государство нуждалось в безопасных границах³⁶. Он намекнул, что в состав Греции следует включить Румелию с границей по линии Волос — Парга и о. Крит.

На протяжении всей борьбы греков за свою независимость Австрия оставалась их непреклонным врагом и постоянно выступала за территориальную неприкосновенность Османской империи. Отказавшись от участия в лондонском договоре, венский кабинет тем не менее выступал с различными предложениями по греческому вопросу, пытаясь добиться ограничения автономных прав нового греческого государства и сокращения его территории. Вместе с тем австрийские дипломаты не прекращали подстрекал Порту следовать непримиримому курсу. Это вызывало протесты со стороны русского посла в Вене³⁷. Начало русско-турецкой войны нанесло удар политике Меттерниха, который не без основания полагал, что после победного окончания войны влияние России на Балканах резко усилится. С его точки зрения, Греция, будучи автономным княжеством (типа Молдавии и Валахии) стала бы союзницей России, ибо последняя могла добиться ее полного освобождения благодаря дальнейшим успехам своей балканской политики. И наоборот, — в случае предоставления Греции полной независимости, она оказалась бы в большей мере экономически и политически привязанной к западным державам.

Таковой была подоплека неожиданного меморандума, врученного русскому правительству³⁸, в котором Австрия предлагала предоставить

³¹ Там же, д. 1261. Дадли Ливену 25 марта 1828 г.

³² Там же. Ливен Нессельроде 17 марта 1828 г.

³³ Там же. Поццо ди Борго Ливену 12 и 14 марта 1828 г. Свой отказ Великобритании мотивировала тем, что Каподистрия был против постороннего вмешательства (там же. Дадли Полиньяку 9 мая 1828 г.), что, однако, не подтвердилось (там же. Поццо ди Борго Ливену 8 августа 1828 г.).

³⁴ ИРЛИ, Архив А. С. Стурдзы, ф. 288, оп. 1, № 29. Нессельроде Гейдену 23 апреля 1828 г.

³⁵ Там же. Нессельроде Каподистрии 30 апреля 1828 г. См. также АВПР, ф. Канцелярия, д. 1261. Нессельроде Ливену 17 апреля 1828 г.

³⁶ Там же. Каподистрия Нессельроде 19 мая 1828 г.

³⁷ Там же. Нессельроде Ливену 21 января 1828 г., Нессельроде Д. П. Татищеву 7 января 1828 г.

³⁸ Там же. Меморандум австрийского правительства 2 апреля 1828 г.

Греции в границах только Пелопоннеса — полную независимость. Русская дипломатия положительно отнеслась к такой идее, заметив, однако, что окончательное решение по этому вопросу, как и о границах Греции, может быть вынесено державами — участницами лондонского соглашения после специального обсуждения³⁹.

В соответствии с секретной статьей лондонского договора его участники назначили в Грецию своих дипломатических представителей⁴⁰. Первым русским дипломатическим представителем в Греции стал граф М. Н. Булгари, грек по происхождению, который еще до приезда к месту назначения представил в российское министерство иностранных дел записку относительно задач политики России в греческом вопросе. В ней доказывалось, что став сильным государством, создав свою армию и флот, Греция могла бы достойно поддерживать внешнеполитические интересы России в Леванте. Для этого новому государству надо обеспечить безопасные границы на севере, твердое монархическое правление, финансовую помощь и пр. Греция, лишь формально находящаяся под сюзеренитетом султана, станет «морским государством», проводящим политику нейтралитета⁴¹. Мнение Булгари было учтено при разработке инструкции Рибобьеру, отправившемуся на о. Порос, где предстояло обсудить некоторые проблемы, касающиеся Греции.

Представители трех держав, собравшиеся на Поросе, запросили мнение Каподистрии, представлявшего греческое правительство, по вопросам, касающимся политического, социального и экономического положения Греции, ее границ⁴². Но когда президент стал доказывать, что южная часть Македонии и о. Крит должны быть включены в состав греческой державы, английское правительство категорически отказалось поддерживать эти требования, особенно в отношении Крита⁴³.

Напротив, петербургский кабинет не только сообщил Каподистрии о своем согласии на включение Крита в состав нового государства, но и обещал убедить Великобританию предпринять для этого соответствующие акции⁴⁴. В ответном письме Каподистрия сетовал, что Великобритания стремится низвести Грецию до положения своего протектората, но он надеялся, что сторону России в вопросе о границах примет Франция, опасавшаяся дальнейшего укрепления позиций Англии в Средиземноморском бассейне⁴⁵.

Франция, как и Россия, но по другим причинам, выступала за создание сильного и жизнеспособного греческого государства. По вопросу о границах она была склонна удовлетворить требования греческого правительства. Французский представитель на конференции в Поросе заявил, что если Крит не будет включен в состав Греции, он не должен передаваться какому-либо другому государству⁴⁶. При этом имелась в виду, конечно, Великобритания. Однако роль Франции в греческом вопросе не была решающей. Русские тоже опасались, что Англия может захватить о. Крит.

Работа представителей трех держав на о. Поросе велась в обстановке русско-турецкой войны. Нессельроде не без основания писал Ливену,

³⁹ Там же. Нессельроде Ливену 29 апреля 1828 г.

⁴⁰ Представителем Франции стал барон де Сен Дени, Англии — Е. Доукинс.

⁴¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 895. Булгари Нессельроде 4 июля 1828 г. Записка содержала проект договора с Турцией по греческой проблеме.

⁴² «Correspondence du comte J. Capodistrias président de la Grèce». Geneve—Paris, 1839, t. 2, p. 331.

⁴³ См. выступление герцога Веллингтона в парламенте: Colonel G u r w o o d. The Speeches of the Duke of Wellington in Parliament. London, 1854, p. 205.

⁴⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12962. Нессельроде Каподистрии 14 августа 1828 г.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 3, д. 57. Каподистрия Нессельроде 14 сентября 1828 г.

⁴⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 1261. Булгари Нессельроде 10 октября 1828 г.

что только война «сможет разрешить греческий вопрос»⁴⁷. Ход военных действий существенно влиял на расстановку сил в Восточном кризисе. Но военная кампания 1828 г. не принесла России большого успеха на балканском фронте. Поэтому царское правительство считало целесообразным отложить окончательное решение греческого вопроса «до того времени, когда русская армия добьется некоторых преимуществ, что позволит диктовать Турции условия, выгодные и России и Греции»⁴⁸. Рибошьер на заседаниях в Поросе должен был избегать конфликтов с западными державами. В начале декабря 1828 г. он неофициально сообщил Каподистрии проект резолюции, по которой северной границей Греции объявлялась линия Волос — Арта с островами Эвбея и Кикладскими. Но в состав Греции не включались острова Хиос, Самос и Крит. Последний — ввиду анархии на нем, что могло причинить «новые бедствия» Греции. Рибошьер заверил Каподистрию, что в дальнейшем Россия приложит все усилия, чтобы склонить союзников согласиться на присоединение этих островов к Греции⁴⁹.

В вопросе о форме государственного управления в Греции мнения представителей трех держав полностью совпадали. В проекте резолюции предлагалось назначить правителем Греции наследственного монарха-христианина, предоставив Порте право вето в отношении его кандидатуры. Эти условия, а также ежегодная выплата Грецией дани султану в размере 1500 тыс. пиастров должны были определять новые отношения между Грецией и Османской империей. Следует ли власть монарха регулировать конституционными ограничениями, еще предстояло решить в Лондоне. Однако на Поросе было постановлено, что вопросы управления должны обсуждаться при участии греческой стороны. Каподистрия не преминул напомнить послам о декрете четвертого Национального собрания в Аргосе, предусматривавшем передачу исполнительной власти правительству, а законодательной — специально избираемому парламенту⁵⁰. Русская дипломатия выступала за усиление в Греции государственной власти, которая на первое время обеспечила бы политическую стабильность в стране и нейтрализовала бы возможность революционных заговоров⁵¹. Ч. Стретфорд предложил кандидатуру Леопольда Саксен-Кобургского в качестве кандидата на греческий престол, но не получил на это определенного ответа от Каподистрии⁵². Несмотря на открытую враждебность Великобритании по отношению к Греции, специальный британский уполномоченный Ч. Стретфорд пытался вести переговоры с Каподистрией, обещая расширить территорию Греции, если ему удастся убедить Николая I согласиться на мир с Турцией на умеренных условиях. Россия не возражала против этой кандидатуры, хотя предпочитала, чтобы будущий правитель Греции не был связан родственными узами с какой-либо из правящих в союзных государствах династий⁵³.

Протоколы конференции на Поросе, официально опубликованные 12 декабря 1828 г., были направлены в Лондон и стали предметом бурных обсуждений.

Между тем греческое правительство, поощряемое Россией, прикладывало все усилия, чтобы освободить от турецкой власти Румелию. Так как просьба о содействии этому французских частей, все еще остававшихся

⁴⁷ Там же, д. 1262. Нессельроде Ливену 26 ноября 1828 г.

⁴⁸ ЦГИА, ф. 1040, оп. 1, д. 100. Нессельроде Рибошьеру.

⁴⁹ Там же, д. 90. Рибошьер Каподистрии 7 декабря 1828 г.

⁵⁰ «Correspondence...», t. 4, p. 422.

⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12962. Нессельроде Ливену 3 января 1828 г.

⁵² Там же, д. 895. Булгари Нессельроде 1 февраля 1828 г.

⁵³ Там же. Булгари Нессельроде 14 декабря 1828 г. (Принц Леопольд был женат на дочери английского короля Георга IV.)

на Пелопоннесе, была отклонена, военные действия велись силами греческой армии и развивались успешно. Но Великобритания и Франция вскоре стали проявлять большое недовольство, доказывая, что это противоречит духу лондонского договора⁵⁴. Английская сторона пригрозила принять меры против греков.

Английское правительство не было удовлетворено результатами конференции на Поросе, продолжая настаивать на ограничении территории Греции Пелопоннесом⁵⁵. Россия и Франция решительно возражали. Точка зрения последней была сформулирована в специальном меморандуме, представленном на рассмотрение союзных держав в марте 1829 г.⁵⁶

Русская сторона и не ожидала иной реакции Великобритании. Но, как полагал Нессельроде, рано или поздно ее позиция должна была измениться. Победа в войне с Османской империей могла дать возможность России беспрепятственно решить греческий вопрос. Однако для того, чтобы переговоры не зашли в тупик и не привели к расторжению лондонского договора, Ливен получил указание пойти навстречу Великобритании в вопросе о Крите⁵⁷, но настаивать на уступке Греции Эвбеи и Румелии, а также добиться обещания сторон оказывать Греции совместную финансовую помощь⁵⁸.

Окончательные решения Лондонской конференции были объявлены в протоколе, подписанном странами — участницами 22 марта 1829 г. В основу их были положены решения конференции на Поросе. Северная граница Греции определялась по линии Арта — Волос; ежегодная дань Греции султану устанавливалась не свыше 1500 тыс. пиастров, а будущий правитель не должен был принадлежать к правящим в России, Франции и Англии династиям⁵⁹. Судьба о. Самос не была определена, а Хиос передавался Турции. В вопросе о Крите не было достигнуто договоренности⁶⁰.

Решения конференции официально сообщил Каподистрии английский поверенный в делах в Греции Е. И. Доукинс 18 мая 1829 г. Вместе со своим французским коллегой он потребовал вывода из Румелии греческих войск, так как военные действия было решено прекратить на время переговоров в Константинополе послов Великобритании и Франции с Портой о признании ею условий лондонского договора⁶¹. Каподистрия отклонил это требование. Он не мог его выполнить, даже если бы хотел, так как к этому времени большая часть Румелии была освобождена; отозвать войска, набранные там из местного населения, не представлялось возможным⁶².

Греческий президент направил ряд меморандумов трем державам, протестуя против того, что протокол лишает греков права участвовать в переговорах с Портой и высказывать свои пожелания относительно кандидатуры «будущего суверена»⁶³. В ноте, адресованной России, он

⁵⁴ Там же, д. 287, № 53. Адмирал Малькольм Каподистрии 22 марта 1829 г. См. также Архив греческого министерства иностранных дел, ф. 5. Малькольм Каподистрии 19 мая 1829 г.

⁵⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12963. Ливен Нессельроде 17 и 31 марта 1829 г.; «The Times», 12 I 1829.

⁵⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12963. Меморандум французской делегации в Лондоне 22 марта 1829 г.

⁵⁷ Англия пригрозила бойкотировать переговоры, если Россия будет настаивать на передаче Крита Греции. См. Меморандум британского кабинета 22 марта 1829 г. АВПР, ф. Канцелярия, д. 12963.

⁵⁸ Там же. Нессельроде Ливену 23 марта 1829 г.

⁵⁹ Текст Протокола см. в кн. Ф. Ф. Мартенс. Там же, т. XI, с. 401—409.

⁶⁰ В 1832 г. Крит отошел к Египту, но в 1840 г. был возвращен Турции.

⁶¹ «Correspondence...», ч. 3, р. 118.

⁶² Ibid.

⁶³ Ibid.

выразил беспокойство по поводу негативного решения относительно Самоса и Крита⁶⁴. Каподистрия также рассчитывал на поддержку России в вопросе о выводе греческих войск из Румелии⁶⁵.

Между тем военная кампания 1829 г. на балканском фронте была успешной для России, что создавало благоприятные перспективы в отношении решения греческого вопроса. После сдачи турками крепости Силистрия (26 июня) русские войска, перейдя Балканский хребет, двигались к столице Османской империи. Лишь после падения Силистрии султанское правительство выразило готовность признать лондонский договор, но только в отношении Пелопоннеса. Россия и Франция отклонили такое предложение⁶⁶.

Овладев Адрианополем, русские прекратили дальнейшее продвижение к Константинополю. Николай I не хотел крушения Османской империи, предпочитая заключить с ней «почетный» мир. Он был подписан 14 сентября 1829 г. в Адрианополе. Под прицелом русских орудий Турция была вынуждена признать протокол 22 марта 1829 г. «Победа генерала Дибича,— писал Ливен Нессельроде,— раз и навсегда разрешила вопрос о Греции, и царь заставил Турцию согласиться с установленными им границами Греции...». Но мирный договор вызывал недовольство Англии. Премьер-министр Веллингтон, по словам русского посла, «решил обрушить свои первые удары мести на греков»⁶⁷. Прессой стало создаваться представление о России как чуть ли не о традиционном враге Великобритании.

Каподистрия, которого ознакомили с текстом русско-турецкого мирного трактата, поспешил выразить свои поздравления, заметив при этом Нессельроде, что греки не выведут войска из спорных областей Румелии, пока не будут разрешены все спорные вопросы с Турцией. Он сообщал также, что несмотря на интриги английских и французских агентов четвертое Национальное собрание на о. Аргос предоставило ему почти неограниченные полномочия для ведения переговоров с великими державами. Каподистрия решительно отклонил предложение Национального собрания назначить его пожизненным президентом Греции⁶⁸.

Одним из вопросов, которые предстояло решить в ходе этих переговоров, было избрание суверена нового государства. Еще в предшествующие годы наметилось несколько кандидатур. Среди них были Леопольд Саксен-Кобургский и Фредерик Оранский, пользовавшиеся поддержкой России. Австрия и Пруссия также выдвинули своих кандидатов, но Булгари заверил Нессельроде, что Каподистрия одобрит выбор России⁶⁹.

Правительство Николая I очень опасалось, что Национальное собрание в Аргосе выскажется за республиканскую форму правления. «С самого начала революции,— писал в связи с этим заменивший умершего Булгари граф Панин,— все греки единодушно выступали за монархическую форму правления. Однако существовало меньшинство, выступавшее против этого и пропагандировавшее демократические принципы. Как только на морских островах была захвачена власть в 1823 г., новые правители их захотели установить в Греции демократическую систему

⁶⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 897. Булгари Нессельроде 29 мая 1829 г.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 3, д. 57. Каподистрия Нессельроде 24 мая 1829 г.

⁶⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12963. Г. Гордон турецкому правительству 9 июля 1829 г. Ответ Порты от 15 августа 1829 г.

⁶⁷ Там же. Ливен Нессельроде 9 октября 1829 г.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 3, д. 57. Каподистрия Нессельроде 24 августа и 26 октября 1829 г.

⁶⁹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 287. Булгари Нессельроде 22 июня 1829 г. Некоторые представители правящих кругов Великобритании были обеспокоены заявлением президента США Джона Адамса, выразившего пожелание, чтобы Греция стала «sister republic» («*Courier*», 3 II 1824).

правления по образцу федеративной системы в США»⁷⁰. Но страхи оказались необоснованными: Национальное собрание торжественно объявило о намерении избрать суверена и положить конец губительной для Греции неопределенности.

Тем временем Лондонская конференция продолжала свою работу, учитывая при этом изменения после подписания Адрианопольского мира. Заседания происходили в атмосфере взаимного недоверия. Порта по-прежнему уклонялась от выполнения своих обещаний, утверждала, что содержание протокола 22 марта якобы противоречит лондонскому договору, пыталась усилить разногласия среди послов союзных держав, проводивших переговоры в Стамбуле⁷¹. Более того, султанское правительство снова заявило, что цели лондонского договора могут быть достигнуты путем предоставления автономии только Пелопоннесу; оно требовало пересмотра протокола 22 марта, ссылаясь на то, что в этом могут быть заинтересованы Англия и Франция.

Порта не достигла своих целей в основном из-за противодействия русской дипломатии. Но пересмотр протокола 22 марта был неизбежен как естественное следствие окончания русско-турецкой войны. Россия могла теперь более эффективно контролировать Балканы. Англия и Франция опасались, что Греция, будучи автономным, а не совершенно самостоятельным государством, окажется под русским влиянием. Сент-джеймский кабинет предложил поэтому предоставить Греции полную самостоятельность. Петербургский двор поддержал это предложение, как и кандидатуру на греческий престол Леопольда Саксен-Кобургского, выдвинутую Францией⁷², которая предложила в то же время уступить Греции о. Самос. Но по инициативе Англии Лондонская конференция решила «компенсировать» Турции утрату Греции, сократив территорию последней. По выражению Рибоьера, границы нового государства были «скарედно сжаты»⁷³.

Новая пограничная линия должна была начинаться от р. Сперхиос — южнее Волоса (включая крепости Ламия и Агринио), доходить до устья р. Ахелоус и продолжаться по ее течению (исключая большую часть западной Румелии). Было решено не позже, чем через 6 месяцев создать специальную демаркационную комиссию. Комиссия должна была строго придерживаться намеченной границы, допуская лишь незначительные изменения из-за природных условий⁷⁴.

3 февраля 1830 г. эти решения Лондонской конференции были официально подтверждены подписанием протокола. При этом Россия со своей стороны обещала Турции (чтобы ослабить ее сопротивление) снизить общую сумму контрибуции, фиксированной в мирном трактате, на одну десятую часть. Каподистрия от лица греческой стороны вынужден был признать протокол «в принципе», но выразил недовольство установленными границами и отстранением греков от участия в переговорах, столь жизненно важных для будущего их страны⁷⁵. Он возражал также против назначения правителя без всяких конституционных гарантий, а затем отметил, что решения конференции, «ультимативно навязанные Греции», повлияют на судьбы жителей Румелии, которые теперь будут вынуждены

⁷⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 893. Панин Нессельроде 21 июня 1829 г.; там же, д. 198. Панин Нессельроде 29 декабря 1829 г.

⁷¹ Там же, д. 12963. Ливен Дибичу 31 октября 1829 г.; Матушевич Нессельроде 11 ноября 1829 г.

⁷² Там же. Ливен Нессельроде 18 декабря 1829 г.

⁷³ ИРЛИ, ф. 113, л. 51.

⁷⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 12963. Ливен Нессельроде 9 октября 1829 г.

⁷⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 198, оп. 469. Панин Нессельроде 3 февраля 1830 г.; см. также «Correspondence...», ч. 3, р. 396, 364.

эмигрировать на юг, что создаст правительству страны дополнительные экономические проблемы ⁷⁶. «Из-за вынужденного переселения мир в этом районе никогда не будет установлен, — писал греческий президент Нессельроде. — Настоятельные требования западных держав сузить границы Греции свидетельствуют об их намерениях низвести ее до положения колонии, доступной только для Англии и Франции» ⁷⁷.

Нессельроде отмечал, что в отношениях с европейскими державами Россия не может переступить определенных границ, и признался, что разногласия между союзниками дважды чуть не привели к всеобщей войне. Позже, обращаясь к дипломатическим представителям союзных держав, Каподистрия заявил о невозможности претворить в жизнь условия договора до тех пор, пока Османская империя не ликвидирует свои укрепления в Аттике и на Эвбее ⁷⁸. Он написал письмо и принцу Леопольду, предупреждая о трудностях, с которыми столкнется демаркационная комиссия, и приглашая его как можно скорее приехать в Грецию ⁷⁹.

Леопольд, очевидно, понял, что греки недовольны его назначением правителем их страны, а также сужением границ нового государства, а в особенности уступкой о. Крит египтянам ⁸⁰. Раздоры по ряду второстепенных вопросов (определение северной границы, размеры займа, который собирались предоставить Греции союзники) побудили его заявить об отказе стать правителем Греции.

Русская дипломатия проявляла нейтралитет во время переговоров Леопольда с британским правительством, но она была обеспокоена его самоустранением, ибо было ясно, что Каподистрия не сможет долго продержаться у власти. Растущую в стране оппозицию его правительству активно поддерживали через своих многочисленных агентов Англия и Франция ⁸¹. После отказа Леопольда от греческого престола петербургский двор снова поддержал кандидатуру принца Фредерика Оранского, а сент-джеймский кабинет — принца Оттона Баварского. Каподистрия уклонился от выражения своего мнения по этому вопросу, ссылаясь на то, что Национальное собрание не уполномочило его на это.

Революционные события в Европе 1830—1831 гг. на время отвлекли внимание правительств великих держав от греческого вопроса, деятельность Лондонской конференции стала пассивной. Каподистрии так и не удалось добиться пересмотра вопроса о Крите, который в середине 1830 г. заняли египетские войска. Небольшой греческий гарнизон острова был вынужден вернуться в Грецию, следуя за потоком беженцев. Столь же безуспешной оказалась попытка изменить решение вопроса о Самосе ⁸². Но Каподистрия все еще надеялся добиться расширения территории Греции, используя сложную политическую обстановку в Европе. Греки задерживали свои войска в спорных областях, опираясь на негласную поддержку России. Каподистрия даже пытался договориться о покупке у Османской империи Аттики и Эвбеи, которые по протоколу греки должны были ей вернуть ⁸³.

В конце 1830 г. Лондонская конференция возобновила обсуждение вопроса о кандидатуре греческого монарха, что, по мнению России, было

⁷⁶ «Correspondence...», v. 3, p. 391.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. 5, д. 57. Каподистрия Нессельроде 11 марта 1830 г.

⁷⁸ «Correspondence...», v. 4, p. 3.

⁷⁹ Ibid., v. 3, p. 379; v. 4, p. 6, 8.

⁸⁰ Ibid., v. 4, p. 312—324.

⁸¹ ЦГАДА, ф. 3, д. 57. Каподистрия Нессельроде 7 июля 1830 г.; см. также «Correspondence...», v. 4, p. 47, 73.

⁸² «Correspondence...», v. 4, p. 43; см. также АВПР, ф. Канцелярия, д. 199. Павин Ливену 9 октября 1830 г.

⁸³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 199.

важнее вопроса о границах государства. Однако переговоры остались безрезультатными, а предложение русской дипломатии единодушно продемонстрировать поддержку правительству Каподистрии не было принято⁸⁴. В это время прибывшие в Грецию русский и английский представители демаркационной комиссии (полковник А. Скалон и подполковник Дж. Бейкер) обнаружили, что границы, установленные протоколом 3 февраля 1830 г., неприемлемы. Представитель России, благоприятствующий интересам греков, составил специальный меморандум, представленный на рассмотрение Лондонской конференции⁸⁵. Вскоре стало очевидным, что интересы поддержания мира на Балканах требуют пересмотра северной границы Греции. В феврале 1831 г. возобновилась деятельность демаркационной комиссии с участием французского представителя полковника Бартелеми. Были проведены переговоры в Афинах, в которых участвовали Каподистрия и полномочный представитель Турции Хаджи Исмаил Бей. Но соглашения не было достигнуто.

Между тем Лондонская конференция хранила молчание⁸⁶. Следствием такой неопределенности отчасти явился рост оппозиции правительству Каподистрии, стимулируемый иностранными агентами, на деятельность которых дипломатические представители Англии и Франции закрывали глаза. «Не скрою от вашего превосходительства, — писал Каподистрия новому английскому министру иностранных дел Пальмерстону, — что внутриполитическое положение Греции осложнилось и стало взрывоопасным не из-за неблагодарности или мятежного настроения греков, а в результате помощи, оказываемой иностранными представителями тем, кто затевает антиправительственные интриги»⁸⁷.

Кроме того, после июльских событий 1830 г. Франция прекратила оказывать Греции финансовую помощь, что усугубляло экономические трудности правительства Каподистрии, не пользовавшегося коллективной поддержкой со стороны держав — членов лондонского договора. Но Россия продолжала поддерживать Каподистирию, что порождало в стране, как и в Западной Европе, мнение, что греческое правительство полагается исключительно на помощь России⁸⁸. Правительство Николая I заявило о безоговорочной поддержке Каподистрии. На случай необходимости в его распоряжение предоставлялась русская эскадра, стоявшая в Эгейском море. Сложная внешнеполитическая ситуация мешала Каподистрии успешно бороться с растущей оппозицией.

За отдельными актами неповиновения последовали открытые мятежи, особенно на о. Гидра, и в некоторых частях Южного Пелопоннеса⁸⁹. Только активное вмешательство русской эскадры под командованием адмирала Р. Рикота помогло предотвратить дальнейшее распространение мятежа. Действия адмирала были одобрены царем, который выразил обеспокоенность событиями в Греции и возмущение открытой поддержкой, оказываемой оппозиции английскими и французскими дипломатическими представителями⁹⁰. Но протесты России не возымели действия. У Каподистрии не оставалось другого выхода, кроме созыва Национального собрания, хотя были опасения — их высказал новый дипломатический

⁸⁴ Там же, д. 196. Панин Нессельроде 27 декабря 1830 г.; Нессельроде Панину 17 марта 1831 г.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ «Correspondence...», т. 4, р. 189.

⁸⁷ Ibid., р. 228, 181.

⁸⁸ АВПР, ф. Канцелярия, д. 234. Рикман Нессельроде 4 июля 1828 г.

⁸⁹ «Correspondence...», т. 4, р. 246; см. также АВПР, ф. Канцелярия, д. 234. Рикман Нессельроде 15 августа 1831 г.

⁹⁰ Там же, д. 235. Нессельроде Рикману 5 июня и 6 сентября 1831 г.

представитель России в Греции П. И. Рикман — что это послужит разжиганию политических страстей⁹¹.

В это же время Каподистрия направил меморандум Лондонской конференции, в котором содержалась просьба принять, наконец, конкретное решение относительно Греции и оказать поддержку существующему в ней правительству, что необходимо для сохранения мира в стране до прибытия туда нового правителя⁹². Он также заявил, что если не получит ответа на это заявление до конца октября, то передаст всю власть Национальному собранию и покинет страну. Кроме того, Каподистрия собирался сам отправиться в Лондон, чтобы объяснить ситуацию в стране⁹³.

Между тем ноты и протесты России возымели, наконец, действие, и Лондонская конференция составила новый протокол, в котором заявлялось о поддержке греческого правительства. Было принято решение об оказании Греции финансовой помощи⁹⁴. Но эти меры оказались запоздалыми, ибо 9 октября 1831 г. Каподистрия был убит. Русские дипломаты не сомневались, что убийцы были связаны с английскими и французскими агентами⁹⁵.

Когда весть об этом печальном событии пришла в Петербург, Нессельроде написал российскому поверенному в делах в Греции: «Греция все сильнее будет ощущать невосполнимость понесенной ею утраты... Никто так глубоко, как император, не сожалеет о ней, его величество проявляет знаки искреннего сожаления, вспоминая того, кто пользовался его полным уважением»⁹⁶.

После убийства Иоанна Каподистрии греческий сенат назначил административный комитет из трех членов, председателем его стал брат покойного президента Августин Каподистрия, которого отказались признать дипломатические представители Великобритании и Франции⁹⁷. Вскоре собралось пятое Национальное собрание в Навплионе, которое, проявив полное непонимание происходящего, провозгласило конституцию и обратилось к Николаю I с просьбой поддержать избрание нового правителя «на основе принципов конституционной монархии»⁹⁸.

Правительства союзных держав не придали всему этому особого значения. Лондонская конференция, снова возобновившая свою работу, опубликовала предварительный протокол, устанавливающий северной границей Греции линию Волос — Арта. Но соглашение о кандидатуре правителя страны было достигнуто лишь после продолжительных обсуждений. Выбор остановился на шестнадцатилетнем принце Фредерике-Оттоне Баварском⁹⁹. Россия поспешно выразила свое согласие. Протокол о назначении Оттона «королем Греции» был опубликован в Лондоне 7 мая 1832 г. За ним последовал второй протокол, окончательно фиксировавший северную границу Греции, но страна должна было уплатить Порте денежную компенсацию в размере 40 млн пиастров¹⁰⁰. Заем для ее выпла-

⁹¹ Там же. Рикман Нессельроде 26 июля 1831 г.; см. также «Correspondence...», в. 4, р. 250.

⁹² «Correspondence...», в. 4, р. 271.

⁹³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 235. Рикман Нессельроде 26 июля 1831 г.; д. 234. Рикман Нессельроде 18 августа 1831 г.

⁹⁴ Там же, д. 235. Нессельроде Рикману 6 октября 1831 г.

⁹⁵ Там же. Рикман Нессельроде 23 октября 1831 г.; см. также ИРЛИ, Архив А. С. Стурдзы, ф. 288, оп. 2, № 13, 38.

⁹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 235. Нессельроде Рикману 17 ноября 1831 г.

⁹⁷ Там же. Рикман Нессельроде 18 октября 1831 г.

⁹⁸ Там же, д. 105. Декларация Национальной Ассамблеи 21 января 1832 г.

⁹⁹ «Баварский идиот», — так охарактеризовал его К. Маркс (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9. М., 1957, с. 387).

¹⁰⁰ См. текст Протокола в «Parliamentary Papers», в. 3.

ты гарантировали союзные державы. На эти условия, хотя и неохотно, Османская империя согласилась.

Между тем конфликт соперничавших политических группировок в Греции привел к открытой гражданской войне, которая продолжалась до начала 1833 г., до прибытия в страну принца Оттона — греческого короля «по воле божьей», которого сопровождали 3500 баварских солдат. Россия заявила об оказании ему и регентству полной поддержки, но при условии, что конституция, ограничивающая королевскую власть, не будет дарована грекам вообще или хотя бы в ближайшем будущем¹⁰¹.

«Одна Греция ничего не значит, а под крыльями Северного орла она приобретает вес», — писала консервативная лондонская газета незадолго до убийства Каподистрии¹⁰². Такое заключение было близко к истине: без активной поддержки России Греция, несомненно, превратилась бы в еще одно государство-протекторат, которые обеспечивали безопасность на пути из британских портов в Индию. Англия не имела намерения создать из Греции независимое государство. До последнего момента Веллингтон возражал против расширения границ Греции, так как это было невыгодно Великобритании¹⁰³. В этом состояло существование английской политики. Еще в 1824 г. английские агенты обещали оказать моральную и материальную помощь лидерам проанглийской партии, если они не допустят распространения революции за пределы Пелопоннеса. Тогда в этой области можно было бы создать административное устройство, подобное существующему на Ионических островах, находящихся под британским протекторатом. По меткому выражению Рибоьера, такой режим был «самой жестокой колониальной системой в мире»¹⁰⁴.

Решающую роль в борьбе за предоставление Греции полной самостоятельности сыграла, как мы видели, Россия. Создание Греческого государства, по мнению царского правительства, было необходимо для «умиротворения Востока», для успешного экономического развития южных районов Российской империи. Русская дипломатия считала, что Греция сможет стать независимым государством, лишь обладая безопасными границами и достаточной территорией. Греция должна была стать государством, которое благодаря процветанию своей экономики и морского дела способствовало бы расширению черноморской торговли.

Греческая революция положила начало Восточного кризиса 1820-х годов, который долгое время определял баланс сил в международных отношениях Европы и усилил соперничество между великими державами. В силу сложившихся обстоятельств Россия, Великобритания и Франция стали юридически (и фактически) «державами-покровительницами» Греции. Как уже отмечалось, такое многостороннее покровительство часто причиняло стране вред, тем не менее оно имело счастливое окончание — создание первого эллинского государства. В достижении этой цели Россия сыграла решающую и положительную роль независимо от побудительных причин, которыми руководствовалось в своей политике в греческом вопросе правительство Николая I.

¹⁰¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 105. Нессельроде Рикману № 1313 22 марта 1832 г. Первая конституция была принята в Греции в результате народных восстаний в 1841 г.

¹⁰² «The Courier», 3 IX 1831.

¹⁰³ «Mirror Grec», 10 IX 1832.

¹⁰⁴ ИРЛИ, ф. 113, л. 87.

Н. КОРЕНЕВСКАЯ

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ ДЕСАНКИ МАКСИМОВИЧ

Десанка Максимович — крупнейшее имя в сегодняшней поэзии Югославии. Из-под ее пера вышло более сорока книг. Лирика сербской поэтессы переведена на многие европейские языки. Д. Максимович — неоднократный лауреат национальных и общегославских литературных премий.

В современной литературе особую значимость приобретает представление художника о времени. В XX в. само «соотношение стиля и времени»¹ изменилось коренным образом. В частности, в поэзии столетия, обнажившего скрытые процессы истории, придающего им небывалую доселе стремительность, эта перемена сказалась весьма радикально.

В поэзии время, разумеется, присутствовало всегда: каждый поэт передает в творчестве внутреннее содержание человека того или иного, но всегда конкретного времени. Поэтический язык, образность неизбежно несли и несут в себе различные приметы и признаки эпохи, в которой творит художник. Но для поэтов нашего века, начиная, пожалуй, с Аполлинера, с его поэмы «Зона», характерны как никогда ранее активные искания путей преодоления в слове человеческого «частного», биографического времени, поиски выхода во время всеобщее, в историю². Эти искания чрезвычайно расширили границы лирического мира: собственно лирическое, личностное, субъективнейшее сопрягалось теперь с объективнейшей категорией бытия, понятой философски и исторически; выражение самоощущения человека в истории, разговор «о времени и о себе» становились стержневыми в поэтике и в творчестве многих означали приобщение лирики к эпическим масштабным пространствам, к коллизиям надличностного характера.

Для искусства социалистической ориентации тенденция новаторского воплощения времени особенно характерна. Одно из наиболее ярких и очевидных ее проявлений в поэзии — слияние лирического «я», индивидуального голоса поэта с голосом масс, соединение личного дневника с летописью народной истории, обнаруживающееся по-разному в творчестве многих художников прогрессивного мировоззрения.

«В классической литературе прошлого века, — пишет Н. В. Драгомирецкая, — время было еще скрыто в характерах, психологических

¹ Д. М. У р н о в. Слово — произведение — время. (Из опыта западноевропейской и американской литературы XX в.). В кн. Теория литературных стилей. М., 1978, с. 280.

² Г. А п о л л и н е р. Стихи. М., 1967 (Предисловие Н. И. Балашова).

процессах, вещах: „тяжесть“, „объем“, бег времени как бы накапливались внутри явлений, повышали напряженность речи, стилей, эпически раздвигали границы характеров, жанры и пр.

В произведении социалистического реализма время уже не может быть скрыто: оно не помещается внутри явлений, его выделяют, считают, смецпают, к времени писатели обращаются, делая его главным лицом произведения, произведение „нагружено“ временем, образ времени материализуется... Социалистический реализм, искусство революционной активности, преодолевает дуализм — разрыв между духовным развитием человека и развитием всех (масс), оказывается правомочным изображать бытие единым по своей природе, мерить его едиными мерами времени. Время человека как будто продолжается временем историческим, возвышающимся над ним огромной надстройкой, составляет с ним сложное живое единство»³.

Реалистическая литература Югославии XX столетия, в особенности проза, накопила в направлении освоения времени богатый и своеобразный опыт. Человеческая судьба как бы плавно переходит непосредственно в историю в полотнах И. Андрича, втянувших в себя века; предельно уплотняется, сжимается время в произведениях М. Лалича, в которых момент человеческой жизни, схваченной писателем в критической, поворотной ее точке, «раздвигается», насыщаясь живой историей народа; в романах-притчах М. Селимовича далекое от нас столетие вмещает проблемы, волнующие личность современную.

В сербской поэзии начала века это направление художнического мышления прослеживается в зрелом творчестве выдающегося лирика М. Ракича (1876—1938)⁴ (в цикле стихотворений о Косовом поле), в произведениях одного из самых талантливых представителей сербского экспрессионизма Д. Василева (1900—1924). В современной югославской лирике оно было вытеснено в последние десятилетия увлечением многих поэтов сюрреалистическими тенденциями. Сюрреализм, прочно обосновавшийся в поэзии страны в послевоенную пору, вывел на поэтическую орбиту героя вне времени и социальных обстоятельств; ощущение времени и самоощущение человека в нем заменялись по существу чувством крошечного страха перед неизбежностью конца человеческого существования. Такая тенденция оказалась живучей и не исчерпала себя и по сей день. Тем более значительно появление в литературе страны таких поэтических книг как «Прошу помилования» (1964), «Нет больше времени» (1973), «Летопись потомков Перуна» (1976) Десанки Максимович. Эти книги противопоставили модернистской тенденции изображение человека, индивидуальное бытие которого слито с бытием мира, едино с ним по своей природе.

Югославская критика, говоря о поэзии Д. Максимович последних десятилетий, неизменно подчеркивает остроту присущего поэтессе чувства времени в плане сугубо личном: мотивы быстротечности жизни, неповторимости каждого прожитого мгновения высвечиваются как основные в ее лирике последних лет. Критики, давно сошедшие на мнении о полной зависимости дарования поэтессы от «исчерпавших себя» традиционных⁵ форм поэзии, не увидели в последних ее книгах принципиально новаторских черт, характеризующих воплощение времени; между тем,

³ Н. В. Драгомирецкая. Воплощение времени. В кн. Проблемы художественной формы социалистического реализма, т. 1. М., 1971, с. 263.

⁴ Р. Ф. Дороница. Лирика Милана Ракича. В кн. Зарубежные славянские литературы. XX век. М., 1970.

⁵ Югославская критика отождествляет, как правило, понятие «традиционности» с использованием романтических и реалистических форм.

названные сборники представляют собой интересную попытку осмыслить в материале лирики накопленный мировой литературой XX в. опыт освоения времени словом.

Нам, собственно, и предстоит выяснить, как именно осуществляется «материализация» образа времени, иными словами — форма мышления художника о конечном и бесконечном, в поэтическом языке книги «Летопись потомков Перуна», самое название которой говорит о сосредоточенности ее автора на проблеме времени.

В своей книге поэтесса обращается к небольшому и очень частному отрезку национальной истории — к событиям, развернувшимся на славянском юге в 910—918 годах. Из небольшого авторского вступления, предваряющего сборник, ясно, что «летописец», по выражению соотечественника поэтессы, черногорского романиста М. Лалича, «оставляет событие историкам»: «Согласно историческим источникам, как сербским, так и хорватским, сербский жупан Захария, разбитый болгарским царем Симеоном, находит прибежище у хорватского короля Томислава, царствовавшего в первой трети десятого века. Преследуя сербов, болгарские войска вступили в Хорватию и были разбиты наголову. После войны в Хорватии возникает борьба за славянское богослужение, в то время как неретвляне только начинают принимать христианство. В этой борьбе выдвинулся Гргур Нинский, который встал на сторону народа, требовавшего богослужения на родном языке. В конце царствования Томислав получает от папы титул короля и в Дувне, вероятно, коронуется. В эпоху Томислава Хорватия была могучей державой и на суше, и на море. Поэт в своем видении прошлого опирается лишь на эти немногие факты»⁶.

Образ времени, созданный Д. Максимович в ее книге, реален постольку, поскольку точности исторических и этнографических деталей могут позавидовать историки, поскольку многочисленные герои «Летописи» — воины, владыки, провидцы, монахи, хлебопашцы, гадалки, еретики, отшельники, нищие, звездочеты — живут по законам этого далекого времени, мыслят его категориями. И образ времени условен, потому что повороты событий, отношения героев друг к другу и к происходящему не являются для автора самоцелью: все служит здесь проекции содержания на сегодняшний день, проблематика, вложенная в притчевое по форме повествование, актуальна и ныне: «братство и солидарность славянских племен в защите своей земли от чужеземных посягательств, право каждого народа на свой язык, свои обычаи, свои верования, равенство всех перед жизнью и смертью, стремление к истине и справедливости, отношение к войне как злу и насилию»⁷.

В произведении сосуществуют, сложно взаимодействуя друг с другом, несколько временных пластов. Первый — «частное», биографическое время человека с его началом и концом, с его привычными мерами — детство, юность, зрелость, старость. Человек в изображении Д. Максимович не просто смертен, но часто — поскольку речь ведется о войне — обречен. Так, например, сюжет баллады «Ворожея», одного из самых значительных антивоенных произведений поэтессы, сводится к тому, что трое юных ратников в ночь накануне братоубийственного сражения сербов с болгарями тайком покидают лагерь и отправляются к знахарке, славящейся в округе умением угадывать прошлое и предсказывать будущее. Первому колдунья предсказывает большую любовь и красивых детей, второму — нахождение клада и богатство, третьему — будущее знамени-

⁶ Д. Максимович. Избранное. М., 1977, с. 469.

⁷ Д. Максимович. Зеленый витязь. М., 1977, с. 5 (Предисловие О. Д. Кутасовой).

того полководца. Картины любви, богатства, славы написаны в предельно насыщенных тонах, с использованием традиционного фольклорного словаря, опосредованного романтическим восприятием. Тем очевиднее контрастирует с ними лаконичная концовка:

И вернулись в лагерь — как хмельные.
А убиты были на заре назавтра ⁸.

Второй временной пласт «Летописи», измеряемый качественно иными, отличными от обыденных, «человеческих», мерами — история людей. Образ времени создается в произведении сложным сопряжением двух планов — конкретно-исторического, опирающегося на действительные события прошлого, и метафорического, условно-фантастического, коренящегося в мифе, сказке, легенде.

Иво Андрич, писатель, стоящий у истоков современной литературы Югославии, писал в эссе «Разговор с Гойей», о том, что в сказках в преобразованной народным мышлением форме заключена «подлинная история человечества». Легенда, миф, как бы приоткрывая тайны своего рождения, вырастают в произведениях И. Андрича из реальной человеческой судьбы. «Первоклетки» истории, по Андричу — «легенда о первородном грехе, легенда о потоке, легенда о сыне человеческом, распятом во имя спасения мира, легенда о Прометее и похищенном огне» ⁹. Они органически входят в художественную ткань его романа «Мост на Дрине» — рассказом о небывалом разливе реки, через которую возводится мост, повествованием о страшной казни крестьянина Радисава, посаженного турками на кол, упоминанием о таинственном сиянии, которое время от времени видится жителям Вышеграда ¹⁰. Отголоски «судеб-легенд» писатель в своем произведении проносит через десятилетия и века, возвращаясь к ним вновь и вновь. Так создается образ движущегося времени, раскрытый в тесной связи с духовной жизнью народа.

Аналогичный путь избирает Д. Максимович, возводя здание своей поэмы. Но у нее, в отличие от И. Андрича, не действительное событие трансформируется в легенду, мифологизируется, а, напротив, предание как бы повторяется во множестве человеческих судеб, «низводится» в реальность, получает новую трактовку:

Бродяги пьяные с крестами на груди
на перекрестке нищего колотят,
все яростнее бьют — за каждый новый грех:
за то, что преступил все Десять заповедей божьих,
что имя Господа он всуе поминает,
то он Перуна поминает, то Велеса,
а иногда Иисуса, бога милосердья.
Прутом терновника его секут за то,
что он завет «не укради» нарушил
и отнимают хлеб,
который, мол, он под оливою нашел.
Еще за то, что дни его проходят
в безделье и скитаньях,
а потом —
за то, что дружбу водит не с поном,

⁸ Там, где не указан переводчик, перевод автора статьи.

⁹ И. Андрич. Разговор с Гойей. В кн. И. Андрич. Рассказы. Эссе. Очерки. М., 1977, с. 287.

¹⁰ И. Андрич. Травницкая хроника. М., 1975, с. 19 (Предисловие Е. Книпович).

а с голытьбой.

Ломают голени корягой узловой
за то, что не подставил левое плечо,
когда сломали правое ему.

И, наконец, других грехов не обнаружив,
сдирают с тела рваную одежду,
лохмотья, тряпки.

И, рот ему пучком травы набив,
уходят прочь, к осине прикрутив.

Шагают прочь
вдоль чахлах пив.

(«Бродяги»)

Эмоциональная сила стихотворения «Бродяги» — во встающей за его строками картине распятия, в том, что жертва преступления, совершенного именем Спасителя, отождествляется в сознании читателя с самим Христом. Образ возникает и в результате прямой параллели, и как следствие цепочки ассоциаций: он подготовлен поэтом исподволь с помощью слов «кресты на груди», «перекресток», «терновник». Ассоциации, связанные с ними, как прямые («прут терновника» — «терновый венец» — мученичество), так и опосредованные («перекресток» — «кресты на груди» — крест, распятие) и создают своего рода отражение легенды в рассказе о вполне реальном событии. Духовная история народа во всей ее сложности, неоднозначности, противоречивости встает за конкретной человеческой судьбой.

В отличие от И. Андрича, для Д. Максимович важна не иллюзия движения времени. Задача поэтессы не сводится и к исключительному воссозданию духовной атмосферы далекого X в. В материале лирики воспроецируется здесь сам образ мышления славян, которому издревле чужды идеи насилия, войны, порабощения одного народа другим, и он интересует поэтессу в той мере, в какой духовный опыт народа, его представления о добре и зле, свободе и насилии, войне и мире связуемы с сегодняшней этикой, входят в нее как одна из важнейших составляющих, как ее историческая основа. Отсюда то подчеркнутое внимание, с которым прислушиваются герои «Летописи» к «голосам предков», «голосам столетних старцев», как бы доносящимся из еще более давнего по сравнению с описываемым времени. Это не просто штрих, деталь, раскрывающая характер нравственной атмосферы той поры, но и своего рода напоминание о том, что голоса самих героев, оживляемые «летописцем», являются голосами предков для современников поэта, вид связи повествования о прошлом с настоящим.

Лирическое повествование то сосредотачивается на судьбе или раздумьях одного героя («Захватчик», «Воевода», «Видение Жупана», «Страх перед численностью вражьего войска», «Раненый на чужбине» и другие стихотворения), то раздвигает свои рамки, вмещая картины сражений, массовых перемещений народа, картины опустошения, разорения, неизбежно сопутствующие любой войне («Весть о войне», «Колокола в Нине», «Рать под звездами», «Наугад идут рашане»). Даже в тех стихотворениях, где из массы выхватывается один герой, образ народа незримо присутствует во втором плане. Этому как раз и способствуют многочисленные «пророчества», «чудеса», «видения», «сказки», вплавленные в эти картины: они служат прежде всего созданию развернутого образа народного мнения, молвы:

В эти дни всеобщего испуга
показалось парню из царской свиты,

ратными делами сытому,
 будто ветер языком человеческим
 разносит отшельничьи речи,
 что зовет он землю от войны отречься,
 а Царю гибель пророчит.
 Если бы радуга на небе разогнулась,
 а согнуться снова не сумела,
 если б разошлись навек Плеяды звезды-сестры,
 если б почернел однажды Млечный Путь,
 если б море Черное вдруг сушией обернулось,
 а Царица вдруг возьми да и роди дельфина,
 был бы парню знак несчастья меньший,
 чем язык людской,
 человеческий,
 которым говорит ветер.
 А сам — на страже. И время глухое.

(«Стражник»)

Возникает своего рода многоголосие, хор, в котором участвуют одновременно несколько поколений:

А вокруг, со всех сторон —
 и не один предок,
 а, может, целая сотня —
 бормочут в ночной тьме
 или где-то в душе Короля:
 Дай рашанам прибежище!

(«Голос предков»)

Колокола в Нине, колокола
 голосом предков говорят...

(«Нинские колокола»)

Расширился слух о пророчестве
 по всему царству,
 словно половодье страшное нахлынуло
 до самого Дуная, до самого Черного моря...

(«Слух о пророчестве»)

Каждое событие, каждое переживание героев «надстраивается», таким образом, прошлым, еще более древним, чем то, что захвачено «Летописью». За счет этих бережно воспроизводимых поэтом отголосков народной молвы, за счет постоянного присутствия в образной ткани произведения такого «эха» нравственного опыта народа лирическое повествование как бы обретает некий особый ритм, перекрывающий собственно поэтический, получает особую меру времени, оперирующую столетиями, отличную от привычных мер биографического времени человека. На первый план выдвигается идея связи времен, идея преемственности исторического и духовного опыта поколений.

Рисуя нравственную атмосферу первой трети X в., насыщенную движениями религиозного характера, поэтесса вводит в книгу ряд аллегорических персонажей — языческие и христианские божества. Это еще одно ответвление условно-метафорического плана, в котором преломляется в произведении проблематика войны и мира, она отражается в сознании народа как столкновение божеств. Не столько событийная сторона (военная хроника давнего времени), сколько противостояние язычества и христианства, сведенных «лоб ко лбу», в умах и душах многочисленных ге-

роев, определяет динамику поэмы: люди здесь действуют и размышляют о богах, боги — действуют наряду с людьми; представления народа о добре, зле, истине, справедливости, свободе, братстве высечены и как отношение реальных героев к схватке старых и новых божеств.

Наиболее противоречива, драматична в ряду условных образов-персонажей фигура Христа. Иносказание, сопряженное с нею, сложнее, разветвленное, чем аллегории, связанные с другими персонажами «божественного происхождения»: Морана — аллегория смерти, Жива и Весна — аллегории жизни и любви и т. д.

Идеи сострадания к ближнему, всеобщего равенства людей просто как людей отвоевываются в книге у христианства и показаны как идеи, гнездящиеся в глубинных пластах народного сознания, о каком бы народе и какой бы религии ни шла речь, как свод нравственных норм, искони присущих человеку и сложившихся в умах и душах в незапамятные времена.

Легенда о Христе, занимающая в книге важное место и как узел, к которому стягивается проблематика произведения, и как один из источников образности и как способ вывести тему во «всечеловечность», представлена в «Летописи» в несколько ином свете, чем во всех других произведениях Д. Максимович. От своего непосредственного предшественника, выдающегося сербского поэта-реалиста А. Шантича (1868—1924) поэтесса унаследовала своеобразный сплав идей языческого восприятия мира и постулатов христианства, который в ее поэзии раннего этапа вылился в философию лирического пантеизма, равенства всего живого, любви к каждому проявлению жизни, непротivления злу насилеи. И народный эпос сербов как яркое поэтическое воплощение языческого представления о действительности, и Библия как свод этических законов, близких духу народа, стали важными источниками идей и образов ее поэзии.

Позднее, полностью освобожденная от налета религиозности, легенда о Христе стала в поэзии Д. Максимович ярким символом страданий всех угнетенных:

Я девочкой стояла за Перуна,
за то, что ниспровергнутый он бог,
и уповала, что в весенних громах
он только мне является одной.
Но вслед за тем заметила я раны
того, кем был Перун оттерт за облака;
ран было множество, и столько крови
текло из них, с такою болью
он на меня глядел, прося помочь,
что и его ввела в свой покой,
где со страдальцами беседую во сне.

(«Ниспровергнутый бог», пер. Л. Мартынова)

В книге «Летопись потомков Перуна» симпатии автора отнюдь не на стороне христианского бога, оказавшегося по логике истории победителем. Именем Христа совершаются здесь преступления, именно Христа призывает на помощь Король накануне сражения, которое он сам считает братоубийственным, Христа благодарят обездоленные за то, что война, лишившая их крова и семьи, оставила для них на дороге корку хлеба («Бродяги», «Молитва пустытника», «Голос предков», «Король в канун битвы», «Нищие»).

В «Летописи» Иисус — не только условное действующее лицо, но и развернутая на пространстве всей книги философская аллегория, опираю-

щаяся на контраст заповеди «не убий» и известного изречения «не мир принес я вам, но меч». В противовес христианству, в язычестве высвечен прежде всего момент равенства человека с богом. Языческие боги и богини (они, кстати, смертны у Максимович — стихотворение «Кладбище старых богов»), по концепции «Летописи» — лишь самые древние в веренице предков человека:

Еретики с утра до мрака
в те нелегкие времена господни
призывали души отцов и праотцов —
от простых рыбаков и пчеловодов
до богов давнишних войн и давнего мира,
жизни и смерти.
И толковали еретики с ними,
словно боги — гости в их лачуге,
словно за одним столом они сидят.
Будто бы с Велесом стерегли когда-то стадо вместе,
а с Перуном будто бы катались в колеснице,
будто бы богиня Жива их детьми
на руках неумело качала...

(«Еретики»)

Тема ереси, начатая в книге как тема антихристианская, постепенно выходит за рамки религиозные, заданные описываемым временем, и вырастает в своего рода религию всеобщего равенства, невозможную без бунтарства, борьбы с насилием, и представленную как одно из главных завоеваний общественной и этической истории человечества.

Введение фигур христианских и языческих божеств тоже является своеобразным способом «продолжить» человека, каждого реального героя книги во времени способом, если употребить выражение М. М. Бахтина, изображения индивидуального сознания «в плоскости его обработки временем, историей». В сознание каждого персонажа «Летописи» включается таким образом и духовная атмосфера его эпохи, и нравственное наследие предшествующих столетий. Один из ярких примеров такого расширения изображения индивидуального сознания до картины времени, вместившего войну, мир, смену религий — стихотворение «Страх перед численностью вражьего войска», герой которого, недавно принявший христианство жупан Рашки, по старинке, «по-язычески» воспринимает своих новых божественных покровителей как товарищей по плугу и оружию:

Нет ведь у меня ни в ком опоры,
и оружия, и войска нет.
Если всех святых я призову на помощь,
трех десятков их не наберется.
Да и толку было бы от них немного:
Лука картины и евангелия пишет,
к оружию и битве не привычен.
А Павлу лишь бы проповеди слать,
меня он может и в лицо не знать.
А Петр — тот трижды в час лихой
от самого Христа отрекся.
Фома труслив и сомневается во всем.
С Иудею — не то что в бой —
на свадьбу не пойдешь.
И все они о ратном деле знают мало.
Вот разве у Георгия копьё

И победил он страшную змею.
 Вот разве он помочь непрочь,
 когда на Рашку двинет ворог.
 И так Жупан, перебирая их,
 добрался наконец и до Перуна,
 до полупрадеда и полубога.
 Вот это бы была подмога.

(«Страх перед численностью вражьего войска»)

Индивидуальное, «частное» человеческое время продолжено Д. Максимович не только вглубь, не только многовековым прошлым. Она включает своих героев и события, в которых они участвуют, в еще более значительный временной контекст. Внешне связь с настоящим временем или, иными словами, «открытость», «развернутость» описываемого времени в будущее осуществляется через образ «летописца», средоточие лирического начала в произведении.

«Летописец» — не маска и не одно из обличей «лирического героя», а собственно лирическое «я», сам автор, сам поэт (хотя первого лица в тексте не найти). Иной раз в повествовании мелькает, правда, высветленная на миг в толпе фигура «двойника» автора — книжника, грамотея, захваченного стремлением записать происходящее едва ли не больше, чем самим происходящим:

А в часовне рашской полуразвалившейся
 ученого застал Жупан монаха
 согбенного, как и тогда, еще до Жупанова бегства.
 В темноте густой, как тесто,
 при лучинке, что чуть больше светлячка,
 тот сидел и без передышки
 вырисовывал буквы ряд за рядом,
 на владыку не поднявши взгляда...

(«Возвращение»)

«Двойники» подчеркивают стремление поэта увидеть прошлое одновременно в нескольких ракурсах: и как бы изнутри, в соответствии с его законами, и с высоты сегодняшнего дня.

У поэта, прошедшего долгий творческий путь, у лирика, чья поэтическая манера уже вполне сложилась, сама «узнаваемость» лирического почерка, некоторая подчеркнутость поэтических принципов, их известная «остраненность» может служить своеобразным способом конкретизации авторского «я», указанием на принадлежность «лирического героя» к настоящему времени даже и тогда, когда речь ведется о прошлом.

Так, к примеру, летопись предполагает повествователя объективного, требует того бесстрастия по отношению к объекту рассказа, которое чуждо самой природе лирического дарования Д. Максимович. К фигуре бесстрастного повествователя поэта приходит через развитие одной из главных черт своего поэтического видения действительности — через своеобразное равенство создаваемого ею мира, в котором люди, цветы, пчелы, личинки, звезды существуют «как равные», одинаково достойные внимания поэта. В «Летописи» эта особенность творческой манеры поэтессы гиперболизуется, переходит из сферы конкретной образности в сферу условности: на страницах книги уживаются как равнозначные персонажи, в равной степени интересные рассказчику, боги и сверчки, короли и травы, монахи и камни, воины и созвездия. О каждом рассказана история, каждому придумана судьба:

Заялось назавтра утро, как и это,
 и на несколько мгновений
 получила глаза каждая травинка в поле,
 похожие на глаза синиц и дятлов.
 И взглянули они биллионом глаз,
 как с незапамятных времен смотреть умели
 на мир вокруг себя живой и неживой.
 И увидели Короля тем утром,
 как, задумавшись, идет Король куда-то
 без свиты, без регалий, без меча,
 как оглядывает он немое поле,
 как он, одиношенек, заходит
 в каменную гулкую молельню
 и как после спускается к морю
 по крутой тропинке,
 что тоньше веревки.
 А когда поднялось солнце,
 вновь оно травы осленило,
 и не видели они его возвращенья,
 как он шел с опущенной головою,
 как шагал по пустынной степи
 и как на лоб его легла забота,
 а на тропку — тень Велебита.
 И не видели даже священников сельских.
 И как на тракте ждала его свита.

(«Травы»)

К похожему приему прибегает в романе «Военное счастье» прозаик М. Лалич; основа стиля романа — кажущееся равное отношение героя, от лица которого ведется повествование, ко всем излагаемым событиям, заведомо не равнозначным: и гости обнаглели — из дому не выгонишь, и революционное подполье себя не оправдало, и племянники растут «не сахарные», и армию распустили... Таким образом вместе с характером главного героя — мудрого старого брюзги — создается видимость крайней субъективности повествования, имеющего, впрочем, несколько опорных моментов, в которых существо происходящего обнажено, очищено от пласта субъективного восприятия. По ним читатель легко реконструирует реальную историческую обстановку и духовную атмосферу на Балканах в начале столетия и в канун второй мировой войны. У Максимович тот же прием служит противоположной цели — создает иллюзию объективного рассказа, рисует традиционный образ беспристрастного летописца. В то же время такая гиперболизация образотворческого принципа служит и тому, что за фигурой летописца, лишённого в повествовании конкретного облика, встает вполне определенное лицо — облик самой поэтессы, говорящей с читателем своим привычным лирическим языком, от имени своего времени, своей эпохи.

Рассказчик, впрочем, постоянно подчеркивает свою принадлежность к иному по отношению к описываемому времени незаметными, едва намеченными штрихами. «В те времена стародавние», «в те лета далекие» — постоянная его приписка:

И в то далекое время господне
 должен был человек на войну собираться...
 И в те времена
 оставалась жена без мужа,
 без отца дети оставались.

(«Колокола в Нине»)

Иной раз присутствие в повествовании о прошлом наблюдателя из настоящего обнаруживается за счет вкрапления в архаизированный словарь «Летописи» лексики современной, сегодняшней:

За руки ветки ухватились,
Как и сейчас,
тишина в лесу стояла та же самая,
полная зловещего мерцанья,
будто где-то метан догорает...

(«Ночь»)

Все это — типичные внешние проявления, «обнажения» в художественной ткани произведения жанра притчи, возрождавшегося в литературе нашего столетия в недрах драмы, а в литературе Югославии — в русле эпики, в романах И. Андрича, М. Селимовича, в жанре, где повествование подчинено подтексту, осуществляется ради морали, вывода универсального, по мнению рассказчика, для всех времен и обстоятельств.

Есть в произведении и третий временной пласт, «перекрывающий» первые два — время человека, историю людей — составляющий с ними сложное единство. Носителем этого гигантского временного потока является в художественной концепции действительности, развиваемой Д. Максимович, природа.

Десанка Максимович — поэт, глубоко и тонко чувствующий природу, умеющий передать в слове ее живую многоликость, переменчивость, ее вечное движение, обновление. Дело даже не просто в том, что поэтессе, по словам Р. Ф. Дорониной, «близка природа меняющаяся, движущаяся, озаренная светом: ветер, тающий снег, весна, вода, трепещущие листья, птицы...»¹¹. Суть в том, что «движение» — универсальный образотворческий принцип поэтессы, основная, всеобъединяющая стихия ее лирики:

Двигутся путники, ветры, журчащие воды...

(«Одинокий крест», пер. Д. Петрова)

Образы Д. Максимович в большинстве своем основаны на взаимном движении уподобляемых явлений, предметов. Частный случай этого универсального образотворческого принципа — сосредоточенность поэтессы на всех переходных, переломных моментах жизни природы и человека, стремление уловить перемены настроения, пристальное внимание ко всем «вдруг», «внезапно», «мгновенно»:

Мимо проносится ветер, мой задевая стены,
на север, на юг, на запад и на восток стремясь.
Яркое солнце дождями может смениться мгновенно.
Друг мой, прости мне, милый, невинную эту измену,
друг мой, лишь лес и ветер могу я любить сейчас.
А лес погрузился зеленый внезапно во тьму, в молчанье,
И ночь погасила последний вечерний свет,
И птица незримо и тихо на ветку слетает в тумане,
И сладко теперь в долину, волнуясь, спешить на свиданье
С душистым деревом хвойным, которому тысяча лет...

(«Письма из леса», сб. «Зеленый витязь»,
1930, пер. Н. Стефаневича)

Образы Д. Максимович захватывают, как правило, действия или состояния, заведомо не статичные. Сквозной образ ее ранней лирики передает состояние, до предела насыщенное будущим движением, момент перед

¹¹ Р. Ф. Дорониной. Поэзия Десанки Максимович. В кн. Зарубежные литературы и современность. М., 1970, с. 159.

взрывом, перед внезапным, но исподволь уже подготовленным природой выходом в полнокровную жизнь, в расцвет. Внимание поэтессы приковано к тем моментам бытия природы или человека, которые обозначаются труднопереводимым сербским словом «прх», приблизительно соответствующим русскому «рывок». Отсюда — и давно подмеченная критикой приверженность поэтессы к весенней природе: весна, по-видимому, привлекает ее именно как пора таких исподволь назревавших и внезапно осуществляющихся перемен, метаморфоз. Во всяком случае, этот ключевой образ сконцентрирован в ранней лирике Д. Максимович в образах капли, которая вот-вот сорвется с ветки в струящиеся внешие воды, набухшей почки, готовой раскрыться:

Почки набухли перед рассветом,
ласточек вижу полет,
и, как горизонта просторы летом,
душа расширяется и растет...

(«Весенние стихи», сб. «Зеленый витязь»)

Милый, приди! Цветенье скрыто пока в бутоне,
под безмятежным небом ветер совсем притих...

(«Зеленый витязь»)

В зрелых произведениях Д. Максимович образ утяжеляется, насыщается земным содержанием. В нем как бы сгущен интерес поэтессы к сокровеннейшим тайнам жизни, к рождению и смерти, вечному обновлению природы. Образ обретает концепционный характер. Стихотворение «Изгнание из рая», например, является своего рода декларацией таинственной связи художника с первоосновами скрытого движения жизни. Эта связь и признается талантом:

Когда изыдут иереи и служки,
войдем сумрак, вороны и я.
Откуда-то,
с огромной картины в золотом окладе,
донесется грозный глас:
Ты камушки приподымала на дне потока,
чтобы узнать сокровенную жизнь раков,
ты в гнезда заглядывала,
когда вылупливаются птенцы,
ты пылливо разглядывала ящерицу на солнце,
рассекала животик набухшего семени,
ждала у забора суку, которой время щениться,
застигала целующихся голубей
и змей, выползающих из шкуры,
растирала в ладонях цветочную пыльцу,
наблюдала свадебный взлет поденки
и превращение в кокон шелковичных червей?
Изыди на паперть
и пребывай среди оглашенных.

(«Изгнание из рая», сб. «Пленник снов»,
1960, пер. Д. Самойлова)

Иными словами, в самом принципе «движения», основном образотворческом принципе поэтессы, в ее постоянном внимании к переломным моментам бытия, к самому процессу становления, развития, о чем бы конкретно ни шла речь, уже заложены элементы восприятия времени, точнее — намечен вектор этого восприятия: к пониманию движения как сущности времени.

В «Летописи потомков Перуна» материя во всех ее проявлениях, малых и великих, живых и неживых, одухотворенных и неодухотворенных, явилась носителем большого, «вселенского» времени. Собственно говоря, «условное равенство», о котором говорилось выше, — одна из ипостасей этого сложного и живого единства. В стихотворении «Травы», к примеру, большой, вселенский временно поток вдруг обажается в словах «И взглянули они биллионом глаз, как с незапамятных времен смотреть умели...», в других стихотворениях он дает о себе знать более откровенно, властно захватывает и человека, и историю. Движение, постоянное изменение материи становится признаком, на основе которого сравниваются и объединяются мельчайшие и необъятные части мироздания, живое и неживое в нем, человеческое и природное:

А небо над Велебитом и над Учкой Горою,
как и вечером вчера, было звездное.
Созвездия в нарядах светлых,
как и вечером вчера, рано прибыли
на августовское большое празднество.
Показались и звезды несовершеннолетние,
которые человеку лишь раз в жизни встречаются,
и планеты старше биллионов столетий.
Метеоры срывались в бездну, вниз,
чтобы никогда уже в небо не вернуться,
звезды вспыхивали и гасли, как светлячки,
клубились, крошечные, как липовая пыльца,
как позолота
с крылышка кузнечика,
густые струи Млечного Пути растекались,
летучие стаи света со всех концов
стремились к звездам-владычицам,
как пчелиный рой к ветке дуба...

(«Звездное празднество»)

Закономерен приход Десанки Максимович, одной из виднейших представительниц мировой поэзии социализма, к произведениям, в которых углубление лирического начала идет «рука об руку» с ростом эпического потенциала, со стремлением ко все более значительным масштабам охвата действительности. В основе ее сегодняшнего творчества лежит мировоззрение, позволившее поэтессе создать образ материального мира, диалектически единого в своей противоречивости, и образ человека в этом мире; позволившее передать в поэзии и глубинную историческую сущность человеческого «я», и реальные, насущные нужды современного человечества.

Смертный человек, как он предстает в лирике Д. Максимович последних десятилетий, как бы доказывает свою способность к жизни в веках, в бесконечном множестве грядущих поколений, его индивидуальное «я», его «частное» время включены в вечный поток движущейся и развивающейся материи. В этом плане, как и в плане социально-историческом, решается поэтессой проблема человеческого бессмертия.

Неправомерными кажутся частые упреки, которые делают в адрес поэтессы некоторые современные югославские критики и литературоведы, упреки в «традиционности», воспринимаемой как «камерность», а порой и «косность» поэтического мышления, не желающего расставаться с «отжившими» формами поэтического выражения. Вопрос, видимо, в том, что считать традицией и новаторством.

В книгах «Прошу помилования», «Нет больше времени», «Летопись потомков Перуна» Десанка Максимович показала себя подлинным новатором.

ром, смело сплавив традиционные для сербской поэзии способы поэтического мышления, уходящие корнями в фольклор, в эпические песни славян, словом, в глубины народного мироощущения, с формами, являющимися завоеванием литературы нашего времени — уплотнение времени, совмещение нескольких временных пластов в сложное целое, способность взглянуть на мир как бы с нескольких временных точек одновременно.

Ее понимание фольклора отличается от представлений И. Андрича, видевшего в мифах, преданиях, легендах «грезу народа о себе», и близко горьковскому пониманию сказки, согласно которому в ней «воплощена вера народа в свою мощь, бессмертие и лучшее будущее»¹².

Поэтесса переосмыслила в материале лирики опыт освоения времени, накопленный в отечественной литературе XX в. и опыт мировой поэзии. В современной югославской поэзии эта «традиционная» поэтесса первой пришла к сложному диалектическому видению времени, объединяющему «я» и мироздание, к воплощению этого единства в слове. Творчество Десанки Максимович доказывает, что путь к истинному новаторству лежит не в стороне от национальной традиции, а в умении проникнуться прогрессивным началом этой традиции, воспринять ее с позиций современности.

¹² И. Андрич. Травницкая хроника. М., 1977, с. 20 (Предисловие Е. Ф. Книпович).

Г. Я. МАРТЫНЕНКО

ГРАММАТИКО-ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ И ТИПОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ

(на материале указательных местоимений болгарского языка)

1. О субстантивной позиции болгарских указательных местоимений

Указательные местоимения болгарского языка в отличие от указательных местоимений других славянских языков обладают значительно большими функциональными возможностями. Если, например, в русском языке указательные местоимения реализуются преимущественно в атрибутивной позиции, выполняя функцию отождествления определяемого ими имени с предшествующими элементами текста, то в болгарском языке местоимения рассматриваемого типа очень часто используются в позиции субстантива, совмещая в себе функцию анафорического указания с функцией замещения.

В роли субстантивных заместителей в болгарском языке используются указательные местоимения *този* (тоя), *онзи* (оня), *такъв*, *същият* и их словоизменительные варианты по категориям рода и числа. Несколько примеров: 1. *Строежът на атомното ядро на хелий 3 се отличава от този и на обикновения хелий*; 2. *В природата условията са такива, че съществува наймалък възможен порядък както в движенията на телата, така и в тяхното распределение. Този е един от основните закони на природата*; 3. *Картината, която се получава при люминисцентната микроскопия, до известна степен наподобява онази при наблюдение в тъмно поле с обикновена светлина*; 4. *Ако такъв газ се разшири в празно пространство или в такава със съвсем малко налягане, молекулите се раздалечат*; 5. *BaSO₄ се очистива или от бариеви соли или от сулфатни такива*; 6. *Перемахването на латораста се извършва неколккратно, докато да не престанат да се явяват такива*; 7. *Затова при характеристиката на топлинния режим същият трябва да бъде разглеждан във връзката с фенофазите от живота на растението*.

Из приведенных примеров отчетливо видны формальные различия в использовании болгарских указательных местоимений в субстантивной позиции. Заместитель *такъв* может использоваться абсолютно (пример 6) или с определением, постпозитивным (пример 4) или препозитивным (пример 5). Заместитель *този* используется или абсолютно (пример 2) или с постпозитивным определением (пример 1). Заместитель *онзи* используется только с постпозитивным определением (пример 3). Заместитель *същият* используется только абсолютно (пример 7).

Автору неизвестны работы, специально посвященные субстантивному использованию болгарских указательных местоимений. Между тем, продуктивность некоторых из перечисленных выше типов замещения столь же велика, как и в ряде европейских языков с бедным именным словоизменением: английском, французском, немецком и др.

2. Об условиях, регулирующих появление в речи заместителей конкретного типа

Наиболее общее понимание комплекса условий, регулирующих появление в речи заместителей (субститутов) конкретного типа, мы находим у Л. Блумфилда¹. «Сфера действия субститута» или его «избирательная способность» по Л. Блумфилду определяется: 1) его общим значением, объем которого ограничивается значением грамматического класса слов, на который реагирует заместитель; 2) его типовым значением, отражающим «элементарные практические обстоятельства акта произнесения речевого высказывания»: отношение говорящий — слушающий, пространственная и временная удаленность, различного рода практические связи (временные, количественные, отождествляющие и т. п.). Таким образом, Л. Блумфилд, определяя избирательную способность заместителя, оперирует как грамматическими категориями (классы и подклассы слов), так и неграмматическими (в основном семантическими), объединяя последние широким понятием «элементарные практические обстоятельства».

Выявлению типовых значений (элементарных практических обстоятельств) заместителей конкретного типа и посвящено настоящее исследование. В целях обнаружения типового значения заместителя конкретного типа мы стремились во всем множестве высказываний, в которых реализуется заместитель, выявить характерный для него инвариант смысловых ситуаций, который и рассматривался как типовое значение заместителя.

3. Объект исследования

Поскольку в рамках одной работы трудно осветить все вопросы, связанные с функционированием в речи упомянутых в разделе 1 типов замещения, мы ограничимся рассмотрением высказываний, в которых заместители *този* и *такъв* реализуются в сопровождении определений: *този* — с постпозитивным определением, а *такъв* — с постпозитивным и препозитивным определениями.

Этот тип замещения получил широкое распространение в ряде европейских языков и подробно освещается в литературе, в особенности на материале английского и немецкого языков². Речь идет об английских заместителях *that* и *one*, немецких *der*, *derjenige*, *soloher*, *jener*, которые, так же как и болгарские *този* и *такъв*, выступают в сопровождении определений, как например, это имеет место в следующих английских и немецких фразах (для сравнения приведены также и примеры болгарских фраз): Planetary theory was not developed to the some degree as th a t of the Moon; There was a time when heat was supposed to be a sort of substance or fluid which flowed from a body of high temperature to o n e of lower temperature.

Der Widerstand eines Kupferdrahtes ist kleiner als d e r eines Eisendrahtes; Unter den Heute üblichen Ausführungen von Fotovielfachern fallen vor a f l e m s o l c h e mit einseitigen Elektronenoptik auf.

¹ Л. Блумфилд. Язык. М., 1968.

² Я. К. Родзиевская. О структурном замещении в немецком языке. «Иностранные языки в школе», 1968, № 4; Н. В. Варгина. Развитие субстантивного слова-заместителя в атрибутивных группах. В сб. Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л., 1967; В. М. Ариштейн. Слово-заместитель *one* в современном английском языке. Автореферат канд. дисс. Л., 1966.

Инверсната температура на хелия е по-ниска от тази на водорода; За обработка на деградирани ливади и пасища с успех могат да се използват тракторни плугове П-4-ЗОПУ или такава от типа Малцев с подсилена рамка и по-сложна конструкция.

При анализе обсъждаемого типа замещения авторы по существу не выходят за рамки избирательной способности заместителей, определяемой их общим значением. Рассматриваемый тип замещения обычно называют структурным, имея в виду тот факт, что в двух именных группах с общим ядром, тесно связанных между собой синтаксически и семантически, автоматически происходит замена ядра второй именной группы местоимением с субстантивным общим значением.

Однако совершенно очевидно, что, оставаясь на уровне общего значения заместителя, трудно ответить на вопрос: какими критериями в процессе производства речи руководствуется говорящий, отдавая предпочтение заместителю конкретного типа, например, почему носитель языка в приведенных выше английских, немецких и болгарских фразах в одном случае делает выбор в пользу *that, der, този*, а в другом — в пользу *one, solcher* и *такъв*. Ответ на этот вопрос может быть получен только путем выявления типового значения каждого заместителя или, как было сказано выше, инварианта смысловых ситуаций, в которых реализуется заместитель конкретного типа. При анализе условий реализации болгарских конкурирующих заместителей *този* и *такъв* наша задача заключается в том, чтобы, выявив типовое значение каждого заместителя, эксплицировать интуицию говорящего, который, намечая план высказывания, склоняется к выбору заместителя конкретного типа.

Прежде чем перейти к рассмотрению фактического материала, следует отметить, что острота конкурентной борьбы между заместителями *този* и *такъв* в значительной степени ослаблена тем, что заместитель *този* реализуется только с постпозитивным определением, а заместитель *такъв* безразличен к позиции определения. Это означает, что если говорящий склоняется к употреблению при заместителе постпозитивного определения, то однозначно выбирается *този*. В обратной ситуации дело обстоит сложнее: говорящий должен привлекать дополнительные признаки, чтобы сделать выбор в пользу одного из конкурирующих заместителей.

4. Метод и процедура исследования

При выявлении типового значения заместителя мы пользовались теорией поля, в основе которой лежит представление об общем признаке (отношении, смысле, значении), который обнаруживается у языковых средств различных уровней (морфологического, синтаксического, лексического), образующих поле³. Структура лингвистического поля неоднородна. В поле выделяют: 1) ядро, включающее наиболее специализированные для передачи данного значения средства, передающие его наиболее однозначно и систематически используемые; 2) периферию, состоящую из языковых средств, в которых признаки, свойственные ядру, выступают в ослабленном виде.

При исследовании структуры языковых полей часто используются статистические методы, основанные на учете продуктивности языковых

³ Теория поля и конкретные варианты ее применения рассматриваются, например, в следующих работах: В. Г. Адмони. Полевая природа частей речи (на примере числительных). В сб. Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968; М. М. Гухман. Единицы анализа словоизменительной системы и теория поля. В сб. Фонетика, фонология, грамматика. М., 1971; Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969; Г. С. Щур. Теория поля в лингвистике. М., 1974.

средств, образующих поле⁴. Эти методы позволяют формальным образом расчлениить лингвистическое поле на ряд субструктур: ядро, периферию и переходную зону⁵. Наличие переходной зоны означает, что между ядром и периферией нет ясно определенной границы.

При выявлении ситуаций, на фоне которых реализуются заместители *този* и *такъв*, автором была использована следующая процедура анализа: 1) формирование выборочной совокупности высказываний, в которых реализуются местоименные замещения обсуждаемого типа; 2) выявление типов объектов, репрезентируемых antecedентной группой и группой заместителя; 3) выявление набора языковых средств, устанавливающих отношения между antecedентной группой и группой заместителя; 4) подсчет продуктивности различных языковых средств, устанавливающих отношения между antecedентной группой и группой заместителя, и построение соответствующего ранжированного ряда; 5) расчленение ранжированного ряда на зоны продуктивности (ядро, переходная зона, периферия); 6) анализ языковых средств, реализуемых в ядре ранжированного ряда и формирования типового значения заместителя; 7) анализ степени выраженности типового значения конкретного заместителя в периферийной и переходной зонах ранжированного ряда; 8) классификация речевых конструкций, в которых реализуется конкретный заместитель, с учетом типов объектов, репрезентируемых antecedентной группой и группой заместителя и типов отношений между ними и, при необходимости, с другими именными группами; 9) сравнение лингвистических ситуаций реализации конкурирующих заместителей.

5. Структура грамматико-лексического поля реализаций заместителей *този* и *такъв* и их типовое значение

Для выявления инварианта смысловых ситуаций, на фоне которых реализуются заместители *този* и *такъв*, были исследованы две выборочные совокупности: 500 высказываний с заместителем *този* и 200 высказываний с заместителем *такъв*. Различия в объеме выборки объясняются меньшей продуктивностью заместителя *такъв*. Наблюдения показали, что высказывания с заместителями *този* и *такъв* четко разделяются на три группы в зависимости от характера соотнесенности antecedентной группы и группы заместителя со своими референтами.

Г р у п п а 1. Antecedентная группа репрезентирует один подкласс объектов данного класса, а группа заместителя — второй подкласс объектов данного класса:

отглаголни съществителни, образувани с наставка-не	{	тези, образувани с наставка -ние
		такива, образувани с наставка -ние

⁴ Г. М ю л л е р. Лингвистическая статистика и структура языковых полей. В сб. Методика преподавания языков за рубежом. М., 1967.

⁵ Г. Я. М а р т ы н е н к о. Некоторые закономерности концентрации и рассеяния элементов в лингвистических и других сложных системах. В сб. Структурная и прикладная лингвистика. Л., 1978.

Таблица 1

Частотная структура грамматико-лексического поля реализаций заместителя
този

Ранг	Грамматико-лексические средства	Частоты			
		абсолютные	относительные	накопленные абсолютные	накопленные относительные
1	частица <i>по-</i>	107	0,214	107	0,214
2	различавам се от (отличавам се от, за разлика от)	54	0,108	161	0,322
3	частица <i>най-</i>	49	0,098	210	0,420
4	союз <i>а</i>	44	0,088	254	0,508
5	сравнявам се (в сравнение с)	37	0,074	291	0,582
6	подобен на (наподобявам)	33	0,066	324	0,648
7	близък до (доближавам се до)	28	0,056	352	0,704
8	прилича на	20	0,040	372	0,744
9	еднакъв с	15	0,030	387	0,774
10	както ...така и	12	0,024	399	0,798
11	особено	10	0,020	409	0,818
12	аналогичен	10	0,020	419	0,838
13	не само ... но и	8	0,016	427	0,854
14	главен (главно)	6	0,012	433	0,866
15	съвпадам	6	0,012	439	0,878
16	основен	5	0,010	444	0,888
17	равен на (равнявам се)	4	0,008	448	0,896
18	първи (на първо място)	4	0,008	452	0,904
19	като	3	0,006	455	0,910
20	обратно	3	0,006	458	0,916
21	най-вече	3	0,006	461	0,922
22	съпоставям	2	0,004	463	0,926
23	идентичен с	2	0,004	465	0,930
24	предимно	2	0,004	467	0,934
25	отделям	2	0,004	469	0,938
26	като например	2	0,004	471	0,942
27	напротив	2	0,004	473	0,946
28	централен	1	0,002	474	0,948
29	сроден с	1	0,002	475	0,950
30	превишавам	1	0,002	476	0,952
31	надминавам	1	0,002	477	0,954
32	преобладавам	1	0,002	478	0,956
33	имам предимства пред	1	0,002	479	0,958
34	същото... както	1	0,002	480	0,960
35	не така... както	1	0,002	481	0,962
36	само	1	0,002	482	0,964
37	дори	1	0,002	483	0,966
38	извън	1	0,002	484	0,968
39	разграничавам	1	0,002	485	0,970
40	избирам от	1	0,002	486	0,972
41	заменям на	1	0,002	487	0,974
42	вместо	1	0,002	488	0,976
43	около	1	0,002	489	0,978
44	под	1	0,002	490	0,980
45	преди	1	0,002	491	0,982
46	союз <i>или</i> (уточняющий)	1	0,002	492	0,984
47	союз <i>и</i> (усилительный)	1	0,002	493	0,986
48	связка <i>съм</i>	1	0,002	494	0,988
49	както <i>и</i>	1	0,002	495	0,990
50	свързан с	1	0,002	496	0,992
51	уравновесявам	1	0,002	497	0,994
52	обмен между	1	0,002	498	0,996
53	союз <i>и</i> (соединительный)	1	0,002	499	0,998
54	маскирам	1	0,002	500	1,000

Таблица 2

Частотная структура грамматико-лексического поля реализаций заместителя такъв

Ранг	Грамматико-лексические средства	Частота			
		абсолютные	относительные	накопленные абсолютные	накопленные относительные
1	союз <i>или</i> (разделительный)	59	0,295	59	0,295
2	парный союз <i>или...или</i>	32	0,160	91	0,455
3	союз <i>както и</i> (присоединительный)	29	0,145	120	0,600
4	союз <i>и</i> (соединительный)	21	0,105	141	0,705
5	союз <i>и</i> (присоединительный)	14	0,070	155	0,775
6	парный союз <i>както...така и</i>	9	0,045	164	0,820
7	вместо	6	0,030	170	0,850
8	заменям	5	0,025	175	0,875
9	освен	4	0,020	179	0,895
10	например	4	0,020	183	0,915
11	преминавам в	3	0,015	186	0,930
12	специално	3	0,015	189	0,945
13	включително	2	0,010	191	0,955
14	в това число	2	0,010	193	0,965
15	замествам	1	0,005	194	0,970
16	тоест	1	0,005	195	0,975
17	превърщам се в	1	0,005	196	0,980
18	предимно	1	0,005	197	0,985
19	парный союз не само... но и	1	0,005	198	0,990
20	получавам се от	1	0,005	199	0,995
21	предпочитам	1	0,005	200	1,000

Г р у п п а 2. Антецедентная группа репрезентирует класс объектов, а группа заместителя — подкласс объектов данного класса:

тези, образувани с
наставка -ние
отглаголни съществителни $\left\{ \begin{array}{l} \\ \\ \\ \end{array} \right.$
такива, образувани с
наставка -ние

Г р у п п а 3. Антецедентная группа и группа заместителя репрезентируют один и тот же подкласс объектов, а название класса находит словесное выражение в предшествующем отрезке текста:

тези, образувани с наставки
-не, -ние, -еж, -итба и др.
отглаголни съществителни $\left\{ \begin{array}{l} \\ \\ \\ \end{array} \right.$
такива, образувани с наставки
-не, -ние, -еж, -итба и др.

В рамках перечисленных трех групп нами были исследованы языковые средства, с помощью которых выражаются смысловые отношения между группой антецедента и группой заместителя. Языковые средства (грамматические и лексические), имеющие различное материальное выражение, были упорядочены по частоте их реализации в текстах. При этом однокоренные образования (лексические и синтаксические дериваты) считались одной единицей. Полученные данные сведены в табл. 1 и 2, а соответствующие им графики рангового распределения показаны на рис. 1 и 2. На графиках выделены условные границы между субструктурами грамматико-лексических полей: ядром, переходной зоной и периферией. Для расчленения грамматико-лексических полей на автономные фрагменты использована процедура, описанная в ранее цитированной работе автора.

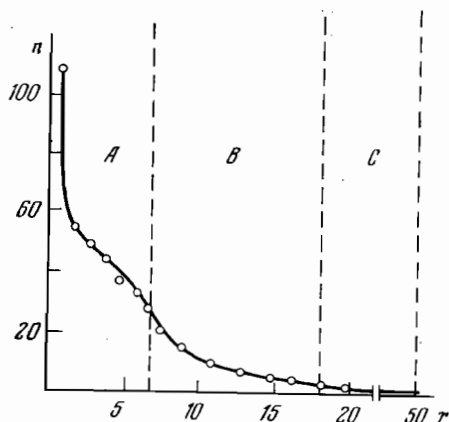

Рис. 1

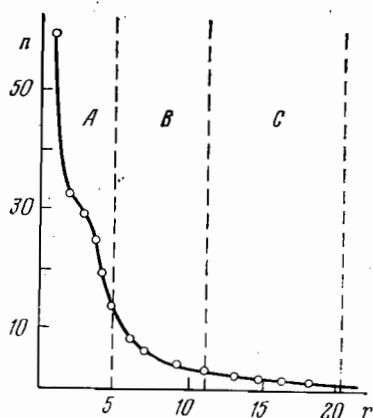

Рис. 2

Рис. 1. Ранговое распределение языковых средств в поле реализаций заместителя *този*, r — ранг, n — частота, A — ядро, B — переходная зона, C — периферия.

Рис. 2. Ранговое распределение языковых средств в поле реализаций заместителя *такъв*. r — ранг, n — частота, A — ядро, B — переходная зона, C — периферия.

Из табл. 1 и 2 и рис. 1 и 2 видно, что ядра смысловых ситуаций, на фоне которых реализуются заместители *този* и *такъв*, состоят из крайне ограниченного набора языковых средств: семи наименований для заместителя *този*, составляющих более 70% от всех реализаций, и пяти наименований для заместителя *такъв*, на которые падает около 77% всех реализаций. Грамматико-лексическое ядро реализаций заместителя *този* включает наиболее специализированные средства со сравнительным значением (аффиксы степеней сравнения, союз «а», наиболее частотные сравнительные слова), а также ряд лексем, передающих отношения сходства и различия (*различавам се от, подобен на, близък до*). Грамматико-лексическое ядро реализаций заместителя *такъв* имеет принципиально иной состав. Здесь прочно обосновалась группа сочинительных союзов (*или, и, както и*), передающих соединительные, разделительные и присоединительные отношения.

Итак, грамматико-лексические средства двух ядер резко контрастируют друг с другом. Если в ядре реализаций заместителя *този* между объектами одного класса маркируются уподобляюще-различительные отношения, то в поле реализаций заместителя *такъв* маркируются конъюнктивно-дизъюнктивные отношения. Другими словами, заместитель *този* реагирует на перераспределение общего признака между объектами одного класса, а заместитель *такъв* такой реакции не проявляет.

Установленные типовые значения двух заместителей достаточно четко просматриваются и в переходных зонах ранжированных рядов. Так, переходную зону поля реализаций заместителя *този*, состоящую из 11 языковых средств, на которые падает около 20% всех реализаций, образуют глаголы и предикативы со значением подобия-различия (*прилича на, еднакъв с, аналогичен на, съпадам с, равен на*), парные сравнительные союзы *както ... так и, не само...но и*, а также слова с градационным значением (*особено, главен, първи*). В переходной зоне поля реализаций заместителя *такъв*, состоящей из 6 наименований языковых средств, на которые приходится около 15% всех реализаций, конъюнктивно-дизъюнктивные отношения представлены парным союзом *както...така и*, предложением *вместо* и глаголами *заменям* и *превърщам се*. Интересно отметить, что языковые средства переходной зоны совместно с языковыми средствами

ядра для обоих заместителей дают более 90% всех реализаций, т. е. оба грамматико-лексических поля отличаются очень высокой степенью концентрации смысловой информации.

Что касается периферии обсуждаемых грамматико-лексических полей, то в обоих случаях она крайне пестра по своему составу и малопродуктивна. Однако и здесь присутствуют языковые средства с достаточно четким уподобляюще-различительным или конъюнктивно-дисъюнктивным значением. Так, периферия лексико-грамматического поля заместителя *този* содержит слова со сравнительным значением (глагол *съпоставям*, союз *като*), градационными словами (*най-вече*, *предимно*), противительными (*обратно*, *напротив*), уподобляющими (*идентичен с*, *сроден с*), глаголами со значением качественного преобладания (*превишавам*, *надминавам*, *преобладавам*) и некоторыми другими. Аналогичная ситуация наблюдается и на периферии поля реализаций заместителя *такъв*. Однако в обоих полях периферия содержит ряд языковых средств, в которых только при внимательном анализе контекста (что, конечно, не исключает субъективизма) с большим трудом можно уловить некоторые оттенки уподобляюще-различительных или конъюнктивно-дисъюнктивных отношений.

Из сказанного видно, что в обоих грамматико-лексических полях типовое значение заместителей *този* и *такъв* вычлениваются достаточно четко не только в ядре, но и в переходной зоне и отчасти в периферии. Это, по-видимому, вызвано тем, что при формировании ранжированных рядов был использован только частотный принцип без учета других существенных признаков (степень специализации, степень однозначности), на основании которых можно построить грамматико-лексическое поле.

Это заставило нас прибегнуть к вторичной группировке лексико-грамматических средств путем их объединения в семантические классы, в которых уподобляюще-различительные и конъюнктивно-дисъюнктивные отношения комбинируются с другими смысловыми значениями. В этих группировках мы учитывали степень выраженности типовых смысловых ситуаций в конкретных высказываниях, а также характер соотношенности antecedентной группы и группы заместителя с объектами, между которыми установлены уподобляюще-различительные или конъюнктивно-дисъюнктивные отношения.

6. Семантическая классификация конструкций с заместителем *този*

К л а с с А. Уподобляюще-различительные отношения устанавливаются между двумя подклассами объектов, с одним из которых соотносится группа antecedента, а с другим группа заместителя. В рамках класса А в зависимости от языкового способа выражения уподобляюще-различительных отношений выделяется несколько типов конструкций.

Тип А₁. Уподобляюще-различительные отношения устанавливаются с помощью глаголов и предикативов, значение которых варьирует от полного равенства общего признака у объектов одного класса до крайней степени различия: *различавам (отличавам) се от*, *за разлика от*, *подобен на (наподобявам)*, *прилича на*, *равен (равнявам се) на*, *изравнявам се с*, *еднакъв с*, *съпадам с*, *близък до (доближавам се до)*, *аналогичен на*, *идентичен с*, *сроден с*, *превишавам*, *надминавам* и др. Ср.: *Процесите на втвърдяване при цимента са подобни на тези при втвърдяване на алабастръра; Месото на домашните зайци е различно от това на дивите зайци; Средства за борба при крушата са до голяма степен еднакви с тези при ябълката.*

Этот тип конструкций составляет около 36% от всех реализаций заместителя *този*.

Тип А₂. Уподобляюще-различительные отношения устанавливаются с помощью грамматических форм и слов (служебных и знаменательных) со значением сравнения. К этому типу относятся сравнительная степень прилагательных и наречий, сравнительные союзы, одиночные (*като, както*) и парные (*както...така и, не само...но и*), а также глаголы *сравнявам, съпоставям* (включая, конечно, и их дериваты) и отыменный предлог *в сравнение с*. Ср. *Инверсната температура на теля е по-ниска от т а з и на водорода; Тази методика също предвижда сравняване данните от паспорта с т е з и от стандарта; Преки повреди от топлината са незначителни в сравнение с т е з и, причинени от студа; ... при свръхниски температури полупроводниците притежават топлопроводност, която е като т а з и на изолаторите; Както всяка резилба, така и т а з и на корените трябва да се извърши с остър инструмент.*

Этот тип конструкций составляет около 33% от всех реализаций.

Тип А₃. Уподобляюще-различительные отношения устанавливаются с помощью сопоставительно-противительных союзов *а, напротив, обратно* в симметричных конструкциях, состоящих или из двух предложений в составе сложносочиненного, или из двух самостоятельных предложений: *Според изчисленията топлоемността на ионите и атомите се намалява много, а т а з и на електроните се намалява бавно; Децата с добро общо състояние не се нуждаят от предоперативна подготовка. Напротив, т е з и с лошо общо състояние подлежат на обстойна предоперативна подготовка.*

Продуктивность этого типа составляет около 11% от суммарной.

Редкие типы. В некоторых случаях для установления между объектами одного класса уподобляюще-различительных отношений привлекаются языковые средства, с большим трудом поддающиеся систематизации. Приведем несколько примеров с комментариями.

Болните плодове започват да зреят и опадат обикновено 10—20 дни преди т е з и от здравните дървета. В этом предложении отношение различия отчетливо создается временным предлогом *преди*, синонимичным наречию *рано* в сравнительной степени.

Както уранът, така и торият се съдържат във всички скални породи, като количество на тория към т о в а на урана обикновено се отнася както 1 : 3 и 1 : 4. Значение различия в этом предложении создается указанием на количественное соотношение сопоставляемых объектов.

Филтрирането на майша с филтър-преса има редица предимства пред т о в а с обикновен филтрационен апарат. Отношение различия между двумя объектами в этом предложении выражено совершенно отчетливо и в комментариях не нуждается.

К л а с с В. Между классом объектов, репрезентируемых группой антецедента и подклассом объектов, репрезентируемым группой заместителя, устанавливаются выделительно-различительные отношения.

Тип В₁. Антецедентная группа вводится предлогами с выделительным значением, а значение различия создается с помощью сказуемого, в роли которого выступают или в состав которого входят прилагательные (наречия) в сравнительной и превосходной степени, а также глаголы со значением преобладания, предпочтения, выбора: *При смесен тип нафтенно-парафинови въглеводороди т е з и с разклонена парафинова верига имат по-добри детонационни свойства; От растителни белтъчини най-външоценни са т е з и на дрождите; Сред ранените със закрит пневмоторакс преобладават т е з и с рани от курушум, малък отломък и курушум.*

Тип В₂. Отношение различия создается с помощью слов, совмещающих выделительное значение с градационным (*особено, предимно, главно, най-много, най-вече, на първо място* и др.), а иногда с помощью усилительных частиц. С помощью этих слов вводятся присоединительные конструкции:

...по-малките деца, особено т е з и под 4 години, доказана, че са привързани здраво към конкретното; Основното предимство на маспектралния анализ е, че чрез него може да се изследва елементарният състав на твърдите материали, и то предимно на т е з и с много висока чистота в твърде широк диапазон; Намят сюжет и преобладаващата част от баладите, дори и т е з и, които имат определен епически елемент...

Тип В₃. Отношение различия устанавлявається с помощью прилагателных и наречий в сравнительной и превосходной степени, а также с помощью градационно-выделительных слов (особенно, предимно и др.), реализуемых во втором из двух контактирующих самостоятельных предложений; Всички примеси понижават силно качеството на медта... Особено опасни са т е з и, които образуват с медта твърд разтвор — никел, арсен, антимон; Използваните апарати за лабораторна, полупроизводствена и производствена непрекъсната ферментация на пивната мъст са различнообразни по конструкции. Повечето от тях са батерии от херметично затваряни съдове и действуват на принципа на хетерогенно-непрекъсната ферментация. По-малко са т е з и, които се основават на полунепрекъснатия и хомогенно-непрекъснатия метод.

Суммарная продуктивность трех типов, выделенных в классе В, составляет около 8% от всех реализаций.

К л а с с С. Антецедентная группа и группа заместителя репрезентируют один и тот же объект данного класса. В этом случае между этим объектом и объектом того же класса, упомянутым в предшествующем отрезке текста, устанавляваются выделительно-различительные отношения.

Тип С₁. К этому типу относятся фразы с именным составным сказуемым, в роли которого выступает группа заместителя, а в роли субъекта — группа антецедента. Эти фразы представляют собой дефиниции через ближайший род и видовое отличие. Значение отличия создается языковыми средствами, употребленными в составе постпозитивного определения при заместителе. Например: В зависимост от височината на ствола овощните дървета биват: храстовидни, нискостъбълни и високостъбълни. Храстовидни овощни дървета са т е з и, които имат един ствол и височината му не надвишава 30—40 см. В приведенном отрезке текста производится классификация плодовых деревьев по высоте ствола. В предложении, в котором реализован заместитель този с постпозитивным определением, последнее содержит указание на длину ствола, отличную от длины ствола деревьев других типов.

Тип С₂. К этому типу относятся высказывания, которые могут рассматриваться по отношению к высказываниям типа С₁ как обращенные: в роли субъекта здесь выступает группа заместителя, а в роли сказуемого — группа антецедента. Отношение различия в этих высказываниях создается с помощью сравнительной и превосходной степеней прилагательных, а также с помощью градационно-выделительных слов, реализованных в составе группы антецедента. Например: Най-качествени масла са т е з и, които имат полегата вискозитетно-температурна крива; Първият учебник по аналитична химия, написан научно-теоретично, е т о з и на Бьоргер; Много важен въпрос е т о з и за честота на обновяването.

Суммарная продуктивность двух типов класса С составляет около 6% от всех реализаций.

7. Семантическая классификация конструкций с заместителем такъв

К л а с с А. Конъюнктивно-дизъюнктивные отношения устанавляваются между двумя подклассами объектов, с одним из которых соотносится группа антецедента, а с другим — группа заместителя.

Тип А₁. Конъюнктивно-дизъюнктивные отношения устанавливаются с помощью сочинительных союзов *и, или, както и*: *При стрития, вече изсушен прах, ще се получат сложни кристали, които се състоят от частички на BaSO₄ и такива на KMnO₄. Възможността за обособяване проявяват предимно предлогов ковени допълнения или такива от смесен тип; Срещат се малки, трудно напипващи се туморчета, както и големи такива, изпълващи коремна празнина и притискащи дори съответния бял дроб.*

Продуктивность этого типа составляет более 74% от всех реализаций.

Тип А₂. С помощью союза *и* с присоединительным значением между объектами одного класса устанавливается конъюнктивное отношение. Этот тип реализуется как в составе одного предложения (простого или сложного), так и в двух контактирующих самостоятельных предложениях: *Освен данните във връзка с пораженията на атомните бомби в Хиросима, Нагазак и свързани с тях заболявания от миелоидна левкемия съществуват и такива, които говорят за левкемия след прилагане на рентгенотерапия при различни заболявания; В тези случаи е много трудно да се определи дали се касае за чисто таракална рана с абдоминални симптоми или едновременно с повредата на гърдите има такава и на абдоминалните органи; Разпространените у нас тракторни сенокосачки са предимно със странично разположение на режещия апарат. Напоследък се внедряват и такива с предно разположение на хидравлично устройство и ножове.*

Продуктивность этого типа составляет около 7% от всех реализаций.

Тип А₃. С помощью слов с исключительным значением (*вместо, заменяя на, замествам, преминавам в и т. п.*) между объектами одного класса устанавливаются дизъюнктивные отношения: *След като се наложи теорията на електролитна дисоциация, даде се идеята вместо чрез целостни химически уравнения химичният процес да се изразява чрез йонни такива; ...стабилните за високо температура срастъчни конгломерати преминават в такива, стабилни за обикновена температура; Трудността не е там, че ще трябва да се заменят досега употребяваните медни жици с такива на свърхпроводник.*

Продуктивность этого типа составляет около 8% от всех реализаций.

К л а с с В. Между классом объектов, репрезентируемых группой антецедента, и подклассом объектов, репрезентируемых группой заместителя, устанавливаются конъюнктивно-выделительные отношения с помощью слов *например, специално, в това число, включително* и т. п.: *Поради тези причини би трябвало финозърнести утайки, например такива, които могат да се използват само за разделяне на веществата; Резултатите от обучението се проявиха при избора на всички цветови обекти, включително такива като жълтия и оранжевия.*

Продуктивность этого типа составляет около 6% всех реализаций.

К л а с с С. Антецедентная группа и группа заместителя репрезентируют один и тот же объект данного класса. Здесь между этим объектом и объектом класса, упомянутым в предшествующем отрезке текста, устанавливаются выделительно-конъюнктивные отношения. Для этого используются уточняющие конструкции, вводимые пояснительными словами или просто примыкающие к группе антецедента. Например: *Освен това между семената на бобовите треви се срещат известен процент твърди семена, т. е. такива, които не покъхват едновременно с другите; Тук ще бъде направен преглед на някои страни на тази проблема — такива, които имат специално място при перспективно планиране.*

Продуктивность этого класса составляет около 2% от всех реализаций.

8. Область нейтрализации выбора заместителей *този* и *такъв*

В разделе 7 мы описали наиболее типичные конструкции, в которых реализуются заместители *този* и *такъв*. Однако следует иметь в виду, что некоторые из этих конструкций совмещают в себе и уподобляюще-различительные и конъюнктивно-дизъюнктивные отношения. Это в ряде случаев затрудняет выбор конкретного типа местоименного замещения. К числу языковых средств с таким «двойственным» значением относятся, например, союзы пропорционального сравнения *както...така и*, *не само...но и*, союз *както и*, дизъюнктивные лексемы, в семантике которых содержится смысловая компонента предпочтения (*заменям, вместо*) и некоторые другие.

В текстовых примерах, приведенных ниже, вместо фактически употребленных заместителей без ущерба для смысла сообщения вполне можно употребить конкурирующие варианты (*този* вместо *такъв* и наоборот): *Особено отчетливо приспособяване към смяната на външните условия се наблюдава при растенията от умерената зона, както и при тези от граниещите с нея зони; При най-благоприятните условия за правилен растеж на матерна луга фактически се получават както еднакво построени кристали така и т а к и в а, които в цялата си вътрешност са хомогенно развити; Беше вече посочено, че за линейни кораби се предпочитат т а к и в а с висока скорост*. Выбор конкретного типа замещения в перечисленных примерах зависит от того, какой семантической альтернативе отдаст предпочтение говорящий в зависимости от цели высказывания.

Неопределенность выбора конкретного заместителя возникает также и тогда, когда высказывание не содержит ни одного из установленных нами конкурирующих смыслов или содержит их в неявном виде. Приведем несколько примеров:

Понякога в началото коремните симптоми са маскирани от т е з и на дишателни органи; Изключително важен от практическа гледна точка въпрос е процесът на приспособяване на международни цени към т е з и, които биха били сметени за правилни; Стабилизирането на съответните съставни части на срастъчния конгломерат настъпва чрез вграждане на съответните перманганати в т е з и, непритежаващи типичен кристален строеж.

Если в двух первых примерах с некоторыми усилиями можно увидеть уподобляюще-различительное значение (то, что симптомы одной болезни маскируют симптомы другой, говорит о том, что эти симптомы сходны; то, что один вид цен приспособляется к другому, говорит о стирании различий между ними), то в последнем примере это значение отсутствует. Это означает, что в трех последних высказываниях (особенно в последнем) заместитель *този* можно заменить на заместитель *такъв*: после такой замены эти высказывания не будут казаться ущербными ни в смысловом, ни в стилистическом отношении.

Итак, несмотря на то, что каждый из конкурирующих заместителей имеет индивидуальное смысловое поле реализаций, эти поля имеют область пересечения, в которой происходит нейтрализация уподобляюще-различительных и конъюнктивно-дизъюнктивных отношений.

Сообщения

М. Н. БОБРИК

БОРЬБА ПНР ЗА СОЗЫВ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО СОВЕЩАНИЯ (1964—1972)

После окончания второй мировой войны реакционные силы США, Англии и других капиталистических государств развязали «холодную войну» против СССР и стран народной демократии. Одним из важнейших вопросов мирного сосуществования народов земного шара стала проблема мира и безопасности народов в Европе. Советский Союз и другие социалистические страны, являясь поборниками мира и дружбы между народами, выступили с инициативой ослабления международной напряженности, создания системы коллективной безопасности и настойчиво боролись за созыв общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству народов Европы. Активное участие в этом деле приняла Польская Народная Республика. Выступая вместе с другими социалистическими странами, проводя миролюбивую политику на международной арене и в своих отношениях с капиталистическими государствами, ПНР горячо поддерживала советскую инициативу о заключении общеевропейского договора о коллективной безопасности, проект которого был внесен правительством СССР на Берлинском совещании министров иностранных дел четырех великих держав (25 I — 18 II 1954 г.). Проект договора предусматривал устранение опасности образования в Европе враждующих военно-политических группировок¹. 9 марта 1954 г. польское правительство заявило, что предложенный «договор положил бы конец пагубной для дела мира антиевропейской политике раздела Европы на противостоящие друг другу группировки государств»². В своем заявлении от 16 ноября 1954 г. оно решительно поддержало предложение СССР о созыве общеевропейского совещания по коллективной безопасности³.

Состоявшееся 29 ноября — 2 декабря 1954 г. в Москве совещание представителей социалистических стран по обеспечению мира и безопасности на Европейском континенте осудило лондонские и парижские соглашения, предусматривавшие ремилитаризацию Западной Германии и включение ее в НАТО⁴. В связи с ратификацией парижских соглашений Варшавское совещание социалистических государств приняло меры для обеспечения безопасности социалистического содружества и сохранения мира в Европе. 14 мая 1955 г. участники совещания подписали Договор о друж-

¹ «Правда», 1954, 11 февраля.

² «Правда», 1954, 12 марта.

³ «Известия», 1954, 17 ноября.

⁴ «Правда», 1954, 3 декабря.

бе, сотрудничестве и взаимной помощи, ставший важным фактором общеевропейской безопасности⁵.

На заседании Политического Консультативного Комитета (ПКК) государств-участников Варшавского Договора (27—28 января 1956 г., Прага) была подчеркнута необходимость ослабления международной напряженности и упрочения мира и безопасности в Европе⁶. Вместе с другими социалистическими странами Польша выступила за заключение пакта о ненападении между участниками Варшавского Договора и государствами-участниками Североатлантического пакта⁷. 2 октября 1957 г. на XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел ПНР А. Рапацкий внес предложение о создании безъядерной зоны в Центральной Европе⁸. Это предложение было развернуто в меморандуме польского правительства от 14 февраля 1958 г.⁹ Участники совещания ПКК Варшавского Договора (май, 1958 г., Москва) дали высокую оценку инициативе ПНР¹⁰.

Придавая большое значение вопросу создания безъядерной зоны в Центральной Европе, ПНР в 1963 г. выдвинула предложение о «замораживании ядерных и термоядерных вооружений». Эта идея была ею развита и конкретизирована в 1964 г.¹¹

Однако все инициативы стран социализма, направленные на создание системы безопасности в Европе и смягчение напряженности, были торпедированы Западом.

К середине 1960-х годов наметилась новая тенденция в развитии международных отношений. Крах атомной монополии США, кризис политики с «позиции силы», с одной стороны, рост военной мощи и обороноспособности социалистических стран, их определяющее влияние на мировые события, с другой, стали показывать, что проходят времена «холодной войны». Правящие круги Запада стали все больше понимать неизбежность в век ядерно-ракетной техники мирного сосуществования государств с различным социальным строем¹².

Появилась возможность решения насущной проблемы современности: подведения итогов второй мировой войны и создания системы коллективной безопасности, установления прочного мира на Европейском континенте. 14 декабря 1964 г. Польша с трибуны ООН обратилась с предложением о созыве общеевропейской конференции. На XIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел ПНР А. Рапацкий заявил: «Мы глубоко убеждены, что если бы все те, кто выступает за мир и независимость народов, а также все здравомыслящие люди в Европе и Соединенных Штатах своевременно оценили сегодняшнюю ситуацию, то можно было остановить опасную цепную реакцию, выражающуюся в международной напряженности, актах насилия и гонке вооружений, и положить начало цепной реакции разрядки, соглашений и разоружения... Мы также считаем, что настало время рассмотреть всю совокупность проблемы безопасности Европы. Мы должны изучить возможность созыва по этому вопросу конференции всех европейских государств ко-

⁵ «Организация Варшавского Договора. 1955—1975. Документы и материалы». М., 1975, с. 5—10.

⁶ Там же, с. 12—19.

⁷ Там же, с. 21—41.

⁸ «Plan Rapackiego. Dokumenty i materiały». Warszawa, 1959, s. 3—4.

⁹ Ibid., s. 5—9.

¹⁰ «Организация Варшавского Договора...», с. 29.

¹¹ «Konferencja w sprawie bezpieczeństwa i współpracy w Europie» (далее — «Konferencja»). Warszawa, 1973, s. 21, 114.

¹² Г. Шахназаров. К проблеме соотношения сил в мире. «Коммунист», 1974, № 3, с. 80.

нечно с участием Советского Союза и Соединенных Штатов. Такая конференция могла бы быть подготовлена, если это будет признано целесообразным, представителями организации Варшавского Договора и организации Североатлантического пакта и, возможно, если бы этого пожелали, представителями европейских государств, не входящих ни в одну из этих группировок»¹³.

Инициатива ПНР была поддержана другими социалистическими странами. В коммюнике о заседании ПКК от 20 января 1965 г. указывалось: «Поддерживая инициативу Польской Народной Республики, Политический Консультативный Комитет обращается с предложением созвать совещание европейских государств для обсуждения мер, обеспечивающих коллективную безопасность в Европе»¹⁴. Выступая 8 апреля 1965 г. на митинге в Варшаве, Л. И. Брежнев подчеркивал: «Широко известна инициатива Польской Народной Республики, выступившей за замораживание ядерных вооружений в Центральной Европе, за создание там безатомной зоны, за созыв совещания европейских государств для обсуждения мер, обеспечивающих коллективную безопасность в Европе»¹⁵.

Официальным днем рождения идеи созыва общеевропейского совещания может считаться 5 июля 1966 г., когда в Бухаресте на совещании ПКК Варшавского Договора была принята «Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе»¹⁶. Изучив внимательно создавшуюся ситуацию, участники совещания «пришли к выводу, что в Европе, где почти половину государств составляют социалистические, существует возможность предотвратить нежелательное развитие событий. Совместными усилиями европейских государств, всех общественных сил, выступающих за мир, — независимо от их идеологических воззрений, религиозных и иных убеждений, — проблема европейской безопасности может быть решена»¹⁷. В декларации подчеркивалось стремление миролюбивых сил Европы — европейских социалистических стран, рабочего класса западноевропейских государств и его передовых отрядов, прогрессивных демократических организаций и движения сторонников мира к решению этого вопроса. Поэтому все европейские правительства должны осознать свою ответственность перед народами и предпринять шаги в целях достижения разрядки в Европе¹⁸.

Со своей стороны страны Варшавского Договора предлагали конкретную программу действий: установление добрососедских отношений; рассмотрение вопроса существования военно-политических союзов (страны Варшавского Договора готовы были упразднить свою организацию одновременно с ликвидацией НАТО); принятие мер по частичному разоружению; недопущение ФРГ к ядерному оружию; признание принципа нерушимости существующих границ; мирное урегулирование германского вопроса путем признания двух германских государств¹⁹. Учитывались предложения по безопасности и разоружению в Европе, выдвигавшиеся прогрессивными силами, общественными деятелями, правительствами социалистических и капиталистических стран²⁰.

В бухарестской декларации страны социализма впервые выступили с коллективной инициативой созыва общеевропейского совещания по без-

¹³ «Konferencja», s. 25—26.

¹⁴ «Организация Варшавского Договора...», с. 79.

¹⁵ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1973, с. 113.

¹⁶ А. Валентинов. Европа на новых рубежах. М., 1976, с. 7.

¹⁷ «Организация Варшавского Договора...», с. 87.

¹⁸ Там же, с. 87, 89—90.

¹⁹ Там же, с. 90—94.

²⁰ Л. Н. Анисимов, В. К. Мазуров. Европа и безопасность. Минск, 1976, с. 246.

опасности и сотрудничеству в Европе. Созыв такого совещания рассматривался ими как путь создания в Европе системы коллективной безопасности, что явилось бы «крупной вехой в современной истории Европы»²¹. Так как совещание должно было рассмотреть всю совокупность проблем обеспечения мира и безопасности в Европе, то закономерно, что вопрос о его созыве оказался в фокусе развития европейской политики.

Совещание коммунистических и рабочих партий Европы в Карловых Варах в заявлении «За мир и безопасность в Европе» (от 26 апреля 1967 г.) подчеркнуло конструктивный характер идеи созыва совещания и поддержало эту идею. В заявлении Совещания содержался призыв к социалистическим, социал-демократическим и христианским партиям, к реалистически мыслящим буржуазным политическим и общественным деятелям, к профсоюзам Европы и всем миролюбивым силам объединиться в своих странах и в масштабах всего континента для развертывания непосредственных действий за коллективную безопасность, всемерно поддерживать идею о созыве общеевропейской конференции²².

Дальнейшее развитие идея созыва общеевропейского совещания получила в «Обращении государств-участников Варшавского Договора ко всем европейским странам», принятом на совещании ПКК в Будапеште 17 марта 1969 г. В этом документе страны Варшавского Договора обратились с призывом перейти от общих заявлений о мире к конкретным действиям и мерам по разрядке и разоружению, к развитию сотрудничества между народами. «Практическим шагом в направлении укрепления европейской безопасности, — отмечалось в Обращении, — была бы скорейшая встреча представителей всех заинтересованных европейских государств для установления по взаимному согласию как порядка созыва совещания, так и определения вопросов его повестки дня»²³. В Обращении указывалось, что одной из основных предпосылок обеспечения европейской безопасности является нерушимость границ, признание ГДР и ФРГ, отказ ФРГ от владения ядерным оружием, особый статус Западного Берлина²⁴.

Большое внимание вопросу создания системы коллективной безопасности в Европе уделило и Международное совещание коммунистических и рабочих партий (Москва, 1969 г.). Оно рассматривало создание этой системы как главную гарантию безопасности каждой европейской страны и важное условие их прогрессивного развития²⁵.

На Пражском совещании министров иностранных дел стран Варшавского Договора (30—31 октября 1969 г.) от имени своих правительств министры предложили рассмотреть в качестве повестки дня общеевропейского совещания два вопроса:

1. Об обеспечении европейской безопасности и об отказе от применения силы или угрозы ее применения во взаимных отношениях между государствами в Европе.

2. О расширении торговых, экономических и научно-технических связей на равноправных началах, направленных на развитие политического сотрудничества между европейскими государствами²⁶.

Представители ПНР в выступлениях с трибуны ООН и на встречах с представителями западноевропейских государств уделяли большое

²¹ «Организация Варшавского Договора...», с. 95.

²² «Конференция европейских коммунистических и рабочих партий по вопросам безопасности в Европе. Карловы Вары, 24—26 апреля 1967 года», М., 1967, с. 220—232.

²³ «Организация Варшавского Договора...», с. 113.

²⁴ Там же.

²⁵ «Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.», М., 1969, с. 250-255.

²⁶ «Организация Варшавского Договора...», с. 116.

внимание вопросу общеевропейского совещания, популяризировали идею его созыва. На XXI сессии ООН заместитель министра иностранных дел ПНР Ю. Виневич 10 октября 1966 г. говорил: «Хорошо и тщательно подготовленная европейская конференция должна сконцентрировать свое внимание прежде всего на всестороннем обсуждении проблем безопасности. Достигнутое соглашение на конференции могло бы между прочим найти свое выражение в декларации о сотрудничестве в целях поддержания и укрепления европейской безопасности»²⁷. По мнению польского делегата, наряду с политическими проблемами следовало бы рассмотреть на конференции и вопросы международного экономического, научно-технического и культурного сотрудничества²⁸. Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе явилась бы этапом создания системы коллективной безопасности, полностью отвечающей принципам Устава ООН. Подготовка к совещанию должна была проводиться в несколько этапов и в течение ряда лет. В своей речи в Политическом комитете ООН Ю. Виневич подчеркнул обязанность всех государств вносить свой конструктивный вклад в формирование международных отношений, проявлять инициативу в деле созыва совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе²⁹.

На XXIV сессии ООН в 1969 г. польская делегация выразила свою готовность продолжать переговоры с представителями других европейских государств по вопросам, связанным с этим совещанием, а также представила рекомендации по договору о коллективной безопасности и сотрудничеству в Европе. Министр иностранных дел ПНР С. Ендрыховский заявил, что позитивные изменения многостороннего характера следует подготовить путем билетарных дискуссий³⁰. Именно этот путь достижения цели активно использовался польской дипломатией.

Со второй половины 60-х годов усиленно развивались контакты Польши с западноевропейскими государствами. Обмен мнениями по вопросу об общеевропейской конференции подготовлял почву для конкретных усилий в ее проведении, увеличивал число ее сторонников. В польско-английском коммюнике о визите министра иностранных дел Великобритании М. Стюарта в Польшу в 1965 г. отмечалось: «Обе стороны, уделяя много внимания вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, признали, что созыв общеевропейской конференции по безопасности и сотрудничеству после тщательной подготовки и при благоприятных обстоятельствах был бы полезен... Согласовано, что каждая сторона в дальнейшем будет изучать эти проблемы, беря во внимание точку зрения, выраженную другой стороной»³¹.

В совместном коммюнике о визите министра иностранных дел ПНР А. Рапацкого в Швецию в 1966 г. говорилось, что «... министры обсудили вопрос о проведении международной конференции по безопасности и экономическому сотрудничеству в Европе. Они единодушно подтвердили, что такая конференция была бы полезна. Она должна быть тщательно подготовлена...»³².

Развивая отношения с капиталистическими странами, ПНР содействовала улучшению политического климата на Европейском континенте³³.

²⁷ «Konferencja», s. 57.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid., s. 120.

³⁰ Ibid., c. 113—115.

³¹ Ibid., s. 29.

³² Ibid., s. 36.

³³ Б. И. Поклад. Народная Польша и европейская безопасность. «Новая и новейшая история», 1978, № 3, с. 9.

В 1966 г. ею было подписано соглашение с Францией о культурном и научно-техническом сотрудничестве. В польско-французской декларации от 12 сентября 1967 г. указывалось, что Польша и Франция жизненно заинтересованы в согласованном решении проблемы общеевропейской безопасности при уважении принципов национального суверенитета, территориальной целостности, неприменения силы во взаимных отношениях и невмешательства во внутренние дела какого-либо государства. «Обе стороны признают, что все более широкое стремление в европейских странах к развитию взаимных политических, экономических, культурных, технических и научных отношений подтверждает рост осознания тех связей, которые объединяют народы Европы. Обе стороны согласны, что необходимо поддерживать развитие такого сотрудничества между всеми странами континента»³⁴.

Идея совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе полностью соответствовала духу времени, насущным потребностям народов Европы. Она нашла широкую поддержку в общественном мнении европейских стран. Но иным было отношение официальных кругов НАТО к предложению стран социализма. Сессия Совета НАТО в Люксембурге (июнь, 1967 г.) «просто замолчала предложения стран Варшавского Договора», последующие же сессии: брюссельская (декабрь, 1967 г.) и рейкьявикская (июнь, 1968 г.) «не могли оставить их без внимания. Учитывая стремление европейской общественности к разрядке напряженности, рейкьявикская сессия НАТО высказалась в пользу нормализации отношений в Европе. Вместе с тем, она призвала к „сохранению эффективной мощи“ НАТО»³⁵. Одновременно в качестве основного дискутируемого вопроса в переговорах Восток—Запад предлагалось «взаимное сбалансированное сокращение вооруженных сил». Такое ограничение, отрыв от других политических проблем нормализации отношений были не логичными с точки зрения интересов европейской безопасности³⁶. Наряду со скептическим отношением к созыву конференции правящие круги Запада выдвигали требования поставить идею конференции в зависимость от решения ряда европейских проблем, например, от вопросов разоружения, германской проблемы и др. Однако они не могли больше игнорировать предложения социалистических государств и требования миролюбивой общественности своих стран. Канцлер ФРГ 18 марта 1969 г. заявил, что он одобряет идею совещания, которое должно быть хорошо подготовлено. Лейбористское правительство Англии и французское правительство заняли примерно аналогичную позицию. США, проявляя сдержанность, открыто не выступали против идеи совещания. На Вашингтонской сессии Совета НАТО в апреле 1969 г. западные державы вынуждены были заявить о готовности к поискам соглашений по проблемам европейской безопасности³⁷.

Идея совещания была положительно воспринята малыми европейскими странами. 23—24 апреля 1969 г. в Копенгагене состоялась встреча министров иностранных дел Финляндии, Дании, Исландии, Норвегии и Швеции, на которой указывалось, что конференция должна быть «организована с гарантией на положительные итоги и чтобы все государства получили возможность участвовать в дискуссиях и в достижении соглашений». 5 мая 1969 г. правительство Финляндии обратилось к европейским странам, США и Канаде с предложением принять участие в обще-

³⁴ «Konferencja», s. 74.

³⁵ «Социализм и европейская безопасность». М., 1977, с. 269.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 270—271.

европейском совещании³⁸. Оно выразило готовность содействовать подготовке и проведению такого совещания, высоко оценив предложение государств социалистического содружества о его созыве³⁹.

Предложенная на Пражском совещании министров иностранных дел социалистических стран повестка дня общеевропейской конференции обсуждалась на брюссельской (декабрь, 1969 г.) и римской (май, 1970 г.) сессиях Совета НАТО. Не имея возможности выступить открыто против проведения совещания, его противники попытались выдвинуть ряд новых предложений и поставить созыв совещания в зависимость от их осуществления⁴⁰. Часть противников созыва общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству заявляла, что выдвинутые на совещании в Праге вопросы имеют слишком абстрактный характер, другие, наоборот, говорили о слишком конкретном характере пражских предложений и требовали постановки более общих и широких проблем. В действительности эти вопросы были достаточно широки, чтобы обсудить главную проблему — обеспечения европейской безопасности, и в то же время достаточно конкретны, чтобы можно было принять определенные решения, способные приблизить к этой цели.

В процессе подготовки совещания был обсужден вопрос о составе возможных участников и принято предложение социалистических стран о том, что в совещании должны принять участие все заинтересованные европейские государства, в том числе ГДР и ФРГ. В ходе дискуссии были высказаны пожелания и предложения со стороны многих государств.

В меморандуме, принятом на совещании министров иностранных дел стран-участниц Варшавского Договора (21—22 июня 1970 г., Будапешт) содержались новые конструктивные предложения, учитывающие многие пожелания западноевропейских стран. Повестку дня конференции предлагалось дополнить еще одним пунктом: «О создании на общеевропейском совещании органа по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе», кроме того, обсудить в рамках второго пункта повестки дня вопросы окружающей среды и развития культурных связей, а также рассмотреть вопрос о сокращении иностранных вооруженных сил на территории европейских государств⁴¹. Страны социализма вновь показали свою готовность искать взаимоприемлемые решения и учитывать любые пожелания, если они направлены на содействие созыву совещания.

Важным событием, ускорившим созыв общеевропейского совещания, было подписание 12 августа 1970 г. советско-западногерманского договора, подтверждающего status quo в Европе, т. е. нерушимость европейских границ, и содержащего положение об отказе от применения силы или угрозы ее применения. Договором были созданы дополнительные гарантии безопасности для социалистических стран, в том числе для ПНР и ГДР. 15 октября 1970 г. было подписано польско-западногерманское соглашение о торговле, экономическом и научно-техническом сотрудничестве. В договоре от 7 декабря 1970 г. ПНР и ФРГ признали нерушимость границ в Европе и территориальную целостность, суверенитет всех европейских государств, рассматривая это как основное условие прочного мира на континенте. В нем указывалось, что обе стороны признают западную границу Польши в соответствии с решениями Потсдамской конференции от 2 августа 1945 г. и обязуются сейчас и в будущем неукоснительно соблюдать эту границу. ФРГ и ПНР заявили, что не имеют и не будут иметь в будущем никаких территориальных притязаний друг к другу. Тем самым

³⁸ Там же, с. 271.

³⁹ «Известия», 1969, 8 мая.

⁴⁰ «Социализм и европейская безопасность», с. 272.

⁴¹ «Организация Варшавского Договора...», с. 127.

устранялись препятствия нормализации отношений между Польшей и ФРГ. Вторая статья договора обязывала обе стороны руководствоваться в своих взаимоотношениях, а также в вопросах безопасности Европы целями и принципами Устава ООН. Третья статья определяла дальнейшие шаги в деле нормализации отношений на основе договора. В четвертой статье подчеркивалось, что договор не затрагивает ранее заключенных договоров и соглашений⁴².

Договор между ФРГ и ПНР явился большим успехом польской внешней политики. Договоры между СССР и ФРГ и между ПНР и ФРГ послужили делу разрядки напряженности, явились успехом совместных усилий стран социализма, ускорили созыв общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству. Подписание этих договоров позволило продолжить диалог между Востоком и Западом. ПНР тесно связывала проблему европейской безопасности с упрочением мира во всем мире. Министр иностранных дел ПНР С. Ендрыховский, выступая 16 октября 1970 г. на XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отмечал: «Шаги по укреплению международной безопасности должны носить общий характер. Об их результатах в глобальном масштабе можно судить по стабилизации процесса разрядки в региональном масштабе... Это наша точка зрения на дело укрепления европейской безопасности. Речь идет не только о судьбе народов Европы, но и о вкладе Европы в дело мира во всем мире»⁴³. На заседании Политического комитета ООН польский представитель Э. Кулага подчеркивал также связь между региональной и общемировой безопасностью, что соответствовало принципам Устава ООН⁴⁴. Из этой связи вытекала необходимость приглашения США и Канады на общеевропейское совещание. Социалистические государства сочли целесообразным пригласить на совещание по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки, кроме европейских государств, также США и Канаду.

Важное значение имело бы совещание и для развития экономических взаимоотношений между Востоком—Западом. Заместитель министра иностранных дел ПНР Ю. Виневич на сессии Европейской Экономической Комиссии (ЕЭК) 16 апреля 1970 г. говорил: «...если экономическое сотрудничество между Восточной и Западной Европой должно иметь значительно больший размах, то обе стороны обязаны принять соответствующие политические решения. Форумом для принятия этих решений может быть именно европейская конференция по безопасности и сотрудничеству»⁴⁵. Обсуждение экономических, научных и технических проблем показало их взаимосвязь с общеевропейской безопасностью и необходимостью их включения в повестку дня совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

К 1 октября 1970 г. правительство Финляндии получило ответы от 27 стран, высказавшихся за созыв общеевропейского совещания⁴⁶. 25 ноября 1970 г. финское правительство направило 33 европейским государствам, а также США и Канаде памятную записку с предложением провести в Хельсинки предварительные консультации глав дипломатических представительств об организации совещания. 2 декабря 1970 г. в Берлине страны Варшавского Договора на совещании ПКК приветствовали инициативу правительства Финляндии и выразили готовность принять участие в этих встречах. На совещании был выработан новый документ «За-

⁴² «Правда», 1970, 8 декабря.

⁴³ «Trybuna ludu», 17 X 1970.

⁴⁴ «Konferencja», s. 186.

⁴⁵ Ibid., s. 153—154.

⁴⁶ «Социализм и европейская безопасность...», с. 271.

явление по вопросам укрепления безопасности и развития мирного сотрудничества в Европе». В нем подчеркивалось, что благодаря подготовительной работе уже созданы предпосылки для созыва общеевропейского совещания: выявились в общих чертах повестка дня и состав участников, выработана широкая основа для взаимного понимания и достижения позитивных результатов конференции; предлагалось перейти от двусторонних переговоров к многосторонним консультациям всех заинтересованных государств. Социалистические страны выразили готовность принять участие в многосторонней подготовительной встрече, которую правительство Финляндии предложило провести в Хельсинки. Вместе с тем, отмечая понимание значения для европейской безопасности признания послевоенных границ в Европе со стороны реалистически мыслящих буржуазных деятелей Запада, Берлинское совещание подчеркнуло, что созрели условия для политического урегулирования других проблем, в частности справедливого решения вопроса Западного Берлина⁴⁷.

В декабре 1970 г. в Брюсселе проходила сессия Совета НАТО, на которой была признана актуальной инициатива социалистических стран о проведении многосторонних консультаций по подготовке конференции или серии конференций по безопасности и сотрудничеству в Европе. Вместе с тем руководство НАТО поставило начало подготовки совещания в прямую зависимость от исхода четырехсторонних переговоров по вопросу о Западном Берлине. Это была откровенная попытка, как говорится, «поставить телегу впереди лошади», одновременно затянуть решение сразу двух проблем. Противники совещания выдвигали еще одно предварительное условие — требовали, чтобы социалистические страны согласились на неограниченное расширение обмена идеями, людьми, информацией. Еще одним из множеств подобных надуманных условий было выдвигаемое некоторыми деятелями Запада требование признания социалистическими странами «Общего рынка» с его наднациональными органами. В рядах противников совещания были атлантисты (сторонники так называемой «атлантической солидарности»), реваншисты и неонацисты в ФРГ, крайне правые силы США, пекинские пропагандисты⁴⁸.

1971 г. ознаменовался новым мощным импульсом дальнейшей борьбы за мир и безопасность в Европе, который дали съезды коммунистических и рабочих партий стран социалистического содружества, прошедшие в этот год. XXIV съезд КПСС принял «комплексную программу конкретных мер, рассчитанных на активное содействие коренному улучшению политического климата в мире, перестройке всей системы международных отношений в интересах утверждения на земле действительно прочного и справедливого мира для многих поколений людей»⁴⁹.

Много внимания вопросу общеевропейской безопасности уделил VI съезд ПОРП, состоявшийся в декабре 1971 г. На съезде была принята специальная резолюция по вопросу безопасности и сотрудничества в Европе, подтверждавшая решительное стремление Польши к строительству европейской безопасности, сотрудничеству и мирному сосуществованию народов Европы. В резолюции указывалось: «Наша партия вместе с другими коммунистическими партиями, народная Польша вместе с другими социалистическими странами, в первую очередь в дружбе, союзе и сотрудничестве со Страной Советов сделает все, чтобы успешное и мирное развитие Европы стало действительностью. Для достижения этой цели мы будем

⁴⁷ «Организация Варшавского Договора...», с. 131—132.¹

⁴⁸ А. Валентинов. Там же, с. 10—11; «Социализм и европейская безопасность», с. 274.

⁴⁹ А. Громыко. Программа мира в действии. «Коммунист», 1975, № 14, с. 4—5.

сотрудничать со всеми миролюбивыми силами и со всеми государствами, которые разделяют нашу заботу о будущем Европы и готовы совместно с нами строить прочный мир, безопасность и сотрудничество на нашем континенте»⁵⁰.

На совещании министров иностранных дел стран Варшавского Договора в Бухаресте 18—19 февраля 1971 г. социалистические государства призвали «не затягивать переход к этой новой и более активной фазе подготовки общеевропейского совещания», к многосторонним встречам. Ее участники высказались за активизацию подготовки к общеевропейской конференции путем многосторонних подготовительных консультаций⁵¹.

Несмотря на все маневры противников разрядки, постепенно шло сближение точек зрения по важным проблемам европейской безопасности⁵². Всякого рода «аргументы» и «предварительные условия» резко сокращались. На брюссельской сессии Совета НАТО в декабре 1971 г. большая группа стран (Франция, Дания, Норвегия и др.) высказались за подготовку совещания без каких-либо предварительных условий. Сессия НАТО постановила, что страны Североатлантического союза будут контактировать с финским правительством по вопросу конференции.

Последовательно проводя конструктивную политику на созыв совещания, страны-участницы Варшавского Договора в январе 1972 г. в Праге приняли «Декларацию о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе», в которой изложили комплекс принципов европейской безопасности: нерушимость существующих в Европе границ, неприменение силы, мирное сосуществование государств с различными социальными системами, добрососедские отношения и сотрудничество в интересах мира, взаимовыгодные экономические, научно-технические, культурные, туристические связи, а также сотрудничество в области охраны окружающей среды, разоружение, поддержка ООН⁵³. В этом документе был обобщен «опыт борьбы за создание системы европейской безопасности», а также учтены «реалистические предложения государств и общественности Западной Европы»⁵⁴. Декларация явилась «как бы звеном, замыкающим фазу теоретической подготовки к конференции»⁵⁵. Декларация не только выработала логическую систему принципов европейской безопасности, но и указала пути и средства их реализации посредством хорошей и быстрой подготовки и проведения конференции, которая могла бы определить настоящий перелом в европейских международных отношениях⁵⁶.

Подписание четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, ратификация договоров ФРГ — СССР и ФРГ — ПНР, подписание советско-американского соглашения об ограничении стратегического оружия создали более благоприятную обстановку для проведения совещания. Соглашение по Западному Берлину между четырьмя государствами выбивало из рук противников последний аргумент возражения против созыва совещания⁵⁷.

Нормализации международных отношений в Европе способствовали двусторонние соглашения Польши с западными государствами: польско-бельгийская декларация о дружбе и сотрудничестве (12—14 февраля

⁵⁰ «VI съезд ПОРП. 6—11 декабря 1971 г. Основные материалы и документы». М., 1972, с. 289.

⁵¹ «Организация Варшавского Договора...», с. 139—142.

⁵² «Социализм и европейская безопасность», с. 275.

⁵³ «Организация Варшавского Договора...», с. 148—156.

⁵⁴ «Социализм и европейская безопасность», с. 276.

⁵⁵ «Konferencja», s. 23.

⁵⁶ M. Dobroselski. Źródła i geneza Konferencji w sprawie bezpieczeństwa i współpracy w Europie. «Sprawy międzynarodowe», 1975, № 1, s. 18.

⁵⁷ «Konferencja», s. 23; M. Dobroselski. Ibid., s. 17.

1972 г.), польско-американская консульская конвенция (31 мая 1972 г.), торговый договор между ПНР и Швецией (25 октября 1972 г.), декларация о дружбе и сотрудничестве между ПНР и Францией (декабрь, 1972 г.). Обсуждение вопроса созыва и подготовки совещания во время двусторонних встреч стимулировало борьбу за его созыв.

В сентябре 1972 г. Финляндия обратилась к европейским государствам, США и Канаде с предложением начать многосторонние подготовительные консультации 22 ноября 1972 г. в Хельсинки. Таким образом, дело созыва общеевропейского совещания значительно продвинулось вперед и перешло в русло конкретных практических мер. В этом большая заслуга социалистических стран, последовательно стремившихся к созданию прочного мира и безопасности, взаимовыгодного сотрудничества всех европейских государств. ПНР внесла в это общее дело свой весомый вклад, активно участвуя в разработке идеи общеевропейского совещания и в практической подготовке его проведения. Она принимала участие в проведении коллективной политики странами-участницами Варшавского Договора, развивала двусторонние связи с западноевропейскими государствами, боролась за решение германского вопроса. Выказав свое соображение относительно характера будущей конференции (апрель, 1971 г.), ПНР приняла финское предложение о проведении конференции в Хельсинки. По ее мнению, в совещании должны были принять участие все европейские государства, США и Канада, а его повестка дня должна была максимально способствовать успеху общего дела. ПНР полагала, что уже созрели условия для перехода к многосторонним консультациям⁵⁸.

Выступая во время визита в Польшу, Генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм 6 июля 1972 г. говорил: «Мы помним, что именно ваш народ, что Польша первой предложила укреплять европейское сотрудничество, образовать безъядерные зоны в Европе и, наконец, европейскую систему безопасности.

То, о чем когда-то мечтали, стало сейчас близким к осуществлению. Благодаря договорам между Польшей и ФРГ, а также между Советским Союзом и ФРГ, благодаря соглашению ОСВ, были созданы основы для созыва европейской конференции.

Итак, я считаю, что достигли мы многого за последние два десятилетия, и Польша содействовала решающим образом такому развитию событий»⁵⁹.

Внешнеполитическая активность Советского Союза, ПНР и других социалистических государств явилась определяющим фактором, приведшим к утверждению выдвинутой странами социализма идеи о необходимости мирного сотрудничества между государствами независимо от их устройства, необходимости перехода от конфронтации и «холодной войны» к переговорам. Начиная со второй половины 1960-х годов, осуществление идеи созыва общеевропейского совещания было одним из главных направлений во внешней политике СССР и ПНР. Практическое осуществление этой идеи прошло несколько этапов: от выработки общих принципов созыва совещания (вторая половина 1950-х годов — 1960-е годы) до проведения предварительных консультаций (1970—1972). Заключенные в эти годы двусторонние договоры между социалистическими государствами и странами Запада послужили важной предпосылкой успешного решения многих послевоенных проблем на Европейском континенте, оставшихся в наследство от второй мировой войны.

⁵⁸ «Konferencja», s. 161—164.

⁵⁹ Ibid., s. 307.

Из истории славяноведения

М. Ю. ДОСТАЛЬ

И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ КАК СЛАВИСТ (1812—1880)

21 февраля 1980 г. исполнилось 100 лет со дня смерти замечательного русского ученого Измаила Ивановича Срезневского. Диапазон его научных интересов был чрезвычайно широк: филология, этнография, фольклористика, история, статистика, палеография, археография и др. И в каждой из этих отраслей знания ученый оставил свой неизгладимый след. В данной статье главное внимание будет уделено вопросу о вкладе И. И. Срезневского в отечественное славяноведение¹.

Детские и юношеские годы будущего ученого прошли в Харькове. Он родился в 1812 г. в семье профессора русской словесности, преподававшего в Харьковском университете. Здесь же в 1826—1829 гг. учился и сам И. И. Срезневский на этико-политическом (юридическом) отделении философского факультета. Затем он несколько лет служил в Харьковском дворянском депутатском собрании, совестном суде, библиотеке.

Харьков в те годы был важным центром общественного и культурного движения на Украине. С юношеских лет Срезневский был тесно связан со многими видными деятелями украинской и русской литературы и науки, активно включился в национально-культурное движение украинской интеллигенции, возглавив кружок харьковских литераторов-романтиков.

Прогрессивное значение имели усилия Срезневского привлечь внимание образованного русского и украинского общества к украинской старине, песням и думам, показать красоты украинского языка и литературы и тем самым утвердить их право на самостоятельное существование. Большой гражданской смелостью в условиях николаевской реакции отличалось выступление Срезневского в печати в защиту «самобытности» украинского языка и литературы².

Значительным для своего времени был вклад Срезневского в изучение истории Украины, ее этнографии и фольклора. Проживая в качестве домашнего учителя в имении Подольских у днепровских порогов, Срезневский одним из первых на Украине стал собирать и записывать украинские народные песни и думы и издал их в шести книгах под общим названием «Запорожская старина» (1833—1838), сопроводив собственным комментарием и извлечениями из украинских летописей. Выход в свет «Запорожской старины» был одобрительно встречен прогрессивными деятелями украинской и русской культуры, ведь главной темой опубликованных

¹ Основная литература о И. И. Срезневском указана в ст. С. Б. Бернштейн, М. Ю. Досталь. И. И. Срезневский. В кн. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979, с. 320—321.

² И. И. Срезневский. Взгляд на памятники украинской народной словесности. Письмо к профессору И. М. Снегиреву. Уч. зап. имп. Московского университета, 1834, ч. 6, № 4, с. 134.

дум была борьба украинского народа против иноземных поработителей (татарских, польских, шведских), а также освободительная война за воссоединение с Россией. Сборник стал заметным явлением в культурной жизни Украины 30-х годов XIX в. В 70-е годы представители украинской историографии Н. И. Костомаров, В. Б. Антонович, М. П. Драгоманов, исследуя украинские народные песни и думы, пришли к выводу о фальсификации некоторых из них в сборнике «Запорожская старина». Это мнение утвердилось в последующей историографии. В настоящее время современные украинские ученые нашли новые факты, подтверждающие подлинно народное происхождение произведений, помещенных в сборнике И. И. Срезневского³.

История героической борьбы украинского казачества против иноземных захватчиков в XIV—XVIII вв. нашла свое отражение и в книге И. И. Срезневского «Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины» (1839) и в ряде его статей⁴.

Одновременно Срезневский продолжал изучать право. В 1837 г. он защитил магистерскую диссертацию «О сущности и содержании теории в науках политических» и в том же году получил должность адъюнкт-профессора по кафедре политической экономии и статистики Харьковского университета. Его лекции пользовались большим успехом у студентов. В 1838 г. Срезневский подготовил докторскую диссертацию «Опыт о предмете и элементах статистики и политэкономии сравнительно», которая однако из-за необычности взглядов не была допущена к защите университетским Советом⁵.

Научные работы Срезневского 30-х годов показывают, что большое влияние на формирование основ научного мировоззрения молодого ученого оказали труды немецких философов-идеалистов Гердера, Гегеля, Канта, Шеллинга, их идеи о диалектике поступательного развития природы и общества, о просвещении как основном двигателе исторического прогресса, а также идеи романтизма, культ народности во всех ее проявлениях, распространенные среди харьковских литераторов, в научной литературе того времени. Его общественно-политические взгляды тех лет противоречиво сочетали сочувствие к положению простого народа, вообще малых народов «не получивших великого имени государственных», с верой в «просвещенного» монарха, который якобы покровительствует развитию науки и культуры в России⁶.

Наряду с изучением украинской старины и занятиями юриспруденцией Срезневский в 30-е годы проявляет интерес к славистике, сделавшей к этому времени в России и славянских странах определенные успехи. Срезневский изучает славянские языки, польские и чешские хроники, знакомится с трудами видных славянских ученых (например, с «Историей славянских законодательств» В. Мацеёвского, «Славянскими древностями» П. Шафарика) и т. п. Первым опытом его работы в качестве собирателя

³ О. С. Романец. Чи фальсифікат «Запорожская старина»? «Народна творчість та етнографія», 1967, № 1, с. 24—39; А. В. Крюков, В. Г. Сарбей. Ще раз про «Запорожскую старину» І. І. Срезневського. «Народна творчість та етнографія», 1978, № 6, с. 47—58.

⁴ Подробнее см. А. В. Крюков. И. И. Срезневский как историк. Автореферат канд. дисс. Киев, 1977, с. 14—15.

⁵ Подробнее см. Н. К. Дружинин. Русские статистики первой половины XIX века о содержании статистики как науки. В кн.: Очерки по истории статистики в СССР. М., 1957, т. 2, с. 10; М. В. Птуха. Очерки по истории статистики в СССР. М., 1959, т. 2, с. 382—397.

⁶ М. Ю. Досталь. И. И. Срезневский и его роль в развитии русско-чешских научных и культурных связей в 40—70-е годы XIX в. Автореферат канд. дисс. М., 1977, с. 6.

народных песен стал сборник «Словацкие песни», изданный в 1832 г. Эти песни ученый записал сам у словацких торговцев мелким товаром, доходивших до Харькова. Сборник был замечен современниками. Вероятно, «Словацкие песни» послужили А. С. Пушкину одним из источников при создании «Песен западных славян»⁷.

Открытая в Харьковском университете по уставу 1835 г. кафедра «истории и литературы славянских наречий» была предложена Срезневскому. Для получения славянского образования он был послан в научную командировку в славянские земли. Срезневский долго колебался в окончательном выборе профессии и только неудача с защитой докторской диссертации побудила его дать согласие на командировку.

Путешествие в славянские земли стало важным рубежом в становлении И. И. Срезневского как слависта. Он получил возможность консультироваться по различным вопросам славяноведения, учиться методам работы у виднейших славянских ученых — П. Й. Шафарика, В. С. Караджича, Е. Копитара и др., изучать основы сравнительно-исторического языкознания у его основоположников Ф. Боппа и Ф. Потта, пользоваться богатыми собраниями библиотек крупных научных центров Европы: Праги, Вены, Берлина и др. За три года Срезневскому удалось посетить почти все славянские земли (за исключением Болгарии, Боснии и Герцеговины), практически овладеть славянскими языками и собрать материал по славянскому фольклору, этнографии, диалектологии, археологии и т. п., необходимый для дальнейших исследований в области славистики. Кроме того Срезневский знакомился с культурной жизнью и литературой зарубежных славян, изучал и собирал древние славянские рукописи, участвовал в археологических раскопках. Срезневский лично познакомился и вступил в переписку с виднейшими представителями славянской научной интеллигенции (среди них П. Й. Шафарик, Я. Коллар, В. Ганка, Ф. Л. Челаковский, В. С. Караджич, Л. Штур, С. Враз и др.), во многом содействуя расширению и укреплению русско-славянских научных и культурных связей.

После возвращения в Харьков Срезневский начинает преподавать славистику в университете. В 40-е годы он читает курсы: «Энциклопедическое введение в изучение славянства», «Западные славяне южной отрасли», «Западные славяне северной отрасли». Лекции имели филолого-этнографическое направление. Они пользовались большим успехом у слушателей. Славянистические чтения Срезневского были пронизаны идеей славянской взаимности, понимаемой как необходимость тесного сотрудничества славянских народов в области науки и культуры для блага собственного народа. Эту же мысль он развивал в своей статье «Публичные чтения о славянах», опубликованной в «Деннице» в 1843 г., стараясь возбудить интерес к славистике среди русской и славянской интеллигенции. С этой же целью вместе с другими университетскими преподавателями славяноведения О. М. Бодянским и П. И. Прейсом он намеревался издавать славянистический журнал. Этим планам в 40-е годы не суждено было осуществиться.

В указанный период Срезневский более всего заявил о себе как диалектолог и этнограф. Славянская диалектология в это время только начинала развиваться в зарубежных славянских странах. В России ее зачинателем выступил именно Срезневский. В статье «О наречиях славянских» (1841) он впервые (до появления «Славянской этнографии» П. Шафарика в 1842 г.) классифицирует восемнадцать словенских говоров

⁷ Ф. Я. П р и й м а. Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина. В сб. Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.—Л., 1963, с. 119—120.

с приблизительным определением занимаемой каждой территории. Научная ценность этой статьи велика, ибо «современная классификация словенских наречий в своих основных чертах восходит к классификации Срезневского»⁸.

В 1973 г. была опубликована «Записка о наречиях слезских», написанная Срезневским в начале 40-х годов. Ученый выделил два диалекта, распространенные в Силезии: польско-силезский и моравско-силезский, показав их фонетические особенности, точно описав границы их бытования. По свидетельству польских ученых, обоснованный вывод Срезневского об исторически сложившемся преобладании польского элемента в районе Нейсе, Одера, Вроцлава и сегодня сохраняет большую научную и политическую актуальность⁹.

Важное научное значение в свое время имела рецензия Срезневского на «Slovanský národopis» П. Й. Шафарика, труд которого, по мнению В. И. Ламанского, «получил в 1843 г. от Срезневского наилучшую оценку и важные исправления». В отличие от Шафарика, подразделявшего славянские языки только «по характеру наречий», Срезневский вслед за М. А. Максимовичем предложил историко-географический принцип классификации славянских языков, выделяя три группы: восточные, юго-западные и северо-западные «наречия». Этот принцип классификации в общих чертах принят и в современной науке¹⁰. Большое прогрессивное значение имело выделение Срезневским самостоятельного словацкого языка. Деятели словацкого национального движения во главе с Л. Штуром восприняли это как поддержку в их трудной борьбе за утверждение кодифицированного ими словацкого литературного языка. Несомненным вкладом в славянскую диалектологию того времени было уточнение Срезневским на основе личных наблюдений границ расселения сербов, словенцев, лужичан и словаков, указанных Шафариком по литературе.

В своей обобщающей статье «Обозрение главных черт родства звуков в наречиях славянских» (1845) Срезневский подвел итоги своих исследований славянских языков и их диалектов. Впервые в русской славистике он попытался показать закономерности изменения гласных и согласных звуков в славянских языках. К сожалению, значение этой статьи с точки зрения развития сравнительно-исторического языкознания в России не было раскрыто ни в дореволюционной, ни в советской историографии, отмечалось только, что она составила «важное явление в науке» своего времени¹¹.

Во время поездки в славянские земли Срезневский вел большую лексикологическую работу. Хранящиеся теперь в архиве записные книжки ученого буквально испещрены записями слов и фразеологических оборотов разных славянских языков и диалектов. Срезневский готовил словари верхних лужичан, верхних силезцев, болгар, словенцев и др. Эта работа осталась незавершенной. Более законченным был словарь «горных словаков», включавший в себя около 7000 слов и свыше 700 выражений, расположенных в алфавитном порядке. В настоящее время он частично опубликован. Часть материалов для словаря была собрана лично Срезневским, примерно 1/10 составили выписки из сборника Я. Коллара «Народ-

⁸ С. Б. Бернштейн. Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР. «Вопросы славянского языкознания». М., 1957, вып. 2, с. 127.

⁹ Е. Кучарска, А. Назз, С. Роспонд. Wieś śląska w 1840 r., Relacje z podróży naukowej I. I. Srezniewskiego po Śląsku. Wrocław. 1973, s. 101, 159—163.

¹⁰ «Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских языков)». Под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. М., 1977, с. 5—6.

¹¹ В. В. Макушев. О важнейших трудах И. И. Срезневского по славянской филологии (по случаю пятидесятилетнего юбилея его научной деятельности). «Русский филологический вестник». Варшава, 1879, т. 2, № 3, с. 87.

ные песни или светские песни словаков в Венгрии» (I—II, 1834—1835), значительная часть словаря включала слова из диалектологических собраний словацких ученых Ц. Зоха, С. Хаушки, А. Г. Шкультетого, Л. Рейса, Ш. Дакснера и др. По свидетельству Н. А. Кондрашова, «словарь Срезневского отражал по преимуществу лексику среднесловацких говоров, поэтому имеет важное значение, так как был составлен в 1842 году непосредственно перед выступлением штуровцев»¹². Другие словари Срезневского еще ждут своего исследования и опубликования.

Большой научный интерес и в настоящее время представляет фольклорно-этнографическое собрание Срезневского. Ученый успел обработать и использовать в статьях только небольшую его часть. Некоторые этнографические наблюдения Срезневский сообщил в письмах к матери (опубликованы отдельной книгой в 1895 г.) и В. Ганке. Последние были напечатаны еще в 40-е годы в «Журнале чешского музея» и вызвали интерес чешской научной интеллигенции. В 1843—1844 гг. Срезневский опубликовал несколько статей о южных славянах: «Словини во Фриуле», «Фриульские славяне (Резьяне и словини)», «Жумборские усюки». Это были первые в русской и зарубежной славистике описания этих народностей. Срезневский обратил внимание на такие важные этнографические особенности словенцев как национальные костюмы, пища, жилища, обычаи, увеселения, народные верования и т. д. Эти описания до сих пор сохраняют свою научную ценность как зафиксированные свидетельства непосредственного наблюдения¹³.

Подобное же значение имеет опубликованная в 1973 г. заметка Срезневского «Народные špiewki горных слезаков». По свидетельству польского этнографа А. Наша сведения о народных костюмах слезаков, о формах их жилых построек и т. п. в основном подтверждаются современными ученому и позднейшими исследователями (Г. С. Бандке, И. Ломпа, Л. Малиновский). Но был ряд явлений, которые сумел зафиксировать только Срезневский. Например, деталь женской одежды «орлесак», наличие курных изб в ряде мест в Ополе и т. д.¹⁴

В. Н. Скрипка, исследуя фольклорные записи Срезневского, находит там чрезвычайно ценные для современных фольклористов тексты валашских и гапацких песен, отражавших социально-экономическое положение крестьянства: о наемной работе, рекрутских наборах и т. п.¹⁵

Важное место в славистических работах Срезневского 40-х годов занимают исследования по славянской мифологии. Эта тема привлекала внимание многих зарубежных славистов. По их мнению, сохранившиеся в народе предания и поверья, остатки языческих обрядов служили ярким свидетельством национальной самобытности того или другого славянского народа. На основании данных древних греческих и римских хронистов ученые пытались реконструировать единый пантеон языческих славянских богов, еще раз подтверждающий наличие древней славянской общности. Срезневский одним из первых в России серьезно заинтересовался славянской мифологией, посвятив этому предмету ряд статей: «Об обожании солнца у древних славян» (1846), «Архитектура храмов языческих

¹² Н. А. Кондрашов. Материалы для словаря наречий горных словаков, собранные И. И. Срезневским. «Jazykovedný časopis», 1958, год. 11, № 1—2, с. 1103—116.

¹³ С. А. Токарев. История русской этнографии (Докляты брянский период). М., 1966, с. 262; R. N a h t i g a l. Uvod v slovansko filologijo. Ljubljana, 1949, с. 23, 45.

¹⁴ Е. Кучарска, А. Nasz, S. Rospond. Wieś śląska w 1840 r., с. 113, 131.

¹⁵ В. М. Скрипка. Чеська пісня в дослідженнях російських і українських славистів XIX — початку XX ст. «Міжслов'янські фольклористичні взаємини». Київ, 1963, с. 146.

славян» (1846), «О языческих верованиях славян в бессмертие души» (1847) и свою докторскую диссертацию «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям». Диссертация была успешно защищена в 1846 г. За нее Срезневский первым в России был удостоен звания доктора славяно-русской филологии. Диссертация отличалась детальным анализом почти всех сохранившихся сведений о богослужении древних славян с привлечением новых источников — народных преданий, песен, обычаев, данных языка и т. д., большая часть которых была собрана самим Срезневским. Попытки ученого вслед за другими авторами представить единый пантеон славянских богов в настоящее время признаны необоснованными¹⁶. В то же время, отстаивая это мнение, Срезневский лишал одного из важных аргументов защитников так называемой «норманской теории» происхождения древнерусского государства, которые, стремясь показать значительное влияние варягов в Древней Руси, вводили в «единый» пантеон славянских богов божества германского происхождения¹⁷. Большой интерес с точки зрения современной науки представляет высказанное здесь, а также позднее в статье «Збручский истукан Краковского музея» (1853) и в лекционных курсах положение Срезневского об общности многих догматов христианства и славянского язычества, переносе в ряде случаев функций языческих богов на христианских святых, длительном и трудном процессе утверждения христианства в славянских землях¹⁸. Эти утверждения Срезневского в корне расходились с общераспространенными в XIX в. взглядами клерикальных ученых о диаметральной противоположности христианской и языческой религии, о добровольном и быстром процессе христианизации славян¹⁹.

После смерти Срезневского были опубликованы его заметки 40-х годов: «Серболужицкий народный календарь» и «Серболужицкие народные поверья» (1890), также посвященные славянской мифологии. По свидетельству серболужицкого фольклориста П. Недо, И. И. Срезневскому «удалось установить ряд особенностей и архаических черт, которые позднейшие фольклористы уже не зафиксировали». Это касается образов так называемого «божего седлышка», Муравы и Приполдницы²⁰.

Результаты своих разысканий в области славянской археологии Срезневский обобщил в статье «О городищах в землях славянских, преимущественно западных» (написана в 1843 г., опубликована в 1850 г.). Опираясь на труды своих предшественников и собственные наблюдения, ученый приводит все известные в то время данные о местонахождении и численности городищ, определяет и классифицирует их характерные формы. Однако в вопросе о назначении городищ, бывшем тогда предметом горячих споров в науке, Срезневский присоединился к мнению известного археолога З. Доленги-Ходаковского, считавшего городища святилищами славянских язычников. Несостоятельность этой теории уже в то время была убедительно доказана К. Ф. Калайдовичем²¹.

¹⁶ С. А. Токарев. Славянская религия и мифология. СИЭ, М., 1971, т. 13, с. 38.

¹⁷ Г. И. Липатникова. К вопросу о взглядах И. И. Срезневского на историю и культуру славянских народов 30—40-х гг. XIX в. Изв. Воронежского гос. пед. ин-та, т. 76— Из истории развития революционных идей и культуры европейских стран. 1967, с. 30.

¹⁸ А. В. Крюков. Там же, с. 17—18.

¹⁹ Б. А. Рыбаков. Основные проблемы изучения славянского язычества. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 1.

²⁰ П. Недо. И. И. Срезневский и серболужицкая фольклористика. В сб. Русский фольклор., т. 8 — Народная поэзия славян. М.—Л., 1963, с. 295.

²¹ «Очерки истории исторической науки в СССР». М., 1955, т. 1, с. 531.

Важное направление, разрабатываемое Срезневским в 40-е годы, связано с характеристикой славянских литератур. В ряде отчетов и статей он писал о «современном состоянии» литературы чехов, южных славян, серболужичан, болгар и др.²² Статьи в основном носили библиографо-публицистический характер. Срезневский стремился привлечь внимание и возбудить сочувствие русского образованного общества к «соплеменникам». Особо важное значение имели статьи об истории развития серболужицкой литературы и книгопечатания в Болгарии как первая попытка в русской славистике представить обобщенный очерк их развития за значительный промежуток времени²³. Немаловажно и то, что у болгар и серболужичан подобных обобщающих работ еще не было.

Во второй половине 40-х годов Срезневский пытается обобщить свои наблюдения над славянскими литературами в целом в статьях: «Литературное оживление западных славян» (1846) и «Взгляд на современное состояние литературы у западных славян» (1847). Эти работы ученого не являются традиционно литературоведческими. В них нет анализа творчества писателей, стилей и жанров литературы в целом. Срезневского прежде всего занимал вопрос об общественной значимости литературы в славянских странах, о ее тесной связи с национальным движением славянских народов, о социальном облике «читающей публики» и писателей и т. п. Но именно в этом и была новизна этих статей и их прогрессивное научное значение. Положения Срезневского о связи славянских литератур с национальным движением славян были развиты впоследствии А. Н. Пыпиным, представителем культурно-исторической школы в литературоведении²⁴.

В 1847 г. И. И. Срезневский занял оставшуюся вакантной после смерти П. И. Прейса (в 1846 г.) кафедру славистики в Петербургском университете. В Петербурге Срезневский остается до конца своей жизни. Он успешно продвигается на научном поприще: с 1849 г. становится активным членом Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук (далее ОРЯС), во многом содействуя оживлению его научной деятельности, повышению научного авторитета в России и за границей. По инициативе Срезневского ОРЯС стало издавать впервые на русском языке «Известия» (1852—1863, 10 томов) и «Ученые записки» (1854—1863, 7 томов). Он был их бессменным редактором все эти годы. Срезневский привлек к сотрудничеству всех наиболее известных русских филологов, сделав их центром «филологической деятельности русской»²⁵.

Одновременно ученый активно участвует в деятельности Русского географического (с 1847 г.), Русского археологического (с 1850 г.) и других научных обществ, избирается почетным членом иностранных академий, университетов, научных обществ²⁶. С 1858 г. он постоянно был де-

²² И. И. Срезневский. Песни Челаковского. Денница, 1842, ч. 2, с. 201—204; е го же. Исторический очерк серболужицкой литературы. ЖМНП, 1844, ч. 43, № 7, отд. 2, с. 26—66; е го же. Очерк книгопечатания в Болгарии. ЖМНП, 1846, ч. 51, № 9, отд. 5, с. 1—28; е го же. Literatura illyrská. Výtahy z dopisův V. Hankovi. V Zahrebu dne 15 srpna 1841 — ve Vídni 11 prosince 1841. «Casopis českého museum», 1842, roč. 16, s. 301—304.

²³ Л. П. Лаптева. История и этнография лужицких сербов в русской дореволюционной литературе. В кн. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974, с. 365.

²⁴ «Академические школы в русском литературоведении». М., 1975, с. 109—138.

²⁵ В. И. Срезневский. К истории издания Известий и Ученых записок второго отделения имп. Академии наук (1852—1863). Сборник ОРЯС. СПб., 1905, т. 80, № 3, с. 5.

²⁶ В. И. Срезневский. Описание выставки в память столетия со дня рождения И. И. Срезневского. В сб. Памяти И. И. Срезневского. Пг., 1916, кн. I, с. 331—332.

каном историко-филологического факультета Петербургского университета, в 1861 г. кратковременно замещал ректора. В 1847—1850 гг. ученый исполнял должность цензора Петербургского цензурного комитета.

С переездом в Петербург начался новый этап в научной деятельности И. И. Срезневского. Центр тяжести его научных интересов переносится на изучение истории русского языка, памятников древнерусской письменности. Этому способствовала внутренняя эволюция научных взглядов ученого, начавшаяся еще в Харькове, выразившаяся в глубоком осознании огромности задач, стоявших перед отечественной филологией, понимании своего патриотического долга — содействовать прогрессу русской «народной» науки. К тому же Петербург с его богатыми библиотеками и архивами, где работали виднейшие русские филологи, предоставил ему лучшие возможности для работы. Кроме того, ряд внешних обстоятельств — усилившееся подозрительное отношение царских властей ко всем, проявляющим интерес к славянским делам и славистике, после разгрома «Кирилло-Мефодиевского общества» (1847) и подавления буржуазных революций 1848—1849 гг. в Европе, — отсутствие необходимых книг и материалов усугубляли трудности изучения зарубежных славян в России. Срезневский, как и некоторые другие ученые, стремится уйти подальше от «политики» в изучение древностей, всячески отмежевывается от каких бы то ни было русских общественно-политических течений, осуждая «крайности» позиций как западников, так и славянофилов в решении вопроса о путях дальнейшего развития России²⁷.

Всеобщее признание получила блестящая активная речь «Мысли об истории русского языка», произнесенная Срезневским в университете 8 февраля 1849 г., ставшая важной вехой в утверждении сравнительно-исторического языкознания в России²⁸. Срезневский впервые рассмотрел историю русского языка в системе других славянских языков, наметил широкую программу изучения русского языка, отдельные пункты которой стремился воплотить в своем последующем научном творчестве. Осуществляя эту программу, Срезневский развернул издание и комментирование памятников древнерусской письменности. Насущная потребность в этом давно ощущалась в русской филологии. Наиболее важными среди изданий были: «Повесть о Цареграде» (1854), «Сказания о святых Борисе и Глебе» (1854), «Хожение за три моря Афанасия Никитина» (1856), «Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича» (1857) и др.

В своих научных трудах Срезневский не раз разоблачал попытки принизить памятники письменности Древней Руси (в частности, «Слова о полку Игореве») ²⁹, отвергал несостоятельные теории, ставившие под сомнение самобытность развития древнерусской государственности. Такими он справедливо считал «норманскую» и «гунно-славянскую» теории происхождения древнерусского государства³⁰. В отличие от большинства дореволюционных ученых Срезневский видел внутренние истоки развития письменности у восточных славян и первым привел доказатель-

²⁷ М. Ю. Досталь. И. И. Срезневский и его роль..., с. 8—9.

²⁸ В. В. Виноградов. История русских лингвистических учений. М., 1978, с. 307—308; С. В. Смирнов. И. И. Срезневский — языковед (1812—1880). «Русская речь», 1972, № 6, с. 108; В. В. Иванов. И. И. Срезневский (К 160-летию со дня рождения). «Русский язык в школе», 1972, № 3, с. 61—63.

²⁹ А. В. Крюков. Там же, с. 23.

³⁰ И. И. Срезневский. Замечания о книге С. А. Геденова «Варяги и Русь». СПб., 1878, с. 35; его же. Рец. на кн. А. Ф. Вельтмана «Аттила и Русь IV—V века. Свод исторических и народных преданий» (М., 1858). ИОРЯС, 1858, т. 7, с. 31—32.]

ства существования письменности на Руси до принятия христианства³¹. Эти положения Срезневского и его последователей учитываются в современных исторических концепциях, развитых на основе новой марксистской методологии³².

Изучение зарубежных славян остается важной составной частью научного творчества Срезневского. Эта тематика составляла в 50-е годы приблизительно треть всей его научной продукции. Наибольшее внимание он уделял вопросам старославянской письменности, воспринимая их составной частью более широкой, имеющей общественное звучание, проблемы, волновавшей славянских ученых с первых шагов становления славистики как науки: о степени развития славянской «образованности», о вкладе славянской культуры в общеевропейскую и т. п. Более всего дискутировался тогда вопрос о соотносительной древности двух славянских азбук: глаголицы и кириллицы. В статье «Древние письмена славянские» (1848) Срезневский вслед за Й. Добровским и большинством ученых склонялся к мнению, что глаголица составлена по образцу кириллицы в Болгарии в IX—X вв. Впоследствии в связи со своими исследованиями он отказался от прежнего мнения о времени, месте и способе происхождения глаголицы. Этому способствовали и новые открытия древних глаголических памятников, прежде всего «Пражских глаголических отрывков» XI в. в 1856 г. и исследования П. Шафарика. Однако в своих многочисленных работах по изучению старославянской письменности он так и не высказал определенного мнения о том, какая из азбук древнее, считая, что для окончательных выводов в руках у исследователей еще слишком мало материалов. Осторожность ученого в решении этого сложного вопроса следует признать обоснованной, ибо и в настоящее время он продолжает оставаться дискуссионным³³.

Исследуя памятники старославянской письменности, Срезневский высказывал много интересных мыслей, гипотез о их происхождении, времени создания, характере содержания и т. д., которые принимаются во внимание современной наукой. В частности, Срезневский выдвинул гипотезу о русско-славянской основе оригинала «Пражских глаголических отрывков», что нашло подтверждение в исследовании современного чехословацкого лингвиста Ф. Мареша³⁴.

Дальнейшей разработке темы славянской мифологии была посвящена статья: «Роженицы у славян и других языческих народов» (1855), где Срезневский по существу впервые сообщил о существовании важного культа Рода и рожениц у древних славян, приведя новый оригинальный материал. В настоящее время академик Б. А. Рыбаков считает даже, что на определенной стадии развития первобытного общества Род почитался верховным божеством древних славян³⁵.

Статья «Юго-западные славяне» (1856), первоначально прочитанная на годовом собрании Русского географического общества 20 апреля 1854 г., знакомила русское образованное общество с четырьмя южнославянскими народами: словенцами, хорватами, сербами и болгарами. В статье давалась общая характеристика границ, занимаемых каждым народом, его численности, религии, подданства, сословий, обычаев, особенностей языка и говоров и т. п. Наиболее ценным было использование здесь собствен-

³¹ И. И. Срезневский. Древние письмена славянские. ЖМНП, 1848, ч. 59, № 7, отд. II, с. 18—66; его же. Договоры с греками. СПб., 1854, с. 64.

³² Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, с. 76.

³³ В. А. Истрин. 1100 лет славянской азбуки. 863—1963. М., 1963, с. 134—136.

³⁴ Ф. Мареш. Pražské zlomky a jejich původ v světle lexikálního rozboru. «Slavia», 1951, roč. 20, seš. 2—3, s. 219—232.

³⁵ Б. А. Рыбаков. Основные проблемы славянского язычества..., с. 5—9.

ных этнографических и диалектологических материалов, собранных в заграничной командировке. В статье Срезневский поднял важный в этнографии вопрос об исчезновении народных обычаев, разрушении традиционного сельского народного быта с развитием капиталистических отношений в деревне («промышленного духа» по терминологии ученого).

Большой вклад в русское славяноведение середины XIX в. вносили лекции Срезневского по славистике. В университете он читал в 50-е годы курсы: «Введение в славянскую филологию», «Славянские древности», «История и литература славянских наречий» и др., а в Главном педагогическом институте (далее ГПИ), где он преподавал в 1848—1859 гг., среди других курсов были: «Общее филологическое обозрение славян», «Древности славянского языка», «Новая история славянской литературы»³⁶. Предмет славистики Срезневский в те годы понимал комплексно, как совокупность различных дисциплин, но все же с преобладанием филологии. Тем не менее его студенты получали достаточно полное представление об истории, этнографии, фольклоре, наряду с историей языка и литературы всех славянских народов. Лекции были очень содержательны, отличались высоким для своего времени научным уровнем, учитывали последние достижения славистической науки. Срезневский характеризовал в курсах деятельность всех наиболее выдающихся деятелей науки и культуры славянских народов, в том числе и тех, чьи имена были в России под запретом (например, А. Мицкевича, Й. Лелевеля, К. Ф. Рыльева, Т. Г. Шевченко)³⁷.

По отзывам слушателей лекции Срезневского были одушевлены горячей симпатией к положению угнетенных славянских народов, показывали значение сотрудничества славянских народов в области науки и культуры, важность славистических знаний для развития русского самосознания. В то же время для Срезневского было характерно стремление к более или менее объективной оценке ряда принципиальных вопросов развития славянских народов³⁸.

Однако Срезневский уходил от оценки актуально-политических событий в славянских странах, за что его неоднократно упрекали передовые студенты, представители революционной демократии. Отчасти это было обусловлено строгими запретами министерства народного просвещения³⁹.

Большой заслугой Срезневского является то, что он ввел славяноведение в стены Академии наук. На заседаниях ОРЯС в 50-е годы неоднократно обсуждались славистические проблемы, новые труды славянских ученых. Срезневскому удалось привлечь к сотрудничеству в ОРЯС ряд видных зарубежных славистов (П. Й. Шафарика, Ф. Миклошича, В. Ганку, Й. Франту-Шумавского и др.). Почвой для их научного сближения было совместное исследование памятников старославянской письменности, что приносило взаимную пользу в научном отношении обеим сторонам. В частности, по призыву Срезневского русские ученые помогли П. Й. Шафарика найти кирилловские тексты, тождественные по содержанию «Пражским глаголическим отрывкам»⁴⁰, в то же время статьи

³⁶ Подробнее см. М. Ю. Д о с т а л ь. Проблемы чешской и словацкой филологии и истории в лекционных курсах И. И. Срезневского. В сб. Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX—начале XX в. М., 1974, с. 387—395.

³⁷ А. В. К р ю к о в. История Польши в спадщине І. І. Срезневского. Проблеми слов'язнавства. Львів, 1979, вип. 20, с. 130.

³⁸ М. Ю. Д о с т а л ь. И. И. Срезневский и его роль..., с. 12; А. В. К р ю к о в. И. И. Срезневский как историк, с. 20.

³⁹ А. В. Н и к и т е н к о. Дневник. М., 1955, т. I, с. 250, 306.

⁴⁰ И. И. С р е з н е в с к и й. Глагольские отрывки, найденные в Праге. ИОРЯС, 1857, т. 6, с. 171—180.

Шафарика по проблемам глаголицы, опубликованные в «Известиях», стимулировали развитие подобных исследований в России.

Редактируемые Срезневским «Известия ОРЯС», стали в 50-е — начале 60-х годов единственным научным журналом в России, имевшем славистическую направленность. Достаточно сказать, что около четверти научных статей и почти половина рецензий Библиографического отдела журнала были посвящены славянской тематике. Наряду с русскими в «Известиях» сотрудничали также известные славянские ученые, как П. Й. Шафарик, Ф. Цейнова, С. И. Веркович, С. Н. Палаузов, Н. Геров, К. Д. Дмитриев-Петкович и др. Здесь нашли отражение наиболее важные проблемы тогдашнего славяноведения, в частности, вопрос о соотносительности древности глаголицы и кириллицы, о создателях этих азбук, об отношении старославянского к другим славянским языкам и т. д. На страницах «Известий» Срезневский выдвинул широкую программу по собиранию устного народного творчества русского и других славянских народов. Здесь были опубликованы многие памятники славянского фольклора, в том числе и из собрания самого Срезневского.

подавляющее большинство рецензий на все наиболее важные книги русских и зарубежных ученых по славяноведению, вышедшие в указанный период, помещенных в Библиографическом отделе журнала, принадлежало перу Срезневского. Рецензии отличались большой содержательностью, объективностью критических оценок. Они стали надежным ориентиром для русских славистов в современной им славистической литературе, обращали внимание русских ученых на все самое важное и поучительное в трудах славянских ученых, необходимое для успешного развития русской науки, способствовали популяризации их прогрессивных научных идей в России⁴¹.

К 60—70-м годам относится завершающий период жизни и научной деятельности И. И. Срезневского. На рубеже 50—60-х годов, в период реформ и общественного подъема в России, общественно-политические взгляды ученого заметно правееют. Будучи убежденным монархистом, он встал на сторону властей во время студенческих волнений 1861 г. в отличие от большинства умеренно-либеральной профессуры Петербургского университета⁴². Тем не менее, он не раз оказывал поддержку молодым ученым и студентам, вступившим в конфликт с властями из-за политических убеждений, признавал необходимость отмены крепостного права в стране, осуждал казенный бюрократизм, отрицательно относился к фактам полицейского произвола в России и за границей. Горячо выступая за развитие отечественного просвещения, он полагал, что с помощью реформ, без революции, возможно «усовершенствовать» существующие порядки в России⁴³. В то же время «русский патриотизм» Срезневского, ярко проявившийся в предшествующие годы, в 60—70-х годах приобретает негативные оттенки великорусского национализма, что выразилось, например, в отрицании возможности самостоятельного существования украинского, белорусского и словацкого языков и литератур⁴⁴.

⁴¹ Подробнее см. М. Ю. Д о с т а л ь. Библиографические заметки И. И. Срезневского о книгах чешских и словацких ученых в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук». «Советское славяноведение», 1975, № 2, с. 82—88.

⁴² В. Д. С п а с о в и ч. Пятидесятилетие Петербургского университета: Императорский Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, составленная В. В. Григорьевым. СПб., 1870. В кн. В. Д. С п а с о в и ч. Сочинения. СПб., 1891, т. 4, с. 40—44.

⁴³ М. Ю. Д о с т а л ь. И. И. Срезневский и его роль..., с. 13—14.

⁴⁴ В. И. С р е з н е в с к и й. Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского. В сб. Памяти И. И. Срезневского. Пг., 1916, кн. 1, с. 9; И. И. С р е з н е в с к и й. Записка о трудах г. Носовича, касательно наречия белорусского. ИОРЯС,

В указанный период Срезневский занимается преимущественно русской палеографией и археографией. Обращение к «древностям» было обусловлено, с одной стороны, стремлением отгородиться от современной политики, а с другой, — пониманием объективных потребностей развития этих наук. Огромная масса выявленных в эти годы русских и старославянских памятников требовала их систематизации, строгого научного издания и комментирования, обобщения палеографических наблюдений. Большие заслуги в успешном развитии этих наук в России принадлежат именно Срезневскому. Его обобщающий труд «Славяно-русская палеография» (1885), созданный на основе университетских чтений, по свидетельству советских специалистов Л. В. Черепнина и Л. П. Жуковской, открыл новый этап в развитии палеографических исследований в России⁴⁵. Много сделал ученый для создания базы источников по изучению русского языка. Он выработал передовые для своего времени принципы точной публикации текстов памятников письменности, не устаревшие до настоящего времени⁴⁶, хотя и не всегда последовательно следовал им в своих многочисленных изданиях.

Срезневскому принадлежит много ценных мыслей в связи с исследованием древних русских книг и рукописей. Одним из первых в России он высказал идею о сводном характере древнерусского летописания, развитую в трудах А. А. Шахматова и советских ученых⁴⁷.

Начиная с 40-х годов XIX в. Срезневский работал над составлением словаря древнерусского языка, исследовал около 2700 памятников русской письменности преимущественно XI—XIV вв. Главным достоинством словаря было «богатство лексики, большое количество умело подобранных цитат..., толкования слов, включавших греческие и латинские соответствия»⁴⁸. Этот гигантский труд, сохранивший свое большое научное значение и поныне, был издан после смерти ученого под названием «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (4 т., 1893—1912)⁴⁹.

Большое значение для своего времени имели педагогические статьи И. И. Срезневского. Новые прогрессивные методологические положения ученого о преподавании русского языка в начальных и средних учебных заведениях были развиты впоследствии в трудах выдающихся педагогов XIX в. К. Д. Ушинского, В. П. Шереметевского и др.⁵⁰.

1852, т. I, с. 74—75; е г о ж е. Судьбы чешско-словенского наречия (середина 60-х гг.). Архив АН СССР (ЛО), ф. 216, оп. 1, ед. хр. 429; П о д д у б н ы й. Чехословацкое наречие (Запись лекции И. И. Срезневского начала 1870-х гг.). Архив АН СССР (ЛО), ф. 216, оп. 3, ед. хр. 1477.

⁴⁵ Л. В. Черепнин. Русская палеография..., с. 49; Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР). М., 1963, с. 58—62.

⁴⁶ А. А. Котляревский. Древняя русская письменность. Опыт библиографического изложения ее изучения. Воронеж, 1881, с. 85—86; И. И. Корнева, Е. М. Тальман, Д. М. Эпштейн. История археографии в дореволюционной России. М., 1969, с. 134.

⁴⁷ В. И. Буганов. Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М., 1975, с. 10—14; А. В. Крюков. Там же, с. 21—22.

⁴⁸ «Словарь русского языка XI—XVII вв.». Отв. ред. С. Г. Бархударов. М., 1975, вып. 1 (А—Б), с. 5.

⁴⁹ В. И. Срезневский. Об истории составления словаря древнерусского языка И. И. Срезневского. Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1933, № 9, с. 775—781; А. С. Львов. Работа И. И. Срезневского над древнерусским словарем. Лексикографический сборник. М., 1960, вып. 4, с. 132—150.

⁵⁰ Л. А. Булаховский. И. И. Срезневский. «Русский язык в школе», 1940, № 6, с. 79—80; В. И. Лебедев. И. И. Срезневский как методист. «Русский язык в школе», 1972, № 3, с. 65—68; А. В. Крюков, В. Г. Сарбей. Визначний прогресивний педагог дожовтневої епохи. «Радянська школа», 1976, № 11, с. 101—103.

Деятельность Срезневского в области изучения зарубежных славян протекала в 60—70-е годы в нескольких направлениях. Главным из них было издание, исследование и комментирование памятников старославянской письменности. В 1864 г. впервые увидел свет комментированный хронологический указатель всех известных тогда кирилловских, глаголических и латинских памятников старославянской письменности: «Древние памятники письма и языка югозападных славян». В нем ученый приводил данные одреwnих рукописях, грамотах, указывая их местонахождение или издание, сообщал о существовании таких памятников, которые не дошли до нашего времени, но были использованы в качестве источника древними авторами. Это издание, дополняя подобный же указатель: «Древние памятники русского письма и языка (XI—XIV веков)» (1863, 1866, 1882, 1973), до сих пор сохраняет значение как надежное руководство для специалистов в массе старославянских памятников.

Важное значение в свое время имело издание Срезневского «Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы» (1866), куда вошли его прежние публикации и комментарии начала 60-х годов. В этом сборнике были опубликованы полностью или в отрывках все известные Срезневскому глаголические рукописи XI—XIII вв. в глаголическом и кирилловском варианте. Здесь впервые увидели свет многие рукописи из богатых собраний В. И. Григоровича, архимандрита Порфирия и др. Были учтены также найденные самим Срезневским глаголические буквы и целые строки в кирилловских памятниках.

Главным достоинством издания «Древние памятники юсового письма» (1868) было то, что оно включало в себя много неизвестных ранее памятников письменности. В их числе были открытые и впервые исследованные самим Срезневским уникальные памятники XI в. «Саввина книга» и «Листки Ундольского», имеющие первостепенное значение для изучения старославянского языка. Здесь же Срезневский опубликовал рукописи, присланные ему из разных городов России и из-за границы В. И. Григоровичем, А. Ф. Бычковым, А. Ф. Гильфердингом, Д. М. Струковым, И. М. Мартыновым, С. Н. Палаузовым и др. Всего было издано полностью или в отрывках 33 памятника XI—XIV вв., из которых лишь 4 были известны ранее.

В сборнике «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках» (3 т., 1867—1879) наряду с русскими было опубликовано и прокомментировано много старославянских, болгарских, сербских, польских и др. рукописей (церковные тексты, грамоты, надписи и т. п.). Некоторые материалы Срезневскому прислал В. Ягич. Всего был издан 91 памятник. В числе открытых самим Срезневским наиболее важными были «Прохоровы сказания об Иоанне Евангелисте в древнем сербском списке XII в.», а также знаменитые «Киевские глаголические листки» — древнейший из ныне известных памятников старославянской письменности X в. (открыт в 1874 г., впервые опубликован в 1876 г.). Срезневский впервые прокомментировал его, определив, что по содержанию это римско-католический миссал, предположительно X—XII вв., чехоморавского происхождения. Это мнение разделяет большинство современных ученых⁵¹.

Таким образом, Срезневский внес немалый вклад в создание научно-организованной источниковой базы для изучения старославянского и древних славянских языков. Подобных масштабов издательской деятель-

⁵¹ А. Й. Багмут. Дослідження російськими і українськими мовознавцями фонетичних і лексичних особливостей Київських листків і Празьких уривків у зв'язку з питаннями про походження цих пам'яток. «Слов'янське мовознавство», 1958, вип. 2, с. 251—277.

ности мировая славистика в те годы не знала. Сохраняют свое научное значение разбросанные в разных изданиях наблюдения и предположения Срезневского относительно датировки рукописей, их происхождения, содержания.

Много внимания Срезневский уделил проблеме подлинности древнечешских рукописей, которой начал интересоваться с 30-х годов⁵². Эта проблема со времени «открытия» рукописей в первые десятилетия XIX в. постоянно сохраняла свое актуальное научное и общественно-политическое значение. В 70-е годы несколько чешских ученых мужественно выступили с доказательствами фальсификации «национальных святынь». Срезневский в статьях «Дополнительные замечания на статью А. О. Патеры „Чешские глоссы в Mater verborum“» (1878) и «Былина о суде Любуши» (1879), принимая во внимание доказательства подделки, все же не смог отказаться от своего прежнего убеждения в подлинности этих памятников. Однако он нашел ряд новых оригинальных аргументов, которые позволяли датировать рукописи более поздним временем. Впоследствии они вошли в арсенал доказательств подделки⁵³.

Большое значение для своего времени имели рецензии Срезневского на книги русских и зарубежных славистов (А. В. Шемберы, Я. Воцеля, А. Шлейхера, В. И. Ламанского, А. Ф. Гильфердинга, В. В. Макушева, А. А. Котляревского и др.), которые нередко содержали новые научные идеи ученого. В них часто молодые русские слависты получали от Срезневского напутствие в науку, важные критические замечания.

Срезневский живо откликался на важные события культурной и научной жизни в славянских странах. Сочувствием к успехам науки и образования зарубежных славянских народов проникнуты статьи «Труды югославянской Академии наук и художеств» (I—II, 1868—1869) — отклики на создание Хорватской Академии наук в Загребе и первый номер выпущенного ею журнала; «Воспоминания о Чешском музее по поводу его пятидесятилетия» (1869) и др.

Статьи Срезневского по поводу работ зарубежных славистов (Г. Клемма, М. Ю. Миличевича и др.) нередко воспринимались как акт поддержки национального движения славянских народов. В частности, в статье «Замечания к отзыву этнографа Клемма о лужицанах (вендах) саксонских» (1866) Срезневский выступил против заявления немецкого этнографа об отсутствии какой-либо самобытности лужицких сербов по сравнению с немцами. Будучи по существу лучшим знатоком серболужицан в России, он убедительно доказал наличие богатого серболужицкого фольклора, особенностей национального костюма, объяснил причины физического сходства немецкого и славянского населения в Германии.

И. И. Срезневский стоял у истоков историографии отечественного и зарубежного славяноведения в России. Его «Воспоминания о В. В. Ганке» (1861), «Обзорение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных» (1865), «Вук Стефанович Караджич. Биографический очерк» (1876, впервые опубликован в 1844 г.), «На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии» (1878) и др. по существу открывали собой историографическое изучение научной деятельности данных славистов. Они до сих пор не утратили своего научного значения как живое свидетельство очевидца и участника становления и развития славистики в России и за рубежом. Примечательно, что имен-

⁵² И. И. Срезневский. Сеймы. Sněmu. В сб. Очерки России. СПб., 1838, кн. 1, с. 226—239; его же. Рец. на кн. А. Соколова «Краледворская рукопись и Суд Любуши» (Казань, 1846). ЖМНП, 1847, ч. 55, отд. 6, с. 154—170; его же. Замечания об эпическом размере славянских народных песен. СПб., 1861, 34 с. и др.

⁵³ М. Ю. Досталь. И. И. Срезневский и его роль..., с. 21.

но Срезневский первым оценил первостепенный вклад А. Х. Востокова в русское и европейское славяноведение, показав принципиальную новизну его работ перед трудами патриарха зарубежной славистики И. Добровского⁵⁴.

В университете в 60—70-е годы Срезневский читал курсы: «Энциклопедическое введение в славянскую филологию», «Славянские древности», «История славянского языка по наречиям», «Древности славянской словесности». Чтение курсов по истории славянских литератур и истории славян взял на себя в 1865 г. В. И. Ламанский. Срезневский одним из первых университетских преподавателей в России стал проводить со студентами семинарские занятия, где отрабатывались приемы исследования памятников древнерусской и старославянской письменности. В систему преподавания славистики Срезневский включал также курсовые работы студентов на заданную тему, а также работы на соискание наград, учрежденных Петербургским университетом.

Многие бывшие слушатели И. И. Срезневского с благодарностью вспоминали его лекции. «В преподавании своей науки, — писал Л. Н. Майков, — он увлекал живостью, ясностью и простотой изложения, наглядными подробностями... Он умел приохотить к занятиям и старался возбуждать в своих слушателях самостоятельность; его критическая пытливость в особенности оказывала решающее влияние на тех, кто пользовался его руководством»⁵⁵. В разное время у Срезневского учились многие известные впоследствии ученые и общественные деятели: П. А. и Н. А. Лавровские, В. И. Ламанский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, А. Н. Пыпин, В. В. Макушев, М. И. Сухомлинов и др. Кроме того консультациями и советами ученого неоднократно пользовались и считали его своим учителем: А. Ф. Гильфердинг, А. А. Потенция, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Котляревский и др. И хотя Срезневскому в силу ряда объективных и субъективных причин⁵⁶ не удалось создать своей собственной школы, он оказал несомненное влияние на формирование взглядов многих будущих известных славистов. Некоторые из них (в частности, В. И. Ламанский, В. В. Макушев, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др.) разрабатывали далее тематику, начатую Срезневским. Но эти ученые представляли уже новый этап развития науки и поэтому зачастую вступали в полемику с учителем⁵⁷.

И. И. Срезневский принадлежал к числу выдающихся славистов XIX в., был одним из зачинателей университетского славяноведения в России. Ему принадлежит заслуга постановки преподавания славистики в Харьковском, Петербургском университетах и ГПИ, подготовки кадров русских славистов, а также издания единственного в 50-е годы русского научного журнала, уделявшего большое внимание славистическим проблемам. Он стал основоположником ряда научных дисциплин в русском славяноведении: этнографии, фольклористики, диалектологии, отчасти историографии. Его труды определили новый этап в развитии славяно-русской палеографии и археографии в России. Исключительной заслугой Срезневского является популяризация достижений зарубежной славистики на страницах «Известия ОРЯС» и других русских научных

⁵⁴ И. И. Срезневский. Обзорение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных. СПб., 1865, с. 17—18.

⁵⁵ Л. Н. Майков. И. И. Срезневский. ЖМНП, 1880, ч. 208, № 3, с. 85.

⁵⁶ М. Ю. Досталь. И. И. Срезневский и его роль..., с. 15.

⁵⁷ С. В. Смирнов. И. А. Бодуэн де Куртенэ и И. И. Срезневский. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 310. Труды по русской и славянской филологии, 1973, т. 22, с. 215—217.

журналов, перед студенческой аудиторией, в стенах Академии наук. В течение всей своей плодотворной научной деятельности Срезневский поддерживал тесные научные связи со многими зарубежными славистами. В их числе были: В. Караджич, Ф. Миклошич, П. Шафарик, В. Ганка, Ф. Л. Челаковский, Й. Коларж, Ф. Палацкий, А. Патера, А. В. Шембера, К. Я. Эрбен, Я. Воцель, Л. Штур, Н. Геров, Я. Смолер, Ф. Цейнова, В. Мацеёвский, Я. Головацкий и др. Тесное научное сотрудничество Срезневского со славянскими учеными в решении ряда актуальных славистических проблем несомненно способствовало успешному развитию славяноведения в России и славянских землях, служило поддержкой в национальной борьбе славянских народов ⁵⁸.

⁵⁸ М. Ю. Досталь. И. И. Срезневский и его роль..., с. 15—21.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ЦЕННАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ БОРЬБЫ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ

В мае 1980 г. советский народ и все люди доброй воли за рубежом торжественно отметили 35-летие великой победы над фашизмом. Советский Союз сыграл решающую роль в разгроме гитлеровской Германии и ее сателлитов и оказал неоценимую помощь народам Европы в освобождении от фашистского ига.

Проблема освободительной миссии Советских Вооруженных Сил на завершающем этапе Великой Отечественной войны и борьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы против немецко-фашистских оккупантов, за свободу и независимость уже получила отражение в советской исторической литературе¹.

¹ «История второй мировой войны 1939—1945 гг.», т. 9 и 10. М., 1978, 1979; С. М. Штеменко. Освободительная миссия Советской Армии. М., 1975; «Боевое содружество братских народов и армий». Под общей ред. И. И. Якубовского. М., 1975; М. М. Манасян. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. Боевые действия Красной Армии на территории Румынии, Болгарии, Венгрии и Югославии в 1944—1945 гг. М., 1967; М. Е. Моинин. Содружество, рожденное в боях. О совместной борьбе Советских Вооруженных Сил и армий стран Восточной и Юго-Восточной Европы против войск фашистской Германии. М., 1971; «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне», изд. 2. М., 1974; «Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов 1944—1945». М., 1970; «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне» (Военно-исторический

Недавно появилось новое, ценное исследование советских историков по этой проблеме². В нем дается всесторонний анализ положения в оккупированных фашистской Германией странах Центральной и Юго-Восточной Европы, социально-экономических последствий оккупационного режима, зарождения и развития движения Сопротивления, роли Советских Вооруженных Сил в их освобождении. Авторам удалось воссоздать широкую картину событий, имевших наиболее важное значение для этих стран в период 1941—1945 гг.

Известно, что в годы Великой Отечественной войны Советского Союза героическая борьба советского народа объединилась с движением Сопротивления народов Европы, поработанных фашистской Германией. Все это в совокупности превратилось, как отмечал Л. И. Брежнев, «в один могучий поток, смывший коричневую грязь с карты Европы». «Разгром фашизма оставил глубокий след в жизни многих народов, изменил лицо мира. Десятки стран... восстановили свою независимость»³.

Авторы рецензируемой монографии поставили своей задачей рассказать, «как возникал и нарастал этот поток, о глубоком воздействии Советского Союза в годы справочник под ред. М. И. Семиряги). М., 1972; «Великая победа советского народа 1941—1945». М., 1976 и др.

² «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость 1941—1945 гг.». М., 1978, 449 с.

³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5. М., 1976, с. 285—286.

Великой Отечественной войны на ход событий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и на развитие борьбы народов этих стран за свою свободу и независимость» (с. 20). С этой задачей авторский коллектив успешно справился.

В первой главе труда, посвященной борьбе польского народа за свободу и независимость, освещаются соглашение Советского правительства с польским эмигрантским правительством о совместной борьбе против гитлеровской Германии, содействие Советского правительства в формировании польской армии на территории СССР, которая, не выполнив союзнических обязательств, эвакуировалась в Иран, образование Польской рабочей партии, влияние Сталинградской победы Красной Армии на изменение военно-политической обстановки в Польше, создание Союза польских патриотов в СССР, помощь Советского Союза польскому национально-освободительному движению, создание Крайовой Рады Народовой, начало освобождения Польши Советскими Вооруженными Силами, оказание помощи Советским Союзом в становлении народной власти в Польше, настойчивая борьба советской дипломатии за международное признание новой Польши, завершение освобождения Польши, возвращение ей западных и северных польских земель, а также вклад польского народа в разгром фашистской Германии на завершающем этапе войны. Заключительная часть главы посвящена анализу советско-польского Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 21 апреля 1945 г. и его значения для Польши.

Вторая глава — «Сотрудничество народов СССР и Югославии в борьбе против фашизма» — дает представление о вооруженном восстании в Югославии, сотрудничестве советского и югославского народов в борьбе против фашизма, о поддержке Советским Союзом новой Югославии и советско-югославском сотрудничестве на завершающем этапе войны против гитлеровской Германии.

В третьей главе — «Советский Союз и борьба народов Чехословакии за восстановление своей государственности на новой социально-политической основе» — рассматриваются две концепции восста-

новления государственности и внешнеполитической ориентации Чехословакии, начало формирования советско-чехословацкого союза, подготовка и подписание советско-чехословацкого Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 12 декабря 1943 г., завершение освобождения Чехословакии Красной Армией, Майское 1945 г. восстание чешского народа.

Четвертая глава, рассказывающая о роли Советского Союза в освобождении Румынии от фашизма, раскрывает влияние побед Красной Армии на развитие антифашистской борьбы и крах антисоветской политики румынской реакции, события, связанные с освобождением Румынии и победой национального антифашистского восстания, установлением народно-демократического строя и его поддержкой Советским Союзом.

В пятой главе — «Великая Отечественная война Советского Союза и борьба болгарского народа против фашизма» — рассказывается об обострении политического кризиса в Болгарии, организации народного сопротивления, вооруженной борьбе и создании Отечественного фронта, об исторических победах под Сталинградом, образовании Народно-освободительной повстанческой армии и подъеме антифашистской борьбы, победоносном наступлении Советских Вооруженных Сил на Балканах, развитии революционного кризиса в Болгарии и победе Народного восстания, о боевом сотрудничестве Советского Союза и народно-демократической Болгарии на заключительном этапе войны в Европе.

Шестая глава — «Борьба албанского народа за свое национальное и социальное освобождение (1941—1944)» — содержит сведения о зарождении движения Сопротивления в Албании в период итало-греческой войны, расширении антифашистской борьбы после начала Отечественной войны Советского Союза, создании Национально-освободительного фронта и развертывании партизанской борьбы, о действиях Национально-освободительной армии Албании, изгнании гитлеровских оккупантов из страны и развитии народно-демократической революции.

В седьмой главе — «Советский Союз и движение Сопротивления в Венгрии» —

показывается участие хортистской Венгрии в войне против СССР и антифашистское движение в стране, освобождение Венгрии Красной Армией и начало процесса перерастания демократической революции в революцию социалистическую.

Восьмая глава посвящена движению Сопротивления в Греции (1940—1944) и изгнанию гитлеровских оккупантов из страны.

В девятой, заключительной, главе дается оценка интернационального подвига советского народа, освободительной миссии Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Подчеркивается решающая роль Советского Союза и его Вооруженных Сил в разгроме фашистской Германии и ее сателлитов, отмечается влияние побед советского народа на повсеместное развитие движения Сопротивления в оккупированных странах Европы; всесторонняя помощь Советского Союза партизанскому движению в странах Европы, активное участие советских граждан в европейском движении Сопротивления. На территории СССР были созданы иностранные воинские формирования, сыгравшие важную роль в освободитель-

ном движении народов. В главе сделаны правильные выводы о внутренних причинах и предпосылках, а также благоприятных внешних условиях, созданных победами советского народа и других антифашистских сил, для революций и возникновения в ряде европейских стран народно-демократического строя. В ней хорошо показана руководящая роль коммунистических партий в организации борьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы, поработанных фашистской Германией, за национальное и социальное освобождение.

Монография имеет большое значение для разоблачения буржуазных фальсификаторов освободительной миссии Красной Армии и истории становления народно-демократического строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Она представляет интерес не только для научных работников и студентов, но и для более широкого круга читателей, интересующихся историей Великой Отечественной войны.

И. И. Белякевич

Очерки истории советско-польских отношений 1917—1977. М., «Наука», 1979, 584 с.

21 апреля 1980 г. исполнилось 35 лет со дня подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и народной Польшей. В соответствии с этим договором и заключенным в апреле 1965 г. новым советско-польским договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи успешно развивались братские отношения и взаимовыгодное сотрудничество между СССР и ПНР. Советско-польское сотрудничество, основанное на идейном единстве КПСС и ПОРП, на принципах социалистического интернационализма, стало важным фактором прогрессивного развития дружественных народов. Яркое представление об этом дает рецензируемая книга, большая часть которой посвящена советско-польским отношениям

на заключительном этапе второй мировой войны и в рамках социалистического сотрудничества.

Книга подготовлена Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом социалистических стран Польской Академии наук. Она открывается статьей члена ЦК КПСС, председателя Совета Союза Верховного Совета СССР, председателя Центрального правления Общества советско-польской дружбы А. П. Шитикова — «Общество миллионов друзей Польши» — о многообразной и плодотворной деятельности общества по укреплению советско-польской дружбы. В статье члена Политбюро ЦК ПОРП, вице-председателя Совета Министров ПНР, председателя Главного правления Общества польско-советской дружбы

Я. Шидляка — «ПОРП и КПСС в борьбе за укрепление польско-советской дружбы и единства международного рабочего движения» — показывается деятельность братских партий, направленная на развитие и упрочение дружеских советско-польских отношений, их борьба за единство действий коммунистических и рабочих партий.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла польскому народу дорогу к восстановлению национальной независимости. Роль Октябрьской революции в создании внешнеполитических условий восстановления независимой Польши освещается в статье В. Бальцерака (ПНР). А. Чубинский (ПНР), анализируя отношение польского революционного рабочего движения к СССР, подчеркивает, что «исторический опыт показал, что в конечном счете были правы коммунисты, которые в течение всего межвоенного 20-летия добивались того, чтобы связать судьбы Польши с социальной революцией и союзом с СССР» (с. 74). Советско-польские дипломатические отношения в межвоенный период рассматриваются в статьях П. Н. Ольшанского (СССР), В. Дашкевича (ПНР), И. В. Михутиной (СССР), А. Скипиэка (ПНР). В них показывается стремление Советского правительства установить и поддерживать подлинно добрососедские отношения с Польшей, с одной стороны, и антинародная политика правящих буржуазно-помещичьих кругов, приведших страну к сентябрьской катастрофе 1939 г., с другой. М. Лечик (ПНР), характеризуя торгово-экономические отношения между Польшей и СССР, приходит к заключению: «Советская сторона серьезно относилась к неоднократно выдвигавшимся ею в 1921—1939 гг. предложениям о заключении широкого торгового договора, который учитывал бы реально существовавшие возможности товарообмена между обеими странами. Эти предложения игнорировались правящими кругами Польши исключительно по политическим соображениям, продиктованным интересами господствующих классов» (с. 204).

Советско-польские культурные и научные связи отражены в статьях С. М. Фалькович (СССР) — «Культурные связи СССР и Польши в межвоенный период» и

М. Н. Черных (СССР) — «Научные связи между СССР и Польшей». Несмотря на препятствия политического характера, развитие советско-польских культурных отношений в 20—30-е годы показало наличие глубоких предпосылок для культурного сближения народов СССР и Польши. Контакты ученых двух стран в межвоенные годы «доказали важность и необходимость научных связей между СССР и Польшей и способствовали приобретению опыта научного сотрудничества» (с. 248).

Широко в книге освещается боевое сотрудничество советского и польского народов в годы второй мировой войны. Раскрывается роль Польской рабочей партии в упрочении польско-советской дружбы (Р. Назаревич, ПНР), деятельность Союза польских патриотов в СССР (П. М. Калениченко, СССР), польско-советское братство по оружию на боевом пути от Ленино до Берлина (Т. Домбковский, ПНР) и сотрудничество советских и польских партизан (М. И. Семиряга, СССР). Благодаря всесторонней помощи Советского Союза была создана польская армия, насчитывавшая 400 тыс. человек. Она внесла достойный вклад в общую победу над врагом. В 12 странах Европы сражались против фашистских захватчиков 40 тыс. советских граждан, из них половина действовала в Польше. В статье В. Т. Ковальского (ПНР) подчеркивается роль СССР в борьбе за признание и утверждение народной Польши на международной арене.

Большое внимание в книге уделяется вопросам советско-польского сотрудничества в послевоенный период. В статье Т. Валихновского (ПНР) убедительно показано, что союз Польши с СССР является гарантией независимости и развития польского народа. Статья С. М. Стецкевича (СССР) посвящена советско-польским договорам о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1945 и 1965 гг. и их историческому значению. Экономические связи между СССР и ПНР рассмотрены в статьях М. Вилька (ПНР) — «Помощь СССР в восстановлении экономики и социалистической индустриализации Польши», А. К. Кавко и Н. А. Чудаковой (СССР) — «Советско-польское экономическое сотрудничество

в 70-х годах». При этом отмечается значительная роль СССР в налаживании польской экономики, изменение характера этих связей, которые в начале из односторонней помощи превратились затем во взаимовыгодное братское сотрудничество (с. 418). Обстоятельно охарактеризованы в книге польско-советские культурные связи в 1944—1977 гг. (А. Корзон, ПНР), научное сотрудничество между обеими странами (Н. И. Бухарин, СССР), советско-польское боевое содружество в рамках Варшавского Договора (А. Д. Вербицкий, СССР). Внешнеполитической деятельности СССР и ПНР посвящены статьи Э. Басиньского (ПНР) — «Польско-советское сотрудничество в борьбе за упрочение мира в Европе (1945—1955)» и И. Г. Богомоловой — «Координация внешнеполитической деятельности Советского Союза и Польской Народной Республики в 1945—1977 гг.», которая приходит к выводу, что «всестороннее братское сотрудничество СССР и ПНР является мощным фактором в борьбе за упрочение мира и безопасности»

(с. 582). Опубликованные в книге материалы убедительно свидетельствуют о плодотворности советско-польских связей в различных областях общественной жизни.

Положительно оценивая коллективный труд советских и польских историков, необходимо отметить и некоторые погрешности и недоработки в нем. В ряде статей следовало бы дать более глубокие выводы, аналитические обобщения. Особенно когда речь идет о культурных и научных связях. На наш взгляд, следовало бы устранить разницей в итоговых цифрах и данных (с. 487). Работа бы выиграла, если бы в статьях был дан историографический материал. Можно было бы устранить некоторое повторение известных фактов и событий.

В целом же «Очерки», написанные на солидной источниковой базе, представляют значительный интерес для читателя

*С. М. Антонюк, Л. Д. Васильева,
Ю. И. Макарь*

МУРАШКО Г. П. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. Из опыта революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., «Наука», 1979, 320 с.

Рецензируемая работа представляет интерес с точки зрения изучения накопленного международным рабочим движением революционного исторического опыта. Автор в сравнительно-историческом плане на основе анализа материала не одной отдельно взятой страны, а целого региона исследует проблему овладения рабочим классом основными экономическими позициями в государстве по мере развития и углубления революции.

В книге детально исследован процесс формирования социально-экономических программ, выдвигаемых авангардом рабочего класса — коммунистическими и рабочими партиями. Показано, как эти партии, реализуя в своей практике марксистско-ленинскую теорию революции, сумели в годы второй мировой войны в условиях развернувшегося массового антифашистского движения выдвинуть реальные программы действий, соединив в них требования борьбы за демократию с борьбой за социалистическую революцию. При этом автор стремился сосредоточить внимание на вопросах, которые не нашли еще достаточного освещения

в советской и зарубежной марксистской историографии. Среди них следует отметить прежде всего проблему борьбы рабочего класса в странах данного региона за союз с мелкобуржуазными слоями, за создание блока сил, способных поддержать его борьбу. Весь приводимый автором материал свидетельствует, что рабочий класс защищает интересы не только свои, но и многочисленных непролетарских слоев трудящихся, что цели борьбы рабочего класса, добивающегося свержения политического и экономического господства буржуазии, не противоречат коренным интересам этих слоев.

Большое внимание уделяется разбору стратегии и тактики коммунистических и рабочих партий, дан детальный анализ творческого поиска авангардом рабочего класса путей подведения широких масс трудящихся к пониманию необходимости ликвидации капиталистической собственности на средства производства в условиях каждой страны рассматриваемого региона.

Тщательный анализ условий формиро-

вания программ социально-экономических преобразований в сфере промышленного производства, выдвинутых коммунистами стран Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны, позволил автору выявить факторы, определявшие общее и специфическое в тактике борьбы рабочего класса за ликвидацию капиталистической собственности на средства производства. Весьма интересной и научно аргументированной представляется предложенная на основе этого анализа группировка стран. Исследовав изменения в экономической и политической структуре стран рассматриваемого региона в годы второй мировой войны, автор пришел к выводу, что в оккупированных фашистской Германией и ее союзниками странах создалась ситуация, в которой проведение социальных преобразований в сфере материального производства являлось объективной необходимостью. Без этого невозможным оказывалось осуществление антифашистских, демократических и патриотических акций.

В Югославии, Албании, Польше и Чехословакии германские монополии захватили большую часть промышленных предприятий, в результате чего национальная буржуазия утратила господствующее положение в экономике страны. Но идя на частичный или полный коллаборационизм с оккупантами, занимая антидемократические, а в итоге и антинациональные позиции, она и ее политические представители в этих странах (исключение представляла Чехословакия) оказались вне складывающегося демократического антифашистского фронта, возглавляемого рабочим классом. Выдвинутые в такой обстановке политическими представителями рабочего класса требования конфискации собственности оккупантов и коллаборационистов позволяли лишить буржуазию ее важнейших опорных пунктов в системе экономики и открывали широкие возможности для объединения вокруг рабочего класса всех, «кому свобода нужна, кто способен добиваться ее»¹.

Разбирая вопросы реализации этой общей для всех оккупированных стран программы антифашистских преобразований, автор показывает, что ее социальное, классовое содержание определялось политической расстановкой сил в антифашистском движении и составом демократического блока, сложившегося вокруг рабочего класса. Если в Югославии, Албании и Польше характерной ее чертой была передача изъятых под патриотическими антифашистскими лозунгами средств производства в руки нового демократического государства, которое строилось силами, объединившимися для

борьбы против не только чужеземных захватчиков, но и национальной буржуазии, предавшей интересы нации, то в Чехословакии ситуация была иная. Это объяснялось существенными отличиями в политической расстановке сил в антифашистском движении. Национальный фронт чехов и словаков объединял более широкие по классовому составу силы: рабочий класс и другие слои трудящихся масс, ряд группировок чешской и словацкой буржуазии, занявших антифашистские позиции. Признав гегемонию рабочего класса в антифашистской борьбе, эти группировки рассчитывали стать ведущей силой в чехословацком обществе после войны. Здесь, как правильно отмечается в рецензируемой книге, эволюция национализированного сектора промышленности, возникшего в результате декретов 1945 г., находилась в зависимости от исхода борьбы двух основных сил в чехословацком обществе, деливших в этот период власть.

Другими путями шло объединение вокруг рабочего класса сил, способных поддержать его борьбу за вытеснение буржуазии из сферы производства, в Венгрии, Румынии и Болгарии. В этой группе стран не произошло такого сужения масштабов собственности национальной буржуазии, какое наблюдалось в оккупированных странах. Проникновение германского капитала в экономику своих союзников происходило скрытым путем через заключение неравноправных межгосударственных соглашений, обеспечивавших германскому капиталу господство над ведущими отраслями хозяйства в этих странах. Национальная буржуазия не лишалась собственности на средства производства. Не было здесь и прямого коллаборационизма буржуазии. Поэтому в рамках антифашистской патриотической акции можно было осуществить лишь незначительное изъятие у буржуазии средств производства. «Здесь, — как правильно отмечает автор, — нужна была разработка иной программы социально-экономических преобразований, с иной мотивировкой и иным конкретным содержанием, обеспечивающим возможность сплочения большинства трудящихся вокруг рабочего класса» (с. 315).

Коммунисты этой группы стран в своих программах сумели связать выдвигаемые ими требования преобразований в сфере производства с решением общенациональной задачи восстановления и развития послевоенной экономики, с индустриализацией как мерой избавления от тяжелых последствий войны и средством завоевания экономической независимости. Программы, как показывает анализ важнейших документов, были направлены на ограничение позиций буржуазии в системе производства и обмена путем установления действенного рабочего и государственного контроля на предприятиях

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 350.

и передачи некоторых отраслей промышленности под управление государства. Выдвижение программы преобразований, не несущей в себе непосредственно требований ликвидации частнокапиталистической собственности, позволяло привлечь на сторону рабочего класса не только социально близкие группировки, но и более широкие слои общества.

Таким образом, в этой группе стран ликвидация позиций буржуазии в сфере промышленного производства осуществлялась путем постепенного, поэтапного овладения отдельными, важнейшими звеньями экономики новым государством, эволюционирующим по мере укрепления позиций рабочего класса в системе государственной власти в направлении диктатуры пролетариата.

Все вопросы, связанные с освещением особенностей каждой из рассматриваемых автором стран, борьбы политических партий и группировок вокруг реализации выдвигаемых программ послевоенного экономического развития исследованы детально, с использованием широкого круга опубликованных источников и привлечением нового архивного материала. По своему характеру и методу анализа рецензируемая монография Г. П. Мурашко бесспорно может быть отнесена к числу работ, представляющих сравнительно-историческое направление в исследовании народно-демократических и социалистических революций 40-х годов

в странах Центральной и Юго-Восточной Европы².

Вместе с тем хотелось бы высказать некоторые замечания, касающиеся прежде всего структуры работы. По-видимому, было бы целесообразно уже во вступлении изложить основные критерии и принципы предлагаемой автором группировки стран, выделить в отдельную главу конкретный материал о ходе национализации в Чехословакии, более подробно рассмотреть программу Национально-освободительного фронта Албании и борьбу различных политических группировок вокруг этой программы, поскольку в советской литературе эти вопросы освещены очень скупо.

Однако эти замечания не влияют на общую положительную оценку книги. Новизна постановки ряда важнейших проблем, широкий исторический подход к их освещению, глубокий анализ борьбы рабочего класса за национализацию средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в ходе развития революций 40-х годов — все это существенные достижения автора, делающие книгу своевременной и нужной.

М. Г. Кракан

² См., например: «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977.

КНИГА О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ВОЙСК ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ ПРОТИВ ЮГОСЛАВИИ (1941—1943)

Работы итальянских военных историков о второй мировой войне, как правило, отличаются детальным описанием хода военных действий, основанном на солидной документальной базе. Недостатки большинства из них вытекают из ошибочной методологической установки на исследование проблем под «военно-техническим углом зрения». Вопреки благим намерениям, такой метод исследования не способствует объективному анализу событий, на что претендуют итальянские военные историки, становится удобным прикрытием для реабилитации многих аспектов фашистской внешней и военной политики. Эта тенденция прослеживается и в рецензируемой книге¹.

¹ «Le operazioni delle Unità italiane in Jugoslavia (1941—1943). Narrazione. Documenti». Red. Salvatore Loi. Roma, 1978, 510 pag. («Операции итальянских соединений в Югославии (1941—1943). Описание. Документы»).

Книга разделена на три части. В первых двух рассматривается подготовка и участие итальянских войск в военных операциях против Югославии и действия итальянских оккупационных войск на югославской территории с апреля 1941 г. по сентябрь 1943 г. В третьей опубликовано 129 документов, в основном впервые ставших доступными исследователям. Среди них — директивы общего характера о подготовке войны против Югославии, подписанные Муссолини как верховным главнокомандующим и начальниками генерального штаба сухопутных сил Бадольо и сменившим его Роатта, сообщения командования Второй и Девятой армий об обстановке на итало-югославской границе и о ходе военных действий, дипломатические и военные документы о перемирии с Югославией, тексты соглашений между Италией и «независимой» Хорватией, документы о пребывании итальянских оккупационных войск в Югославии и их действиях против пар-

тизанского движения, списки итальянских потерь в войне против Югославии.

В вводной главе приведены интересные факты, подтверждающие, что с начала 30-х годов Югославия занимала важное место в итальянских планах установления гегемонии в дунайско-балканском районе. В книге утверждается, что итальянское нападение на Албанию в апреле 1939 г. произошло в связи с утратой доверия к Югославии после отставки в феврале правительства Стоядиновича (с. 22). Однако автор вынужден признать, что еще до этого события итальянский генеральный штаб разработал два оперативных плана войны: один — только против Югославии, другой — для одновременных действий против Франции и Югославии (с. 29).

Факты, приведенные в книге, позволяют поставить под сомнение тезис, выдвигаемый во многих работах итальянских буржуазных историков, о «миролюбивых посреднических устремлениях» Муссолини в последние дни мира. Начальник генерального штаба Бадольо приказал 16 августа 1939 г. подготовить новые планы войны против Югославии и Греции. В конце августа они были одобрены Муссолини (с. 31). Из этого следует, что итало-фашистское руководство стремилось не упустить «свой шанс» в случае благоприятной ситуации.

В начале 1940 г. министр иностранных дел Италии Чиано обсудил с главварем усташей Павеличем план создания «независимой» Хорватии и итальянской оккупации Далмации (с. 25). К лету был разработан новый оперативный план военных действий против Югославии под кодовым названием «Есидженца Е». Он предполагал образование двух армейских группировок — «восточной» под командованием К. Гросси на «юлийском» фронте и «южной» под командованием маршала Э. Де Боно — на «албанском» фронте. Против Югославии планировалось выставить 30 дивизий. Год спустя в связи с расширением итальянских военных действий против Греции и в Северной Африке фашистское командование смогло выставить значительно меньшее количество сил (с. 36). Непосредственная подготовка к выполнению плана «Есидженца Е» началась уже 6 марта 1941 г., т. е. за три недели до государственного переворота в Югославии (с. 32—56).

В книге отмечается «плодотворное сотрудничество итальянских и германских войск в ходе югославской кампании, предопределившее быстрый успех» (с. 137). Однако конкретных сведений о предварительной координации военных планов между союзниками по фашистской оси не приводится. Зато отмечаются многочисленные эпизоды итало-германского соперничества в период подготовки и проведения военных действий. «Как всегда неожиданно, германское верховное ко-

мандование информировало итальянское, что наступление группы Вейкса из Штирии и Каринтии начнется 11 апреля, а не тринадцатого, как первоначально сообщалось. Генералу Амброзио (командующему 2-й армией. — В. М.) было поручено срочно пересмотреть планы, чтобы начать наступление одновременно с немцами» (с. 57—58). Вслед за этим последовало проникновение германских вооруженных сил в итальянскую оперативную зону. Итальянское руководство было особенно обеспокоено возможным германским продвижением на город Моштар и их выходом к Адриатическому морю. Итальянские войска получили приказ ускорить продвижение вдоль побережья, чтобы опередить немцев (с. 63—64).

В целях координации оккупационной политики было создано три итало-германские комиссии. Несмотря на это, в книге указывается на происки секретных германских спецслужб, стремившихся ослабить итальянское влияние в ее зонах, особенно в Хорватии (с. 109—113).

В Риме имелись сведения о планах Гитлера включить Хорватию в германскую империю или присоединить ее к Венгрии. Еще до нападения на Югославию германский консул Фрейндт и специальный посланник Малетке предложили лидеру хорватской крестьянской партии Мачеку провозгласить «независимость» Хорватии и создать предлог для германского вмешательства в югославские дела. В свою очередь Муссолини навязал лидеру усташей Павеличу соглашение, в соответствии с которым «правительство» гарантировало бы постоянные итальянские интересы в Хорватии и поддержало бы притязания Рима на Далмацию. Гитлеровское руководство, уступив настойчивым требованиям итальянцев о формировании в Хорватии «правительства» Павелича, стремилось установить над ним свой контроль через прогерманскую группировку в организации усташей. 10 апреля 1941 г. лидер этой группировки Кватерник провозгласил «независимость» Хорватии, что явилось сюрпризом для Рима. Чтобы решить вопрос в свою пользу, Муссолини направил на своем личном самолете в Загреб начальника кабинета министра иностранных дел Ф. Анфузо. Одновременно глава фашистского правительства напомнил германскому послу в Риме, что итальянские права в районе Адриатики признаны Гитлером. 15 апреля «правительство» Павелича было признано Италией и Германией, но германское влияние в Хорватии продолжало возрастать (с. 119—129).

Безусловно, итало-германское соперничество на Балканах за сферы влияния имело место и оказывало влияние на ход войны. Это еще раз подтверждает акту-

альность вывода В. И. Ленина о том, что союз империалистических держав «это — союз хищников, из которых каждый старается урвать что-нибудь друг у друга»². Однако сведения о противоречиях между фашистскими союзниками приводятся в книге с тем, чтобы доказать тезис о принципиальном различии между Италией и Германией, в частности в проведении оккупационной политики. Автор утверждает, что в отличие от германских итальянские войска выполняли роль стабилизирующего фактора в Югославии. К примеру, в книге признается, что в Югославии пролилось «море крови», особенно между апрелем и августом 1941 г., но ответственность за это возлагается на усташи и прогерманские элементы (с. 143, 166—167, 235—237). По мнению автора, итальянские войска в течение 30 месяцев оккупации Югославии «спасли многие человеческие жизни», что имеет «редчайшие прецеденты в истории и в традициях других ар-

мий» (с. 260). Заодно он пытается бросить тень на югославское национально-освободительное движение, объясняя его возникновение националистическими и религиозными причинами и даже воздействием извне (с. 191—201). Участие итальянских войск в карательных действиях освещается с позиций «беспристрастного» изложения военно-оперативных аспектов операций.

Подобная трактовка событий является кощунственной как по отношению к справедливой национально-освободительной борьбе югославского народа, так и по отношению к тем итальянцам, которые мужественно сражались в годы второй мировой войны против фашизма.

Желал того автор рецензируемой работы или нет, но его стремление отгородиться от политических аспектов проблемы объективно способствует реабилитации захватнического внешнеполитического курса итальянского фашизма и искажает историческую действительность.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 350.

В. И. Михайленко

STEFAN TURLEJ. *Koncepcje ustrojowe obozu londyńskiego*. Warszawa, 1978, 248 s.

СТЕФАН ТУРЛЕЙ. *Концепции лондонского лагеря о государственном устройстве*.

В своей книге С. Турлей разоблачает утверждения эмигрантских историков, в частности В. Побуг-Малиновского, о том, что правительство В. Сикорского было неконституционным, что оно узурпировало власть у «законного» правительства И. Мосьцицкого — Ю. Бека. Рассматривая декларацию от 18 декабря 1939 г., автор пришел к выводу, что идеалом эмигрантского правительства было нечто среднее между фашистской диктатурой и буржуазной демократией. Декларировались формальные свободы без каких бы то ни было гарантий их осуществления. В последующих декларациях Польша объявлялась демократической республикой с сильным правительством (с. 96—97). Эмигрантское правительство и поддерживающие его партии мечтали о воссоздании Польши как многонационального государства федералистической республики, в котором автономией пользовались бы только литовцы; белорусы и украинцы оставались бы по-прежнему бесправными.

Концепция лондонского лагеря по аграрному вопросу не отличалась конкретностью. Стронництво людове предпо-

лагало обеспечить крестьян землей путем организации поселений на западных землях, ограничить земельные владения на старых землях до 50 га. Декларация от 15 марта 1944 г. так называемого Совета национального единства была расценена демократическими силами как спекуляция лозунгами, популярными в массах.

ППС высказывалась за национализацию бесхозных предприятий, а также заводов и фабрик, находившихся в руках пронемецких элементов; Стронництво людове считало необходимым провести национализацию железных дорог, почты, военной и горной промышленности; Стронництво працы даже требовало государственного контроля над частными доходами. Все это, однако, по существу не затрагивало капиталистического хозяйствования в промышленности.

Автор отмечает ограниченность требований лондонского лагеря относительно возврата Польше западных земель. Что же касается восточной границы Польши, то лишь Сикорский занимал более или менее реалистическую позицию.

Значительное внимание в книге уделяется планам лондонского лагеря по

вопросу создания польско-чехословацкой федерации. Декларация обоих правительств от 25 января 1942 г. имела компромиссный характер. Польские эмигрантские лидеры надеялись вовлечь в федерацию, помимо Венгрии и Румынии, Латвию, Литву и Эстонию.

Автор подчеркивает, что внешняя и внутренняя политика эмигрантского правительства в основном повторяла по-

литику санации. Это было чревато для польского народа неисчислимыми бедствиями. Только тесное сотрудничество с Советским Союзом могло возродить независимую и демократическую Польшу. Это неустанно разъясняли польскому народу деятели ИТР.

Книга С. Турлея имеет большое познавательное значение.

Н. И. Кудрявцева

Хозяйство и общество на Балканах в средние века. (Межвузовский тематический сборник.) Калинин, 1978, 150 с., библиография

Рецензируемый сборник подготовлен кафедрой истории древнего мира и средних веков Калининского университета и объединяет работы медиевистов, занимающихся средневековой историей балканских (в основном южнославянских) стран и работающих преимущественно не в академических учреждениях, а в высших учебных заведениях. Широкая тема, которой подчинены статьи сборника — социально-экономическая история. Более узкая тема, но вынесенная в его заголовок, но явственно ощущающаяся уже при первом знакомстве с содержанием, — история средневекового города (пять из девяти материалов, включенных в сборник, относятся к ней).

В первой статье — «Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов» (с. 4—15), — В. В. Кучма (Волгоград) рассматривает «Стратегикон Маврикия» (рубеж VI—VII вв.), точнее 4-ю главу XI книги этого сочинения, где византийский автор ведет речь о славянах. Используя обширную литературу, посвященную этому интересному памятнику, В. В. Кучма приходит к заключению, что, во-первых, именно славяне во времена Маврикия являлись главным противником империи, и, во-вторых, автор трактата, по всей видимости, был непосредственно знаком с жизнью славянских племен. Сведения второго источника, подвергнутого анализу, «Тактики» Льва VI, содержат информацию с военной точки зрения гораздо меньшую, чем «Стратегикон». Незначительность этих свидетельств позволяет В. В. Кучме заключить, что в эпоху Льва VI (конец IX — начало X в.) славяне не считались сколько-нибудь вероятным противником империи.

Е. П. Наумов (Москва) посвящает свою статью «Экономическое положение Сербского государства в середине XIV в.» (с. 16—34) анализу источников по аграрной истории центральных областей царства, созданного Стефаном Душаном. Специфичность этих источников вынуждает историка ориентироваться на данные из монастырских архивов. Изучение материалов Призренской области дает

представление о развитии доменального хозяйства в вотчинах династии Неманичей. Анализ дарственной грамоты Стефана Душана Архангельскому монастырю (близ Призрена) позволяет убедиться в значительной роли интенсивного земледелия — виноградарства, садоводства, а также шелководства. Интересно наблюдение о том, что расширение доменальной записки опережало рост рабочих рук, что и вызвало, по мнению Е. П. Наумова, увеличение удельного веса животноводства в хозяйстве отдельных монастырей (например, Хиландаря) (с. 30). Выводы Е. П. Наумова представляют интерес для сопоставления отмеченных тенденций в центральной Сербии с показателями экономического развития всего государства. Нам представляется лишь, что держатели монастырской земли, обязанные выполнять барщину, вряд ли могут квалифицироваться как «феодалы» (с. 29).

К статье Е. П. Наумова по тематике близка работа В. В. Захарова (Кубанский университет) «Агрικультура Далмации в XIII—XV вв.» (с. 34—50). Автор использует законодательство далматинских коммун, привлекает современную югославскую и советскую литературу, создавая довольно детальную картину интенсивного земледелия и скотоводства на побережье. Интересная статья В. В. Захарова построена в основном на материалах городских статутах и дополнений к ним (так называемых «реформаций»), т. е. на источниках нормативного характера. В этой связи возникают вопросы: какой была реальная агротехническая практика?, где те источники, которые позволяют увидеть не нормативную, а действительную картину сельскохозяйственного производства? Возможно, что исследования, построенные на изучении арендных договоров (в частности капитальная монография Д. Роллера) могли бы помочь ответить на этот вопрос. Книгу Роллера (1955), между прочим, автор статьи даже не упоминает.

Статья Л. А. Шаферовой (Красноярск) — «Землевладение и домовладение в Которе в первой половине XIV в.» (с. 50—74) — начинается «городской» цикл опубликован-

ных в сборнике материалов. Автор использует сборник нотариальных актов из Котора 1326—1335 гг., изданных А. Майером. Объектом ее рассмотрения становятся земельные участки внутри городских стен, характер застройки, деление Котора на кварталы (особо рассматривается предместье города — Крепи), а также порядок сдачи в аренду домов, их частей и земельных участков; одновременно предпринята попытка оценить социальный состав домовладельцев и съемщиков. Картина, нарисованная Л. А. Шаферовой, достаточно полна, но ей недостает стройности — автор все время меняет угол зрения, перемежая рассмотрение одних вопросов другими. Вызывает сомнения и методический прием, используемый автором, когда цена (дома, участка) прямолинейно связывается с имущественным статусом владельца — дорогостоящие дома, действительно, могли принадлежать только богатым людям, но дешевые дома далеко не всегда были собственностью бедняков, их могли приобретать и городские кобили.

И. Г. Воробьева (Калинин) посвящает свою статью «К вопросу о городском населении в Далмации в XVI—XVII вв.» (с. 110—123) демографическим проблемам: она рассматривает донесения венецианских чиновников в Далмации позднего средневековья, недавно изданные в Югославии. Данные этих донесений сводятся в таблицы, демонстрирующие значительные колебания в составе горожан. На рубеже XIII и XIV вв. численность горожан обычно колебалась от 2,5 до 3,5 тыс. человек, и только в Задаре оно было свыше 8 тыс. На протяжении двух рассматриваемых столетий число жителей в отдельных городах то поднималось до 5 тыс., то опускалось до 1700 человек, что объясняется притоком беженцев из прифронтовой полосы, эпидемиями, голодом, а, главное, затяжными войнами. И. Г. Воробьева обращает внимание на пропорции в составе городского населения (соотношение общего числа с количеством боеспособных, стариков, детей). Отдельно рассматриваются санитарные меры властей и демографическое развитие Дубровницкой республики.

М. М. Фрейденберг (Калинин) посвятил свою статью «Внутренняя жизнь далматинского города» (с. 75—99) анализу вышедшей в 1977 г. в г. Загребе книги Т. Раукара «Задар в XV столетии». Автор отмечает редностное источниковое богатство рассматриваемого исследования — книга почти целиком основана на свидетельствах, впервые извлеченных из архивов, он подчеркивает присущую хорватскому историку высокую исследовательскую культуру и новизну его выводов по целому ряду проблем — относительно городских промыслов (солеварения), о степени развития ремесла, характере ремесленных сообществ, сохранении

размеров задарской торговли после перехода города под власть Венеции. Несогласие по частным вопросам не мешает М. М. Фрейденбергу высоко оценить сделанный Т. Раукаром анализ поземельных отношений в окрестностях города и портретные характеристики задарских горожан. Принципиальные возражения у автора критической статье вызываются в книге только два обстоятельства. Загребский историк писал свою работу в отрыве от европейской историографии, он почти не сопоставляет развитие Задара с развитием других европейских городов и не применяет по отношению к Задару XV в. (даже по отношению к жизни его сельской округи) понятие «феодализм».

Статья В. Г. Кармана (Калинин) «Некоторые проблемы истории балканского города XV—XVI вв. в современной болгарской и югославской историографии» (с. 123—142) — это обзор новейших работ по истории средневекового города на Балканах эпохи турецкого господства. Автор рассматривает точки зрения по поводу того нового, что внесли турки в городскую жизнь полуострова, их вклада в развитие городов. Особое внимание в обзоре привлечено к исследованиям налоговых описей, «дефторов». Анализу подверглись конкретно-исторические исследования македонского ученого М. Соколоского и известного болгарского балканиста Н. Тодорова.

Обсужая в сборнике стоит статья Л. В. Горинной (Москва) «О болгарских материалах в составе русского Хронографа редакции 1512 года» (с. 100—109). Автор продолжает традицию изучения этого важного памятника, существующую в русской и советской науке, подробно характеризует сюжеты болгарской истории, попавшие на его страницы. Освещение этих тем в русском Хронографе, по мысли автора, — выражение живого интереса русских книжников к истории южных славян, возникшее в XIV—XV вв.

Заключает сборник заметка о книге «Отношения Дубровника с Англией» (с. 142—151), написанная О. Г. Леонтьевой и А. В. Черышовым. Она содержит материалы югославо-английского симпозиума, состоявшегося в апреле 1976 г. в Дубровнике.

В заключение приятно отметить высокую полиграфическую культуру издания. Следовало бы только для удобства читателей в конце книги дать общий список сокращений (аббревиатур) русских и зарубежных периодических изданий, встречающихся по несколько раз на страницах сборника.

Хотелось бы видеть продолжение инициативы, начатой калининскими историками, по объединению сил ученых, работающих в разных вузах страны.

Ю. В. Иванова

Н. Ф. КОПЫСТЯНСКАЯ. *Жанровые модификации в чешской литературе.* (Период становления социалистического реализма.) Львов, 1978, 259 с.

Основной предмет исследования в монографии Н. Ф. Копыстьянской — процесс взаимопроникновения и взаимовлияния жанров, принципы, лежащие в основе образования новых жанровых разновидностей в литературе XX в.

В историческом аспекте на материале чешской литературы 20—30-х годов прослеживаются связи между становлением метода социалистического реализма в конкретных общественно-исторических условиях и видоизменением жанровых форм очерка, романа, рассказа Ивана Ольбрахта, М. Майеровой, Г. Малиржовой, И. Волькера, И. Гаусманна, Я. Глазаровой, К. Нового, В. Ванчур, Й. Горы, С. К. Неймана, К. Чапека и других. В методике исследования соединяются историко-литературный, теоретический и логический принципы анализа художественных явлений.

Обобщающие разделы монографии — предисловие и заключение — характеризуют еще и современное состояние изучения данного вопроса советским литературоведением¹.

Первая глава книги — «Аспекты жанра» — посвящена тщательному анализу достижений современного «жанроведения», которые автор пытается по-своему осмыслить, обнаруживая солидное знание современной советской и чешской научной литературы, а также трудов ряда зарубежных ученых (например, С. Скварчинской). Н. Ф. Копыстьянская сопоставляет взгляды, высказанные в новейших исследованиях, со взглядами таких теоретиков и критиков, как Ф. Кс. Шальда, Эд. Неедла, Б. Вацлавек, И. Волькер, А. Пипа, Л. Новомеский, Й. Гора, Э. Э. Киш и другие.

Автор убедительно устанавливает в сложном понятии жанра четыре взаимосвязанные и взаимообусловленные понятийные сферы, выделенные по степени абстрактности и конкретности. Деление на сферы дало автору возможность определить характер жанров и их понимание в каждую литературную эпоху (сфера 2), в каждой национальной литературе (сфера 3), сопоставить исторические модификации жанра с его общетеоретическим понятием (сфера 1), вывести это понятие, как обобщение высшего порядка, показать, что в жанре является устойчивым, повторяющимся, а что исторически изменчивым.

¹ В частности, указаны соответствующие работы С. А. Шерлаимовой, Л. Н. Будаговой и Р. Р. Кузнецовой.

Правильно считая художественной закономерностью обоюдную связь между становлением метода (в данном случае — социалистического реализма) и становлением жанровых модификаций, автор доказывает, что такой закономерностью, в частности, обусловлено появление очерка, который в чешском литературоведении принято называть репортажем.

Во второй главе — «Очерк и репортаж» — автор вскрывает авангардную роль очерка в процессе становления социалистического реализма в чешской литературе, определяет связанные с этим принципы и ведущие тенденции, лежащие в основе модификации этого жанра.

Исследовательница опирается на литературные и критические материалы, отличающиеся своеобразием подхода к теме, например, Э. Э. Киша, присоединяется к позициям ученых, в частности Д. Ф. Маркова, которые видят в дальнейшем развитии художественного метода социалистического реализма постоянные искания, разнообразие форм, отрицая при этом необходимость стиливой и жанровой регламентации, нормативности. Н. Ф. Копыстьянская считает, что условность, к которой часто прибегают писатели соцреализма (аллегоричность, символика, сказочные мотивы, фантастика), призвана не увести читателя от жизни, а заставить задуматься над ней.

«Стержнем» третьей главы — «Очерк о Стране Советов. Познание и борьба» — стал анализ первого чешского очерка «Картины из современной России» Ивана Ольбрахта, сопоставление его с «Россией во мгле» Г. Дж. Уэллса. Установив общую доминанту для различных типов очерка, автор вскрывает в очерке Ольбрахта новую идейную позицию пролетарского писателя и поиск новых форм воспроизведения увиденного и пережитого.

Будучи вполне законченным самостоятельным произведением, очерк, по ее мнению, явился одновременно подготовительной работой для пролетарского романа и повести. Несомненно, выявление новаторского характера очерка Ольбрахта выступило бы ярче, если бы автор рассмотрела аналогичные очерки польских и французских писателей, например Г. Бобинской «Ленин в красном Варшавском Полку», Я. Секерской «Сила революции», П. Вайяна-Кутюрье «Месяц в Красной Москве» и др.

Четвертую главу — «Малые жанры начала 20-х годов» — автор посвятила рассмотрению модификации различных поэтических и малых прозаических жан-

ров, вызванных к жизни революционным подъемом в стране. Можно посоветовать автору сопоставить сатиру Гаусманна, ее пародийную стилизацию, иронический перифраз, сатирическую гиперболу с творчеством таких польских поэтов, как Юлиан Тувим, Антони Слонимский, Ян Леховь.

Главы пятая — «Роман 20-х годов. От старых корней молодые побеги» — и шестая — «Споры о романе. Очерковый публицистический роман» — посвящены анализу разновидности и модификации романа. Автор показывает, какую большую роль в низвержении прежних идеалов и представлений сыграли в литературе начала 20-х годов сатирические романы, особенно «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека. Важно, что автор обращается по-новому и к известным в литературоведении произведениям и к малоизученным — «Промышленное производство добродетели» И. Гаусманна. Представляется целесообразным сопоставление последнего с «Фабрикой Абсолюта» Чапека (1922), тем более, что некоторые критики обвиняли И. Гаусманна в плагиате. Интересно было бы знать мнение автора исследования в вопросе о заимствовании Гаусманном у К. Чапека темы и мотивов.

Рассматривая очерковый публицистический роман И. Горы «Социалистическая надежда», Н. Ф. Копыстьянская показывает публицистическое, документальное направление романического русла, к которому она относит и роман Ольбрахта «Зеркало за решеткой». Тщательный анализ этого произведения дает автору возможность проследить расширение рамок произведения за счет введения вставных новелл, жанровых сцен.

Стремление показать «новое» и «старое» в жанре романа, в его живой связи и взаимопроникновении с другими жанрами позволило автору сделать выводы об интернациональной общности некоторых доминант, определяющих новую структуру романа в социалистических литературах современности.

Н. Ф. Копыстьянская вводит новый литературоведческий термин — «роман прозрения» для определения специфики первых чешских зрелых произведений соцреализма. «Лучший из миров» М. Майеровой и «Анна-пролетарка» Ивана Ольбрахта свидетельствуют о перерастании романа воспитания в роман революционного прозрения, являясь примером соединения романа-хроники с романом воспитания.

Вполне уместно автор ставит вопрос, как быть теоретикам с множеством названий, возрастающим количеством еще не названных сложных жанровых структур? И правильно отвечает на него, что анти-исторично применять к произведениям современной литературы только те деления, которые были установлены много лет

или даже веков назад, поскольку важно не установить какие-то точные, в действительности не существующие, границы каждого из жанров, а раскрыть их потенциальные возможности.

С главами об очерке тесно связана седьмая глава — «Очерк 30-х годов. Проблема народности и экзотики. Чужих народов больше нет». На материале произведений о Закарпатье Ивана Ольбрахта, С. К. Неймана, а также статей о них, Н. Ф. Копыстьянская показывает, как писатели решали вопрос жанра, в частности, проблему экзотического романа, и как народность литературы была для них неотделимой от ее коммунистической партийности.

Исследовательница не пыталась ограничивать свои изыскания произведениями чешской художественной литературы, привлекала художественные тексты других европейских литератур. Рассуждения собственно теоретического характера органически вытекают в книге из анализа живой практики писателей.

Рассмотрение ряда романов (Ольбрахта, Майеровой, Ванчуры, Нового, Чапека, Глазаровой) в плане выявления взаимодействия поэтических и прозаических жанров (баллады, повести и романа) и классификация их под общим названием балладной прозы составляют насыщенную новыми теоретическими наблюдениями восьмую главу монографии.

Тип балладной прозы отвечал, по мнению автора, многим художественным тенденциям в развитии не только чешского, но и зарубежного романа и повести социалистического и критического реализма 30-х и позднейших годов (сочетание документальности и условности, поиски героического характера, объемность и интенсивность художественного образа, наслаения временных планов).

Термин «балладная проза» представляется не совсем удачным, так как он может обозначать и прозаическую балладу. Предпочтительнее ввести термин «балладизированная проза», т. е. включающая элементы баллады.

В целом монографию Н. Ф. Копыстьянской отличает обилие продуманных и вытекающих из глубокого и конкретного литературоведческого анализа дефиниций природы национального своеобразия жанров в чешской литературе 20—30-х годов, в которой новаторство писателей опирается на предшествующие традиции, развивает их и одновременно формирует новые жанровые разновидности. В частности, впервые в литературоведении ставится вопрос о бурлескных жанрах в литературе XX в. и их роли в становлении социалистического реализма.

Попытка автора разобраться в вопросе формирования жанров и их видоизменений, базирующаяся на историко-теоретическом принципе и опирающаяся на богатые познания в области истории чеш-

ской и других европейских литератур, представляется плодотворной. Некоторые выводы, содержащие положения новейшей теории модификации жанров, представляют собой оригинальную методологическую инициативу.

Можно, конечно, спорить с автором по частным вопросам, иногда чувствуется излишняя перегрузка иллюстративными материалами, подробностями автобиографического характера (например, об Иване Ольбрахте и А. Мацке). Правильно считая, что выдающиеся писатели своими произведениями создавали художественную традицию, которая вызвала аналогичные явления в других литературах, автор не всегда доказательно проводит сравнения.

Список использованной литературы насчитывает 328 названий, однако в нем недостает некоторых работ, имеющих прямое или косвенное отношение к теме монографии: К. Крейчи. «Якуб Арбес» и «Героикокомическое в поэзии славян», М. Н. Пархоменко. «Обновление традиции» и публикаций по русско-чешским связям К. И. Ровды. Вместо устарелого издания книги Е. Журбины — «Искусство очерка» 1957 г. следовало ввести новое. В монографии ощущается отсутствие именного указателя.

Но эти мелкие недочеты не умаляют солидной теоретической новизны и свежести работы львовской исследовательницы, большой прикладной ценности ее книги.

И. Н. Лозинский

Генезис и развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (от истоков до 1917 года). М., «Наука», 1978.

Проблемами изучения художественной культуры социалистических стран в современных условиях занимаются во Всесоюзном научно-исследовательском институте искусствознания Министерства культуры СССР и в других научных искусствоведческих центрах страны. В Институте уже изданы такие важные в методологическом плане работы, как «Искусство, революцией призванное», «Художественные процессы в русском и польском искусстве XIX — начала XX в.», «Актуальные проблемы социалистического искусства».

Свидетельством напряженной работы искусствоведов, примером плодотворного коллегиального творчества, подтверждением важности комплексного подхода к решению серьезных искусствоведческих проблем, является рецензируемая монография, в создании которой приняли участие многие ученые Института.

Только большой и слаженный коллектив мог решиться на комплексное освещение сложных вопросов развития театра, музыки, изобразительного искусства, архитектуры в их взаимосвязях, взаимообливлении и взаимообогащении. Как писал в своей книге «Проблемы теории социалистического реализма» видный советский славист Д. Ф. Марков, «теория социалистического реализма призвана обобщать современный художественный опыт, видеть его связь с традициями прошлых эпох, четко определять отношение нашего метода к другим направлениям, выявлять и обосновывать исторические перспективы развития литературы и

искусства»¹. Рецензируемая монография охватывает начальный период рождения и становления социалистического искусства в национальных культурах стран Центральной и Юго-Восточной Европы в связи с социально-политическими процессами этого времени.

Открывает монографию чрезвычайно ценное в методологическом отношении обширное введение, где по-новаторски поставлены такие вопросы, как открытый характер социалистического реализма, изначально предопределенный историческими задачами и историческими особенностями возникновения и формирования художественной культуры (с. 3—4), интернационализация и мировое значение социалистической художественной культуры, предпосылки развития социалистического искусства и его связь с развитием рабочего движения, революционно-демократическими и национально-освободительными традициями, «генезис социалистического искусства как искусства, принципиально нового идейно-социального содержания, боевой революционно-пролетарской направленности» (с. 17). Хронологический охват явлений предусматривает четкую периодизацию этапов становления социалистического искусства, которое формируется одновременно с эстетическими идеалами. Мысль о том, что «путь демократического искусства второй половины XIX — начала

¹ Д. Ф. Марков. Проблемы теории социалистического реализма. М., 1978, с. 301.

XX столетия есть путь *открытия* и познания искусством пролетариата как новой исторической силы, как нового героя, как той *реальности*, мимо которой искусство не может пройти» (с. 40), отличается полнотой и чрезвычайно важна для понимания судеб национальной культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Рабочее движение получает отражение в драматургии и в театре, песенное творчество пролетариата играет большую роль в музыкальном искусстве, общественный подъем, связанный с революциями 1848 г., находит яркое воплощение в жанрах изобразительного творчества, осуществляются стилевые сдвиги, способствовавшие возникновению социалистической архитектуры.

Композиция монографии отличается четкостью, изучение пластов художественной культуры осуществляется в пределах каждой из исследуемых стран региона — Германии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии и Югославии. Существенную роль в становлении социалистического искусства названных стран играл рост общественного самосознания рабочего класса. Так, в Германии в русле освободительных идей развивалось творчество талантливых драматургов Г. Бюхнера, Ж. Швейцера, О. Вальстера, получили распространение революционные и повстанческие песни, исполняемые рабочими хорами, традиции демократического искусства были связаны с именами К. Лессинга, И. Гезенклевера, Т. Хоземана, А. Мещеля, с деятельностью еженедельника «Симплициссимус», с творчеством К. Кольвиц, художников объединения «Мост» и др. В архитектуре борьба идей сказалась в желании создать единый художественный стиль. Авторы справедливо пишут, что «через восприятие и утверждение в сознании масс великих эстетических идей Маркса и Энгельса традиции раннего социалистического искусства оказались переданными следующему большому этапу в истории могучего революционного искусства Германии» (с. 60).

Борьба пролетариата во многих странах была связана с национально-освободительным движением. В Польше, раздробленной реакционными монархиями и преданной собственными магнатами, воздышавшие социалистических идей было чрезвычайно сильным. Творчество демократических художников оказывало большое влияние на духовную атмосферу. Последовательное, всестороннее изложение материала включает постулаты о становлении основ марксистской эстетики и критики, суждения о противоречивости позитивизма, о группе публицистов «Вендровца», о борьбе с идеалистической эстетикой, о полемике вокруг журнала «Химера» и работах видных деятелей социал-демократии — Ю. Мар-

клевского, Р. Люксембург, А. Варско-го. Подробно проанализированы различные виды искусства — театр, музыка, изобразительное искусство. Авторы приходят к выводу, что со временем польское изобразительное искусство обогащается темами из борьбы и жизни пролетариата (С. Ленц, Ф. Выгживальский, В. Войткевич, А. Каменский и др.).

Национально-освободительная борьба народа стимулировала также становление социалистического искусства в Чехии и Словакии. Большую роль в развитии демократических идей сыграло Пражское вооруженное восстание 1848 г. Творчество драматурга Й. Тыла, писателя А. Ирасека, постановки пьес М. Горького во многих театрах, хоры Яначека, музыка Б. Сметаны, А. Дворжака, песенное творчество пролетариата, пейзажи Й. Манеса, композиции Й. Упрки, М. Иранека, К. Мыслбека, М. Швабинского, сатира Купки, произведения А. Славичека свидетельствуют о прогрессе культуры на пути к социалистическому идеалу.

Обстоятельная глава, посвященная распространению социалистических идей в искусстве Венгрии. Одной из центральных в искусстве была героическая тема. Предшественницей социалистической культуры стала поэзия Ш. Петефи, революционно-демократическая деятельность М. Танчича, Э. Ади. В становлении венгерского социалистического искусства имели важное значение драматургия С. Вёрёшмарти, И. Мадача, Г. Чики, Ж. Морица, гениальное творчество Ф. Листа, рабочие песни, творчество М. Мункачи, И. Ревеса, школы Надбаны, Б. Уица. Важные шаги по пути к демократизации были сделаны также в архитектуре.

Своеобразны тенденции развития нового типа искусства в Болгарии, во многом связанные с освободительными процессами. В театре, музыке, изобразительном искусстве воздышавшие социалистических идей было сильным, что с большой обстоятельностью и доскональностью показано авторами этой главы.

Исследование становления социалистического искусства Румынии неотделимо от общего изложения диалектического процесса развития культуры. Каждый вид искусства здесь, как и в предыдущих главах, подробно проанализирован в плане его исторически конкретного бытования, наличия в нем патриотических мотивов и усиления социальной проблематики. И музыка, и театр, и изобразительное искусство в своем следовании к социалистическим идеалам опирались на общедемократические традиции. В главе глубоко раскрыты идейный смысл и художественное содержание архитектуры.

Авторы главы об истоках социалистической художественной культуры народов Югославии исходили из ее много-

национального характера, что определило методику исследования. Подробно, внимательно анализируется искусство республик Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины. Авторы подчеркивают, что основой зарождения социалистической художественной культуры «послужили художественные направления, имевшие ярко выраженный демократический характер» (с. 499). В поле зрения исследователей — многочисленные мастера, обогатившие искусство новыми идеями и выразительными средствами.

Монография представляет собой разно-сторонний по содержанию труд, имеющий целью обобщить значительный период становления и развития социалистического искусства народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Данная работа приобретает особенно актуальный характер сейчас, в период возрастания общественно-политического и социально-культурного значения стран социалистического содружества.

А. Федорук

В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ СОВЕТЕ ПРИ ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР (ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ)

9 марта 1977 г. Высшая аттестационная комиссия при Совете Министров СССР утвердила специализированный Совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте славяноведения и балканистики АН СССР (по специальности «всеобщая история»).

В 1977—1979 гг. на заседаниях Совета были проведены защиты пяти докторских диссертаций: С. М. Фалькович на тему «Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912)», Е. П. Наумовым — «Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв.», В. В. Зелениным — «Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917—1921 гг.», В. К. Волковым — «Мюнхенский стовор и балканские страны», А. К. Мошану — «Социалистическое движение в Румынии (середина 70-х — начало 90-х годов XIX в.)» и семи кан-

дидатских диссертаций: «Англо-греческие отношения в годы первой мировой войны (1914—1916)» (О. В. Соколовская), «Чешский радикальный демократ Йозеф Вацлав Фрич. Политическая программа и деятельность» (Г. И. Еремеева), «И. И. Срезневский и его роль в развитии русско-чешских научных и культурных связей в 40—70-е годы XIX в.» (М. Ю. Досталь), «Историография проблемы создания и развития Отечественного фронта Болгарии в 1942—1948 гг.» (О. Н. Решетникова), «Конституция 1935 г. и борьба демократических сил против режима санации в Польше» (Э. С. Багинский), «Деятельность БКП по созданию народного фронта и политика буржуазно-демократической оппозиции в Болгарии в 1934—1939 гг.» (В. Ф. Кадацкий), «Молдавско-польские политические отношения 1683—1691 гг.» (Л. В. Власова).

Е. П.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 35-ЛЕТИЮ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Начиная с 1974 г. во Львове ежегодно проводятся научные республиканские конференции историков-полонистов, посвященные знаменательным датам СССР и ПНР. Конференции организуются Институтом общественных наук АН УССР и Львовским областным отделением Общества советско-польской дружбы.

18—19 октября 1979 г. состоялась VI научная конференция историков-полонистов, посвященная 35-летию Польской Народной Республики. В ней приняли участие более 80 историков из Москвы, Киева, Львова, Черновцов, Днепропетровска, Запорожья, Луцка, Дрогобыча и других городов.

Пленарное заседание конференции открыл председатель оргкомитета, директор Института общественных наук АН

УССР В. П. Чугаев. Затем выступили с докладами: В. П. Чугаев — «Основные направления истории советско-польских отношений на современном этапе», И. И. Белякевич — «Польская Народная Республика на пути строительства социализма», И. М. Теодорович — «Деятельность КПСС и ПОРП по укреплению советско-польской дружбы и сотрудничества на современном этапе». Дальнейшая работа проходила в трех секциях.

В первой секции — «Строительство социализма в Польской Народной Республике» — были прочитаны следующие доклады: В. К. Мороз — «Развитие советско-польских отношений 1944—1949 гг.», Р. П. Осташ — «Деятельность ПОРП по идейному воспитанию трудящихся в условиях построения развитого социали-

стического общества», Г. И. Ковальчак — «Экономика ПНР в системе стран — членов СЭВ», В. И. Валевская — «Развитие профсоюзного движения в Польше на современном этапе», Е. И. Франчук — «Изменение социальной структуры общества ПНР (1944—1956)», В. И. Парубий — «Рост трудовой активности рабочего класса в условиях строительства развитого социализма в ПНР», Л. Д. Васильева-Чекаленко — «Развитие науки в ПНР, направления и перспективы», В. Ф. Репринцев — «Роль Общества советско-польской дружбы в укреплении братского сотрудничества между СССР и ПНР», В. И. Головин — «Советско-польское сотрудничество в области гражданской авиации», Ж. А. Бондаренко — «Польская пресса в СССР», И. Д. Лось — «Освещение польской прессой тесного взаимодействия ПНР и СССР в борьбе за разрядку международной напряженности и углубление сотрудничества между народами», А. В. Петров — «Основные этапы развития польско-болгарских отношений (1944—1979)».

Во второй секции — «Борьба польского народа против фашизма в годы второй мировой войны» — с докладами выступили: И. И. Белякевич — «Установление границы мира и дружбы между УССР и ПНР», Л. А. Любимский — «Проблемы советско-польского боевого содружества в годы второй мировой войны в трудах историков ПНР», И. И. Мельник — «„Союз борьбы молодых“ — организатор молодежи по восстановлению народного хозяйства Польши (1944—1946)», Б. В. Мартынюк — «Польский народ в борьбе против фашистских агрессоров в сентябре 1939 г.», Е. Р. Симоненко — «Великая Отечественная война Советского Союза и развитие освободительного антифашистского движения польского народа», Н. А. Рудой — «Вопросы вооруженной борьбы в программах документах ППР (1942—1944)», Т. Г. Медоварова — «Основные формы и методы работы ППР по вовлечению польского крестьянства в единый антифашистский национальный фронт (1942—1945)», В. С. Манюков — «Совместные боевые действия Советской Армии и Войска Польского по освобождению Варшавы», Я. Я. Денисов — «Завершающий этап разгрома немецко-фашистских войск в Чехословакии и участие в нем Войска Польского», Ю. П. Шестаков — «Деятельность выдающегося польского интернационалиста К. Сверческого в первом периоде Великой Отечественной войны», С. Е. Иващук — «Участие советских разведывательных групп в борьбе за освобождение западных воеводств Польши», В. И. Миткалик — «Участие поляков в партизанской борьбе против гитлеровских захватчиков на Воляни и Ровинщине», А. А. Шевчук — «Сотрудничество польских конспиративных

демократических организаций с движением Сопротивления во Франции в январе — июне 1944 г.», И. М. Миропниченко — «ППР — организатор и воспитатель Народного Войска Польского (1944—1945)», Г. А. Мазурцев — «Взаимодействие Советской Армии с гражданским населением в период освобождения Польши (VII 1944—1945)», А. А. Удовенко — «Советская историография об участии Второй Армии Войска Польского в Берлинской операции», Н. В. Гайворонюк — «Борьба советской дипломатии по польскому вопросу на Потсдамской конференции». Доклад «Общественно-политическая деятельность В. Василевской в годы второй мировой войны», подготовленный П. М. Калениченко и Л. В. Ярош, прочитала Л. В. Ярош.

В третьей секции, посвященной проблемам революционного и национально-освободительного движения польского народа, сделали доклады: И. Н. Лозинский — «Роль львовского журнала „Сигналы“ (1933—1939) в международной консолидации народного фронта Западной Украины», С. В. Кушинская — «Помощь трудящихся Советской Украины жертвам белого террора в Польше», В. А. Нерод — «Борьба пролетариата Польши в защиту СССР в годы мирового экономического кризиса 1929—1933», М. И. Зильберман — «К вопросу об историографии совместной революционной борьбы трудящихся Западной Украины и Польши (1918—1939)», А. П. Мендусь — «Участие польских интернационалистов в подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Москве в 1917 г.», В. Я. Гордиенко — «Участие поляков в рабочем движении Германии в конце XIX в.», Л. Е. Волькович — «Предпосылки сближения рабочей организации ПП „Пролетариата“ и Союза польских рабочих на пути возникновения марксистской партии в Польше (1889—1892)», П. С. Усенко — «Польские революционные демократы в общественно-политическом движении России накануне восстания 1863 г.», О. А. Полянский — «Отзвуки в Европе на крестьянское восстание 1846 г. в Галиции», Ф. И. Стеблій — «Польские конспирации середины 1830-х годов в Галиции и украинское общество», В. А. Борис — «Австрия и польское восстание 1830—1831 гг. в свете архивных документов», М. В. Кошуба — «Реформаторское движение в Польше в XVI — XVII вв. и его влияние на Украину», О. В. Матковская — «Гуманизм в Польше и его влияние на движение братств на Украине».

На заключительном пленарном заседании конференции были заслушаны доклады: Ю. И. Макар — «Формирование и развитие отношений дружбы и братства между СССР и ПНР в рамках социалистического содружества», П. М. Кале-

ниченко и В. П. Колесник (с которым выступил В. П. Колесник) — «Развитие и совершенствование форм международного социалистического соревнования

между трудовыми коллективами приграничных областей СССР и воеводств ПНР (1956—1979)».

И. И. Беляевич

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА В ИЖЕВСКЕ

23—26 сентября 1979 г. в Ижевске состоялся всесоюзный научный симпозиум по изучению проблем аграрной истории развитого феодализма, организованный Министерством высшего образования РСФСР, Удмуртским государственным университетом им. 50-летия СССР.

В работе симпозиума приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Алма-Аты, Фрунзе, Свердловска, Донецка, Калинин, Одессы, Караганды, Сыктывкара, Томска, Горького, Ярославля, Ивано-Франковска.

С докладом «Спорные проблемы аграрной истории Англии XII в.» выступила Е. В. Гутнова (Москва), которая обратилась к нерешенным вопросам: существовала ли ведущая тенденция в аграрной эволюции Англии XII в., о внутренней периодизации этой эволюции, о роли сельской общины, о формах крестьянских движений. Ее выступление дополнили доклады и сообщения К. Д. Авдеевой (Ленинград) о внутренней колонизации и аграрном пейзаже Англии XIII в., Ю. Р. Ульянова (Москва) о новой вотчине в Англии XIV—XV вв., И. В. Завьяловой (Одесса) о проблемах аграрного развития Англии XV—XVI вв. в современной английской историографии, А. Н. Иванова (Сыктывкар) об эволюции английского манора в последней четверти XIV — первой половине XV в., И. В. Семенова (Челябинск) о генезисе английского фермерства, Ю. Я. Серовайской (Караганда) о заповедных лесах в Англии как форме феодальной собственности.

Значительное место в тематике симпозиума заняли доклады, посвященные аграрной истории Франции. С большим вниманием был заслушан доклад А. Д. Люблинской (Ленинград) — «Подготовительный этап в процессе разложения феодального строя (на материале Франции XIV—XV вв.)». Т. М. Червоная (Горький) сообщила о провинциальных кутюмах во Франции как историческом источнике, М. А. Молдавская (Донецк) познакомила слушателей с результатами изучения судеб экспропрированного крестьянства Франции первой половины XVI в., О. В. Трофимова (Ярославль) выступила с сообщением о продукциях сельского хозяйства в торговле западных французских городов.

В докладе В. Е. Майера (Ижевск) «Община в Германии XIII—XVII вв.» оспаривалось мнение западноевропейских историков о том, что община возникает в Германии по воле феодалов и только после XIII в. В. З. Каплюк (Томск) полемизировал с западногерманскими историками по вопросам социально-экономического положения немецкого крестьянства накануне Крестьянской войны. В. А. Чиркин (Ижевск) рассмотрел крестьянские жалобы 1524—1525 гг. как источник по истории крестьянского хозяйства. Н. Г. Шишкина (Ижевск) доложила о работах историков ГДР по изучению Крестьянской войны 1525 г.

А. Арзиматов (Фрунзе) выступил с докладом «К. Маркс о роли собственности на землю в развитии феодализма». Проблемам лесопользования в странах Западной Европы XI—XII вв. был посвящен доклад Я. Д. Серовайского (Алма-Ата). О. И. Варьяш (Москва) в своем сообщении затронула проблемы общинного устройства на северо-западе Пиренейского полуострова. Т. П. Гусарова (Москва) привела новые данные об агрикультуре и агротехнике на землях тосканских городов XV — начала XVI в., Г. А. Ртищева (Москва) рассказала о некоторых проблемах социально-экономической истории Сицилии периода развитого феодализма.

Особое место в работе симпозиума заняли доклады и сообщения славистов. С докладом «Основные черты разложения феодализма в странах Восточной Европы» выступила В. А. Маркина (Киев). Т. П. Брянцева (Киев) оспорила мнение о сильном влиянии «немецкого права» на сilesские города XIV в. В. А. Якубский (Ленинград) в докладе «Второе издание крепостного права» в Польше — его этапы и специфика» высказал ряд доводов в пользу того, что нет оснований противопоставлять социально-экономическое развитие Речи Посполитой другим странам Восточной Европы.

О вкладе Д. Л. Похилевича в изучение проблем аграрного строя Польши XVI—XVIII вв. рассказал В. А. Пирко (Донецк). Суть концепции ученого заключалась в том, что Речь Посполитая в XVII в. переживала не прогрессирующий кризис всей системы барщинных отношений, а лишь временный, вызванный разорительными войнами середины XVII в.

В сообщении Э. С. Острая (Донецк) говорилось о структуре крестьянского хозяйства в период позднего феодализма. Я. С. Мельничук (Ивано-Франковск) познакомил слушателей с историографией аграрных отношений в Русском и Белзском воеводствах Польши в XVII—XVIII вв.

В. А. Сметанин (Свердловск) предложил считать «проскафименов» многочисленных византийских актов XI—XIV вв. не переходной, а вполне обособившейся прослойкой в составе крестьянства и убедительно, на цифровом материале аргументировал это мнение.

В докладе М. М. Фрейденберга (Калинин) «Далматинская деревня XIV—XV вв.» была выдвинута гипотеза о сходстве далматинского и восточного городов на основе тесной их связи с селом и дальним хинтерландом.

Симпозиум по аграрной истории развитого феодализма явился важным этапом в координации дальнейшей научной разработки аграрной истории развитого феодализма. Следующий симпозиум решено провести в 1981 г. в Киеве.

И. Г. Воробьева

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В КАТОВИЦАХ

24—25 января 1980 г. в Катовицах (ПНР) состоялась научная сессия, посвященная 35-летию Польской Народной Республики. Она была организована Силезским университетом и Силезским научным институтом. На пленарном заседании сессии были прочитаны доклады проф. Г. Реховичем — «Источники и факторы развития Народной Польши», проф. А. Добешевским — «Основные механизмы функционирования марксистско-ленинской партии и ее руководящей роли в процессе строительства социализма», проф. А. Мелихом — «Место Народной Польши в процессе интеграции социалистических стран», проф. В. Навроцким — «Основные проблемы развития культуры в Народной Польше в течение 35 лет».

На первой секции сессии рассматривались эволюция программной концепции подпольной ПНР (доц. М. Малиновский), роль ПНР в осуществлении идеи единства рабочего движения в Польше (доц. Б. Сыздек), основные этапы социально-экономического развития ПНР (проф. М. Сырек), преобразование социальной структуры в Народной Польше (проф. Б. Яловецкий), развитие социальной политики в ПНР (проф. Л. Фронцкевич), участие

молодежных организаций в социально-экономических и политических преобразованиях в Народной Польше (проф. Я. Кантыка), социальная политика ПНР (д-р Г. Шпор). Доц. О. Кая (ЧССР) в своем выступлении осветил руководящую роль партии в социалистических преобразованиях, проф. Э. Донверт (ГДР) — взаимоотношения ГДР и ПНР, д-р ист. наук И. И. Костюшко (СССР) — советско-польские отношения в первой половине 50-х годов.

Внимание второй секции сосредоточивалось на вопросах социальных преобразований в Катовицком воеводстве (проф. В. Мрозек), места и роли Силезии и Домбровского бассейна в экономике Народной Польши (доц. Г. Роля), инвестиций (доц. Л. Цихы), изменения состава рабочего класса (д-р С. Едрох) и интеллигенции в Катовицком воеводстве (д-р Л. Алекса), вклада молодежи воеводства в строительство Народной Польши (д-р Я. Вальчак).

Сессия привлекла внимание научной общественности и имела большое познавательное значение.

И. К.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ БЕЛОРУССКИХ И БОЛГАРСКИХ ЯЗЫКОВЕДОВ

18—20 сентября 1979 г. в Софии состоялась научная конференция по болгарско-белорусским языковым параллелям. Конференция проводилась в рамках дальнейшего осуществления Плана научного и культурного сотрудничества между Белорусским государственным университетом им. В. И. Ленина и Софийским универси-

тетом им. Климента Охридского (НРБ). (Симпозиум по типологическим и генетическим связям белорусского и болгарского языков состоялся в Минске в 1976 г.)

На конференции было прочитано восемь докладов с советской стороны и восемь — с болгарской. Кроме языковедов из дружественных университетов, в заседаниях

приняли участие слависты из Болгарской Академии наук и Велико-Тырновского университета им. Кирилла и Мефодия, а с советской стороны — старший научный сотрудник Института языкознания им. Я. Коласа АН БССР Г. А. Цыхун. С докладом выступил также доцент Ягеллонского университета (ПНР) И. Русек.

Большинство выступлений на конференции было посвящено сопоставительному анализу лексики родственных языков. Так, в докладе А. Е. Супруна (БГУ) «Вопросы типологического сопоставления лексики белорусского и болгарского языков» предлагался способ количественной оценки типологической близости языков, основу которого составляет процентный подсчет точных и приблизительных лексических соответствий в словаре и тексте. Образец синхронно-семантического анализа группы слов был продемонстрирован С. Иванчевым (НРБ) в докладе «Общее сопоставление основной (беспрефиксальной) глагольной лексики в болгарском и белорусском языках»; при этом факты лексического своеобразия каждого из языков получили историческое объяснение. Доклад Г. А. Цыхуна «Генетические, типологические и ареальные критерии определения близости славянских языков (в частности — белорусского и болгарского)» отличался особым вниманием к данным современных диалектов. Обширный диалектный материал послужил также основой для доклада М. Младенова (НРБ) «Лексические белорусско-болгарские параллели». Это были примеры типа бел. *залаяа* — болг. *олеви*, бел. *папруга* — болг. *попръг*, бел. *памагачка* — болг. *помагачка*. Лингвостатистический метод, по мнению автора, позволяет реконструировать отношения между славянскими языками в древнейшую эпоху. Под историческим углом зрения рассматривались белорусско-болгарские лексические соответствия и в докладе И. Русека. Б. А. Плотников (БГУ) систематизировал всевозможные виды лексических отношений между однокоренными словами в славянских языках — от полного семантического тождества до антонимии. Объектом внимания С. Брезинского (НРБ) было несколько болгарско-белорусских лексических параллелей (*стяг* — *цяг*, *червен* — *чырвоны*, *държавен* — *дзяржаўны*). В докладе М. Караанговой (НРБ) «Белорусско-болгарские фразеологические параллели» шла речь о тавтологических конструкциях типа бел. *плячом к плячу* или болг. *бръмбари бръмчат (в главата)*. В основе доклада А. М. Калюты (БГУ) «К характеристике ассоциативных полей слов с общими компонентами значения» лежали результаты психолингвистического эксперимента на материале болгарского языка: свободные ассоциации на

слова *река*, *море*, *океан* и *град*, *улица*, *къща*, *сграда*.

Тематика грамматических докладов на конференции была в целом более разнообразной. В докладе И. Буюклиева (НРБ) «К сопоставительной характеристике старобелорусского и среднеболгарского языков» отмечались общие явления, характерные для развития системы склонения двух языков в рассматриваемые периоды. Б. Ю. Норман (БГУ) в своем докладе обратил внимание на сходные явления в сфере глагольного синтаксиса болгарского, русского и белорусского языков (деревлексивацию и транзитивацию), которые, однако, характеризуются различной степенью принятия или непринятия литературной нормой. Доклад М. А. Муталимовой (БГУ) назывался «Существительные со значением лица в функции дополнения в старославянском и старобелорусском языках»; специальному анализу при этом подверглись старославянские конструкции со вторым винительным и вторым дательным падежом и их соответствия в старобелорусском. Два доклада болгарских языковедов были посвящены словообразованию прилагательных: это «Имена прилагательные с суффиксами *-ив-*, *-лив-*, *-чив-* в белорусском и болгарском языках» Л. Селимского и «Относительные прилагательные со значением вещественного происхождения в болгарском и белорусском языках» И. Гугулановой. В первом из них описывались структурно-словообразовательные условия, определяющие различную продуктивность указанных суффиксов в двух славянских языках; во втором исследовалась конкуренция дублетных форм типа бел. *антрацытавы* и *антрацытны*, болг. *чемширов* и *чемширен*. Доклад В. А. Карпова (БГУ) «Числительные *два*, *двама*, *две* и их соответствия в белорусском языке» основывался на материале перевода романа И. Вазова «Под игом» на белорусский язык; одним из выводов автора являлась мысль о том, что к развиту у числительных значения собирательности имеет отношение артикль как средство грамматической категории определенности.

В докладе Н. Б. Мечковской (БГУ) давалась всесторонняя сопоставительная характеристика двум первым учебным книгам национального возрождения в Болгарии и Белоруссии — «Рыбному букварю» П. Берона и «Белорусскому лементарю» К. Каганца.

Конференция признала целесообразным создание болгарско-белорусского и белорусско-болгарского дифференциальных словарей. Тексты докладов конференции будут опубликованы в болгарском журнале «Сопоставительное языкознание».

Б. Ю. Норман

НОВЫЕ КНИГИ

Т. Ю. Григорьянц. Оккупационная политика фашистской Германии в Польше (1939—1945). Попытки германизации и колонизации «присоединенных» польских земель. М., «Наука», 1979, 223 с.

В работе рассматривается гитлеровская политика в отношении польских земель, включенных в состав рейха после захвата Польши в сентябре 1939 г. На основании архивных документов, исторической литературы, воспоминаний современников событий автор воссоздает страшную картину человеконенавистнического режима, целью которого было физическое уничтожение поляков, колонизация и германизация включенных в состав рейха исконных польских территорий. Большое внимание уделено в книге мужественной борьбе польских патриотов на этих территориях против германского фашизма и его планов тотального уничтожения славянских народов.

А. М. Орегов. Становление польского социалистического движения. Структура, программные концепции, деятели (1874—1893). М., «Наука», 1979, 374 с.

В книге освещен начальный период истории польского рабочего движения: зарождение и формирование первых кружков польских социалистов. Автор показывает организационную структуру польского освободительного движения, взгляды польских социалистов на социальную революцию и революционную тактику, отношение к проблеме национальной независимости Польши, связи с русским революционным движением.

Ю. Д. Беляева. Литературы народов Югославии в России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX — начало XX в. М., «Наука», 1979, 279 с.

Основное внимание в монографии уделяется освещению узловых проблем развития национальных литератур Югославии, анализу творчества отдельных писателей, вопросам популяризации и переводов художественных произведений. В связи с этим автором подробно исследуются труды представителей академического литературоведения (А. Н. Пылина, А. Н. Веселовского, Ф. Е. Корша, М. Н. Сперанского и др.). Книга основана на широком круге опубликованных источников, периодической печати, на материалах советских и югославских архивов. Собственно литературные во-

просы рассматриваются в единстве с идейной борьбой в России по славянскому вопросу.

В. А. Хорев. Становление социалистической литературы в Польше. М., «Наука», 1979, 366 с.

В книге рассматривается становление польской социалистической литературы, формирование и развитие в ней метода социалистического реализма, показано значение традиций национальной классики для современного этапа развития литературы. Автор по-новому ставит и решает ряд актуальных проблем истории польской литературы XX в.

М. Г. Рожновская. Очерки по синтаксису болгарского литературного языка. М., «Наука», 1979, 205 с.

Монография выполнена на богатом языковом материале. В ней освещаются грамматическое и актуальное членение предложения, синтаксическое и смысловое согласование, роль лексики в синтаксисе. Большое внимание уделено функции артикля в структуре предложения.

З. Н. Стрекалова. Морфология глагольного вида в современном польском литературном языке. М., «Наука», 1979, 264 с.

В монографии дается детальное описание морфологических типов видовых пар польского глагола, раскрывается лексико-семантическая сторона глагольного видообразования, освещается вопрос о соотношении категории вида и способов глагольного действия. Разрабатываются актуальные проблемы славянской аспектологии.

В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. Т. II Е—Н. М., «Наука», 1979, 352 с.

В словаре собраны все известные по прусским текстам слова и словосочетания, а также реконструирован значительный пласт слов на основании анализа диалектизмов восточно-прусских немецких говоров. Большое место в словаре занимают этимологические объяснения слов, грамматический, словообразовательный, семантический и историко-культурный комментарий.

Р. С.

CONTENTS

Molok F. A. Publication of Lenin's Works in Czechoslovakia. Lavrik E. G., Pokovajlova T. A. To the Forming of the Multilateral Economic Cooperation between Socialist States. Shinkarev A. Communist Party of Yugoslavia and Independent Tread Unions in Yugoslavia (1921—1929). Dimitris Lules (Greece). The Formation of the Greek State and Russia (1821—1832). Korenevskaja N. The Image of Time in the Poetry of Desanka Maximovich, Martynenko G. J. Lexico—Grammatic Field and Standard Meaning of the Substitutors (on the Basis of Bulgarian Demonstrative Pronouns).	3
--	---

Communications

Bobrik M. N. The Efforts of Poland for the Convocation of the All-European Conference (1964—1972).	79
--	----

On the History of Slavonic Studies

Dostal M. J. I. I. Sreznevskij as Slavist (1812—1880)	90
---	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

Beliakevich I. I. A Valuable Book on the History of the Central and South—East European Peoples Struggle for Freedom and Independency. Antoniuk S. M., Vasiljeva L. D., Makar I. I. Очерки истории советско-польских отношений. 1917—1977. Krekane M. G. Мурашко Г. П. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. Из опыта революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Mihajlenko B. I. A Book on the Fighting Actions of the Italian Fascist Troops against Yugoslavia (1941—1943). Kudriavtseva N. I. Stefan Turlej. Консервје ustrojowe obozu londyñskiego. Ivanova J. V. Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Lozinskij I. N. Н. Ф. Копытянская. Жанровые модификации в чешской литературе. Fedoruk A. Генезис и развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (от истоков до 1917 года).	106
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

E. P. In the Specialized Council of the Institute of Slavonic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR (History). Beliakevich I. I. Scientific Conference Devoted to the 35-th Anniversary of the Polish People's Republic. Vorobjova I. G. Scientific Symposium on the Problems of Agrarian History of the Developed Feudalism in Izhevsk. I. K. Scientific Session in Katowice. Norman B. J. Scientific Conference of Byelorussian and Bulgarian Linguists. R. S. New Books.. . . .	122
--	-----

Технический редактор *Е. В. Силицына*

Сдано в набор 11.02.80	Подписано к печати 15.04.80	Т-05270	Формат бумаги 70×108 ^{1/8}
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2 Уч.-изд. л. 12,5	Бум. л. 4	Тираж 1213 экз. Зак. 2792

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891